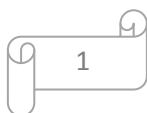

Кубанский государственный университет
Факультет истории, социологии и международных
отношений
Центр славянских исследований

**СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
*(к 140-летию Сан-Стефанского мира и Берлинского
конгресса)*

*Материалы Международной научно-практической
конференции*

Краснодар 2018

УДК 327 (=16)

ББК 66.4 (=41)

С 471

Редколлегия: *Э.Г. Вартамян*, докт. ист. наук, профессор (науч. ред., сост.); *А.В. Ващенко*, канд. ист. наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета; *О.В. Матвеев*, докт. ист. наук, профессор (науч. ред., сост.), *А.С. Евтушенко*, канд. ист. наук, доцент

Рецензенты:

О.В. Кириченко, докт. ист. наук, старш научн. сотр. Института этнологии и антропологии РАН

Л.Р. Хут, докт. ист. наук, профессор Адыгейского государственного университета

Славяне и их соседи в истории международных отношений (к 140-летию Сан-Стефанского мира и Берлинского конгресса): материалы Международной научно-практической конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев.* – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2018. – 188 с. – Тираж – 100 экз.

ISBN978-5-91883-428-2

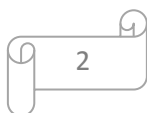
В издание вошли материалы очередной Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета. Сборник содержит новые исследования о роли славян и их соседей в истории международных отношений, вопросам экономического, политического и культурного развития славянских стран. Книга предназначена для специалистов в области истории международных отношений и славяноведения, преподавателей и студентов, сотрудников учреждений культуры и государственных служб.

УДК 327 (=16)

ББК 66.4 (+41)

С 471

ISBN978-5-91883-428-2 © Коллектив авторов, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году исполнилось 140 лет Сан-Стефанскому прелиминарному договору и Берлинскому трактату, явившимися звеньями одной цепи процесса мирного урегулирования Восточного кризиса. Легенда о «блистательном Сан-Стефано» и «жалком Берлине», подогревающая время от времени мифотворчество политиков и публицистов, исторически несостоятельна. История расселила балканские народы чересполосно, когда на протяжении веков они пребывали в разных государственных образованиях, анклавов греков, сербов, албанцев, болгар, мусульман и христиан оказывались нередко в глубине расселения друг друга. Балканы – один из тех регионов мира, где границы, созданные на основе этнического принципа, не решают межэтнических проблем, а лишь закладывают мины замедленного действия. Против создания «Сан-Стефанской Болгарии» выступили не только Австро-Венгрия и Великобритания, но и сербы, греки, румыны, албанцы, представлявшие большинство населения полуострова. Однако Сан-Стефанский договор сыграл роль свершившегося факта, который западные державы уже не могли игнорировать. Поэтому в Берлине российской дипломатии удалось отстоять основы заключенного графом Н.П. Игнатьевым мира. На карте Балканского полуострова появились три международно признанных независимых государства – Сербия, Черногория, Румыния. После пятисотлетнего перерыва была восстановлена и государственность болгарского народа. Наступила новая эпоха в истории региона, когда Османская империя потеряла возможность бесконтрольно осуществлять произвол в отношении народов Юго-Восточной Европы, и они сами стали решать свою судьбу. Россия перечеркнула для себя последние тяжелые для нее результаты Крымской войны, вернула Южную Бессарабию, присоединила ряд территорий в Закавказье.

Берлинский трактат имел немало недостатков, когда из одной Болгарии сделали две, их границы искусственно сужались за счет македонских земель, сербский народ оказался разделенным на три части, не были учтены интеграционные стремления албанцев. Однако отдельные деревья не должны заслонять леса. Уже

наиболее вдумчивые современники событий характеризовали решения Берлина как «гигантский компромисс» – то, чего так не хватает современному состоянию международных отношений.

Это был первый опыт балканского миротворчества, который прописал международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств. Религиозное, гражданское и политическое равноправие документально провозглашалось всеобъемлющими ценностями для Балкан вне зависимости от государственных принадлежностей тех или иных областей.

Юбилей Сан-Стефано и Берлина послужил поводом обратиться к их итогам и урокам на очередной научно-практической конференции Центра славянских исследований Кубанского государственного университета, сборник материалов которой вы держите в руках. В конференции приняли участие представители трёх славянских стран (Болгария, Россия, Беларусь), ученые из Минска, Велико Тырново, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Краснодара, Темрюка. Материалы, представленные в книге, содержат новые исследования о роли славян и их соседей в истории международных отношений, вопросам экономического, политического и культурного развития славянских стран. Крепко надеемся, что очередное издание Центра славянских исследований привлечет внимание специалистов в области истории международных отношений и славяноведения, преподавателей и студентов, сотрудников учреждений культуры и государственных служб.

Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев

РАЗДЕЛ I. СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.В. Матвеев (г. Краснодар, Российская Федерация)

РЕЗУЛЬТАТЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

В этом году исполнилось 140 окончанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Воспринятые по-разному современниками решения Сан-Стефанского и Берлинского трактатов (зачастую исключительно в зеркале национальных интересов своих стран), во многом продолжают определять развитие историографии вопроса. В статье рассматриваются некоторые аспекты оценок итогов войны, имеющих место в современной исторической литературе.

Ведущим специалистом по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. остается в нашей стране генерал-майор В.А. Золотарев. Он отстаивает традиционное видение итогов войны: решения Берлинского конгресса изменили условия Сан-Стефанского мира в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова [1]. Из дореволюционной и советской историографии ряд современных авторов заимствовали тезис о «берлинском позоре». Историки и публицисты по-прежнему находятся в плену легенды славянофилов о нерадивой дипломатии, не сумевшей отстоять на Берлинском конгрессе плоды победы.

Иного мнения придерживался замечательный исследователь истории международных отношений на Балканах В.Н. Виноградов. «Язык не поворачивается, – пишет исследователь, – клеймить позором договор, перечеркнувший последние тяжелые для России итоги Крымской войны, вернувший ей Южную Бессарабию, позволивший ей присоединить некоторые территории в Закавказье, признавший государственную

независимость Сербии, Румынии и Черногории, восстановивший почти после пятисотлетнего перерыва государственность болгарского народа, нанесший Османской империи удар, от которого она уже не оправилась, похоронивший доктрину статус-кво, с помощью которой она держалась на ногах под сенью своих покровителей во главе с Великобританией, перекроивший всю систему защиты балканских интересов, перенесший её центр из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу» [2]. Видный балканист призывал исходить из исторических реалий, а не из утопических надежд: «В отношении Сан-Стефанского мира встает вопрос: мог ли создать стабильную ситуацию в регионе, мог ли обеспечить длительный и прочный мир договор, который не признали три самых крупных и самостоятельных государства на Балканах – Сербия, Румыния и Греция, считавшие его односторонне благоприятным для Болгарии, превращающим её в решающую силу и ущемляющим их интересы? Вывод, на наш взгляд, очевиден: шансов на утверждение "Сан-Стефанской системы" прочно и надолго не существовало, даже если абстрагироваться от лютой вражды к ней Великобритании и Австро-Венгрии» [3].

Схожих позиций придерживалась В.М. Хевролина. В своей монографии, посвященной творцу Сан-Стефанского мира графу Н.П. Игнатьеву, она отмечала, что «негативная оценка Игнатьевым, как и значительной частью русского общества итогов Берлинского конгресса была односторонней. Конгресс показал истинную роль России в Европе. Игнатьев, как и многие другие политические и общественные деятели, питал преувеличенные надежды на мощь и силу России, несмотря на обозначенные войной тревожные симптомы. <...> Для балканских же народов в целом Берлинский трактат имел положительные последствия. Главные итоги войны были сохранены: независимость Сербии, Черногории, Румынии, создание автономной Болгарии. Господство Османской империи на Балканах было подорвано. С течением времени освободились и другие её провинции» [4]. Подобный подход В.М. Хевролина продемонстрировала и в соответствующем разделе четвертого тома обобщающего труда «Истории внешней политики России», выпущенного Институтом российской истории РАН в 1999 г. [5].

Ведущий научный сотрудник Института Российской истории Ирина Сергеевна Рыбаченок полагает, что «продиктованный скорее эмоциями, чем политической целесообразностью, Сан-Стефанский договор создал для Петербурга больше проблем, чем политических выгод» [6]. И действительно, в плену версии «блистательного Сан-Стефано» и «достойного жалости» Берлинского трактата мало кто сравнивает то, что было до и после Берлина. В конце 1876 г. восстание в Боснии и Герцеговине на грани агонии, Болгария утоплена в крови и лежит в развалинах, Сербия разгромлена войсками Османа-паши, в Румынии полный провал попыток добиться независимости. Восстановление власти османов на Балканах – вопрос времени.

После Берлина 1878 г. рушится вся система международных отношений, навязанных России и балканским народам западными державами после Крымской войны. Округляются владения России в Закавказье, возвращается Южная Бессрабия, Сербия, Черногория и Румыния получают независимость, рухнула доктрина *status-quo*, предусматривавшая сохранение власти Порты в Юго-Восточной Европе, восторжествовал российский курс на восстановление государственности балканских христиан [7]. Если учесть, что в 1877 г. цели войны были русским правительством сформулированы скромно и реалистично, то от уничижительной оценки итогов войны не останется и следа: все, чего желала Россия, она получила.

В исследованиях нового поколения отечественных историков 1990-х–2000-х гг. настораживают крайние оценки. Так, в диссертации белгородского исследователя Е.А. Сучалкина критикуется статья С. Секиринского «Барское дело», опубликованная в журнале «Родина» за категоричность выводов о неискренности поддержки российским обществом борьбы балканских славян [8]. Однако сам Е.А. Сучалкин склоняется к мнению о том, что русские пришли освободить «сравнительно зажиточное, не разоренное турками население» Балкан [9].

В работах современных турецких авторов война 1877–1878 гг. трактуется как столкновение исламского мира, центром которого стала Османская империя, с внешним немусульманским миром. Агрессивная направленность этого мира воплотилась, по мнению таких авторов, как Ф. Нуза и Н. Сюрал, в войне России

против Турции [10]. Освободительные тенденции балканской политики России турецкие историки не замечают. После военного переворота 1980 г. подход, известный как «турецко-исламский синтез», получил полную поддержку государства. По мнению исследователя из Анкарского университета Ташансу Тюркера, главная особенность новой парадигмы историографии Турции «состоит в написании османской истории в форме повествования, воспламеняющего национальные чувства» [11]. Для наиболее выдающихся историков современной Турции Йылмаза Озтуна, Шерафетдина Турана и Ибрагима Кафесоглу «история – это средство пропаганды, излагающей обычно ход борьбы между нациями. Каждая нация использует историческую науку в целях собственной пропаганды. В таком случае можно сказать, что история национальна. Лучше всего об этом говорит тот факт, что историки не являются беспристрастными» [12]. Согласно концепции «турецко-исламского синтеза» иго Турции на Балканах выдается за прогрессивную опеку, национально-освободительное движение балканских народов – за инспирацию европейских держав, а все войны, которые вела Блистательная Порта в XVIII–XIX вв., включая войну 1877–1878 гг. – за самооборону от агрессии России и Запада [13].

Исследовательница Самиха Айверди в книге «Русско-турецкие отношения и конфликты», вышедшей в Стамбуле в 2005 г., утверждает, что «столетиями Россия стремилась поддерживать борьбу за веру на Балканах, следила за сохранением своего влияния на Сербию, Болгарию, Черногорию и Румынию, которые стремилась удержать в рамках своего мира. Раздавая сладкие обещания, русский империализм многим затуманил глаза» [14]. Тем самым Айверди продолжает традиционную линию турецкой историографии (Исмаил Ганм Данишмед, Энвер Зия Карал и др.) на то, что христиане в Османской империи в конце XIX в. обладали всеми правами, а их восстания были спровоцированы Россией и прикрывали захватнические планы последней [15]. Самиха Айверди пишет, что «русские, несомненно, хотели взять реванш за тот разгром, который им устроила Турция и её союзники двадцать лет назад. Османская Империя, в которой на тот момент была конституционная монархия, являла собой довольно унижающий

пример для русских. Поэтому ни русское правительство, ни русские аристократы не смогли этого вынести» [16].

Оценивая результаты войны. С. Айверди отмечает, что «благодаря условиям Сан-Стефанского мира должна была прорваться турецкая дамба, что означало ряд неприятных сюрпризов для Британии и всей Европы. Принять и приветствовать экспансию России на Восток было неразумно, поэтому европейцы помогли Османской империи сохранить и улучшить свое положение <...>, ради собственных выгод Англия признала Османскую империю пострадавшей и признала тяжелыми условия навязанного Турции мира» [17].

Турецкие историки называют противостояние 1877–1878 гг. «девяносто третьей войной», имея в виду общее число вооруженных конфликтов с Россией за три с половиной столетия. Оценивая итоги войны, они считают, что это был самый серьезный удар для Оттоманской Порты. Дело даже не в территориальных потерях, хотя и они были исключительно тяжелы, а в том, что более миллиона этнических турок оказались гонимыми на земле Европейской Турции [18]. Турецкая историография «оценивает Сан-Стефанский мирный договор как попытку России возвратиться к проблеме "святых мест" и, установив гегемонию над Османской империей, пошатнуть турецкое равновесие» [19]. Купленные ценой потери Боснии и Герцеговины, Кипра, условия Берлинского конгресса толкуются турецкими авторами как предотвращение полного изгнания турецкого населения из Европы. Т. Озтуна полагает, что в Берлине удалось устранить претензию России быть «эфенди на Балканах», опасную для европейского равновесия [20]. Выигрышной стороной в Берлине стала не Россия, а молодые балканские государства. По мнению современных турецких исследователей, итоги противоборства двух империй зримо обозначили начало заката одной из них – Османской империи. Кемал Карпат подразделяет историю своей родины на два этапа – имперский и национальный, считая 1878 год рубежом. «Оттоманско-русская война 1877–1878 гг. и последовавшие за ней Сан-Стефанский и Берлинский договоры, – отмечает историк, – нанесли смертельный удар по традиционному

Оттоманскому государству и открыли дооргу для развития турок как национальной группы со своим политическим лицом» [21].

В то же время, ряд современных исследователей Турции все чаще используют историко-антропологические методы в русле концепций взаимопознания. Так, Ильбер Ортайлы проводит тончайший анализ ткани эпохи XIX века, благодаря сравнительному изучению имперских структур Османской империи и России [22]. И. Ортайлы полагает, что русско-турецкие войны, «как ни странно, имели следствием сближение между странами и народами, как было во времена крестовых походов христиан Запада на Ближний Восток. То же относится и к Османской и Российской империям. Со времени появления постоянного русского посольства в Османской империи в начале XVIII века отношения между странами непрерывно развивались. Россия имела огромное влияние в балканских провинциях Османской империи, а турецкое влияние всегда ощущалось в провинциях Российской империи – в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. Особенно плодотворными были времена султана Абдул-Хамида II и российского императора Александра III. Оба они стремились к миру и изживали последствия русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов. Они понимали, что западные державы часто намеренно толкали две евразийские империи к войне для усиления своего влияния на Востоке» [23].

В болгарской историографии в 1990-е гг. стало весьма ощутимым влияние набирающей силу русофобии. Идеологическое воздействие нередко выливалось в громкие кампании по изъятию из учебного процесса прежних учебников истории. Известный ученый, академик Болгарской Академии наук Андрей Лазаров Пантев так оценивал современную ситуацию в болгарской литературе, посвященной русско-турецкой войне: «Часто встречаем критические сомнения относительно тогдашней необходимости освобождения, противопоставленной альтернативному видению болгарского развития без освобождения» [24]. Вызывает сомнение, считает А. Пантев, и мнение, что «конец османского управления у нас мог бы наступить позднее и более благоприятным для болгар способом». Дискутируя со своими болгарскими коллегами, А. Пантев приходит к выводу: «Мы таких времен не видим,

принимаем историческую реальность такой, каковой она была тогда, т.к. условные наклонения ведут нас к тупиковым путям абстрактных предположений. <...> Нетрудно установить, почему от фанфарной истории войны легко опуститься до её вульгаризации как новой оккупации» [25].

Известный болгарский историк Пламен Митев в своей книге «Българско Възраждане» (София, 1999) и в других работах стремится разоблачить само представление о том, что русско-турецкая война велась ради освобождения Болгарии. По его мнению, Россия, прежде всего, стремилась помочь Сербскому княжеству, а убийства болгар турками во время Апрельского восстания не были главным толчком для объявления войны. Согласно Митеву, русские шли освобождать сербов, а по дороге случайно освободили болгар [26].

Между тем в Манифесте Александра II 12 апреля 1877 г. речь шла о всех угнетаемых христианах, а не об отдельных народах: сербах, болгарях, греках и пр., говорилось о желании России «облегчить участь христиан Балканского полуострова». Получается, что Пламен Митев не относит болгарский народ к христианам Балканского полуострова.

П. Митев критикует тактические ошибки русской армии, недооценку российским командованием, турецких сил, разоблачает аферы с поставками продовольствия и лекарств, от чего страдали нижние чины, сетует, что в ходе войны случались пожары и разрушения. Тактические ошибки, несомненно, были: не ошибался только тот, кто не воевал за свободу угнетенных народов. Имели место, вероятно, и аферы, всегда находятся люди, кому война – «мать родна». Но важен результат – освобождение того же болгарского народа от 500-летнего османского ига. Что же касается жертв и разрушений, хочется спросить болгарского историка: а бывают ли вообще войны без бедствий и разорений? Ведь никто иной, как милые сердцу Митева европейцы, которые ничего не разрушали, а спокойно наблюдали за резней христиан на Балканах, придумали сакраментальную фразу «*Alager, comme á laguére*» [27].

Другой болгарский исследователь Иван Лилов в своей книге, вышедшей в 2004 г. ставит в название книги ««Освободительные» миссии России-Советского Союза в

Болгарии» слово «освободительные» ставит в кавычки. «Россия нас не освободила, – вещал И. Лилов. – Ей помешали завладеть нами. Мы освобождены, главным образом, Англией, а затем Австрией и болгарами, обладающими здоровым разумом» [28]. На каждой странице книги встречаются утверждения, явно фальсифицирующие историю освобождения Болгарии. Так, например, сообщается, что князь Чарторыйский был «назначен губернатором оккупированной Болгарии», а «граф Игнатъев – враг и убийца Болгарии» [29].

В действительности, ни Австрия, ни Британская империя не проявляли никакого желания сражаться за освобождение славян. Зато правительство Великобритании послало в Петербург ноту, в которой заявлялось об объявлении войны России в случае взятия русскими Константинополя. В Родопах британские офицеры Роштен и Синклер формировали партизанскую армию из помаков, павликиан и черкесов-мухаджиров для противодействия русским войскам. На Берлинском конгрессе именно англичане настаивали на пересмотре условий Сан-Стефано.

В научных разработках болгарских историков до сих пор существует противопоставление «хорошего Сан-Стефано» «плохому Берлину». Все еще продолжает сказываться обаяние мифа о Сан-Стефанском Болгарском государстве, самом крупном в территориальном отношении на Балканах. Однако имеются и некоторые подвижки в оценках. Профессор Великотырновского университета Петко Петков отмечает, что Берлинский конгресс «в болгарском обществе ещё трудно воспринимается как преимущественно положительный фактор (из-за десятилетий негативных наслоений, связанных с отрывом Македонии и Южной Фракии и оставления их под властью Османской империи)». Однако болгарский историк выделяет главное: Берлинский мирный договор «предоставил политическую автономию Княжеству Болгария и административную политическую самостоятельность Восточной Румелии» [30]. В целом же, как считает Р.П. Гришина, современное сообщество болгарских историков испытало все амплитуды колебаний в интерпретации оценки России в освобождении: от упоения «великой дружбой» до издевательских намеков современной

конъюнктуры о голодных русских мужиках, пришедших оккупировать сытых и свободных болгар [31].

Выставляют счет России за «неправильное» освобождение и сербские историки. В книге «История сербов» Сима М. Чиркович пишет: «Мрачным известием для Белграда стало подписание 3 марта 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора. <...> Российские политики и не скрывали, что для них интересы Болгарии были важнее сербских. Это привело к изменению отношения сербского общества к России, а также позиции официального Белграда к Петербургу. <...> Итоги Великого Восточного кризиса и решения Берлинского конгресса сербы восприняли как национальную трагедию» [32]. Белградский историк Б. Попович в монографии, посвященной истории Министерства иностранных дел Сербии, вышедшей в 2005 г., не преминул упрекнуть Россию в том, что Сербия не участвовала в заключении Сан-Стефанского договора. Автор монографии отмечает: «Русские ни в коем случае не могли допустить, чтобы такая маленькая, да ещё и вассальная страна была бы их партнером» [33]. В то же время, как считает крупный знаток проблемы Л.В. Кузьмичева, в современной сербской историографии наблюдается отказ от огульных обвинений России в национальном предательстве Сербии в пользу болгар в сторону анализа международной обстановки в целом [34]. Так, известный специалист по истории Балкан Радош Лючич в обобщающем труде «Сербская государственность в XIX веке» предпринял не просто попытку констатировать предпочтение Россией болгарских интересов сербским, но и объяснить причину такого курса. Сербский историк объясняет это характером русско-австрийских договоренностей и отмечает, что даже в драматических обстоятельствах Берлинского конгресса русская дипломатия делала все возможное для отстаивания интересов Сербии и Черногории [35].

Сербский историк Милорад Экмечич полагает, что причиной, по которой русские не поддержали национальные стремления сербского народа, отдали Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии, стала изоляция России среди великих держав. Сан-Стефанский мир явился лишь «отражением мига триумфа русского оружия, в то время как окончательные результаты

войны были predeterminedены превосходством великих держав на Берлинском конгрессе». В то же время Экмечич не считает, что Россия потерпела поражение на Берлинском конгрессе. Он разделяет оценку русского министра С.Ю. Витте: Россия оставила Боснийский вопрос без разрешения, чтобы иметь возможность посредством него вмешиваться в балканские проблемы по мере своей надобности [36].

После свержения Н. Чаушеску в 1989 г. в Румынии стал утверждаться образ России как «исторического врага» [37]. Камнем преткновения остается бессарабский вопрос. Румынский историк И.М. Опря утверждает, что Россия извечно являлась самым бзжалостным врагом румынского народа, а соседство Российской империи было «для румынского народа синонимом настоящего террора истории» [38]. Все действия России, предпринятые для освобождения балканских народов, нередко называются российской «экспансией» [39]. Между тем, ещё при обсуждении статей о Румынии на заседании Берлинского конгресса А.М. Горчаков обратил внимание, что территориальные приобретения Румынии на 3,5 тысячи кв. км больше, чем уступленная России часть Бессарабии, а население на новых румынских землях на 80 тысяч человек превышает население отчужденной от России в 1856 году и теперь возвращенной ей части Бессарабии. С особым чувством А.М. Горчаков подчеркнул: «Все права и привилегии Румынии были обеспечены ценой русской крови. Нет ни одного договора, подписанного в течение века между Россией и Турцией, который не содержал бы положений, благоприятных для румын».

В историографии стран Западной Европы и США война долго изображалась как столкновение двух варварств – русского и турецкого, а державы Запада рисовались как цивилизованные миротворцы, которые помогали народам Балкан бороться против османского ига «интеллигентными» средствами. Они остановили избиение Россией Турции и спасли Балканы от установления русского владычества [40]. Инерция такого подхода имеет место и в современной литературе. Так, австрийский историк Ульф Брунбауэр и болгарский искусствовед Мартина Балева называют сегодня «мифом» массовое уничтожение болгар турками в Батаке. По мнению этих авторов,

пять тысяч погибших жителей Батака – «мнимая, преувеличенная» цифра, а жертвы Апрельского восстания – миф, который стимулирует ненависть болгар к мусульманскому меньшинству [41]. Австрийский историк Отто Кронштайнер в 2000 г. поучал болгар: «Здесь, в Болгарии, существуют различные мифы – что русские, мол, освободители. Это миф» [42]. Этот же историк предлагал болгарам заменить кириллицу на латиницу. Русскому царизму на Западе постоянно приписывались экспансионистские замыслы, а поскольку доказательства отсутствовали, то себе приписывалась заслуга в том, что экспансия не осуществилась [43]. Даже Генри Киссинджер в своей фундаментальной монографии «Дипломатия» разделяет подобные фальсификации. По его мнению, Россия «с жадностью глядела на славянское население на Балканах», желала «заполучить Константинополь и Проливы» [44].

Из достоинств современной западной историографии русско-турецкой войны 1877–1878 гг. можно отметить исследование национализма как живого и постоянно развивающегося процесса, связывающего традицию и современность (Стивен Норрис), расширение применения междисциплинарного подхода и методов культурной антропологии (Алена Эскридж-Космах, Т. Лайтила) [45].

Подводя итоги отнюдь не полному разбору оценок современной европейской историографией итогов русско-турецкой войны, отметим преимущественное преобладание в них претензий России за «неправильное» освобождение, или даже отрицание последнего. Поскольку потомки освобожденных называют освободителей оккупантами, прагматизм и следование национальным интересам в духе западного мировидения наводит на горькие мысли о напрасных жертвах. Однако Россию нельзя мерить общим аршином, её нравственный, рыцарский подвиг бескорыстного освобождения выступает непревзойденным в истории европейских международных отношений, отчего вызывает зависть и злобу, стремление всячески принизить его значение. Способны ли нынешние ревнители прав человека, к примеру, пожертвовать 200 тыс. жизней своих сыновей ради тех же курдов, которые долгие годы ведут освободительную борьбу за независимый Курдистан? Крайние оценки некоторых

отечественных историков вызваны как раз следованием в русле европейской картины мира, неумением осмыслить российскую «особенную статью», в какую «можно только верить».

В то же время, принятие во внимание исторических представлений турецких, британских, австрийских и др. коллег крайне важно в плане взаимопознания. Взгляды со стороны всегда полезны для профессиональных историков, поскольку дополняют и уравнивают объективную историческую реальность. Привлекают попытки системных исследований, сравнительного анализа империй, междисциплинарных и историко-антропологических подходов к итогам русско-турецкой войны.

Примечания

1. *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. – М., 2005. – С. 118.

2. История Балкан; судьбоносное двадцатилетие (1856–1878) / *отв. ред. В.Н. Виноградов.* – М., 2012. – С. 327.

3. Там же. – С. 320.

4. *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. – М., 2009. – С. 329.

5. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). – М., 1999. – С. 217.

6. *Рыбаченок И.С.* Берлинский конгресс 1878 г.: мифы и реальность // Внешнеполитические интересы России: история и современность. – Сб. матер. III-й Всероссийской научной конф. – Самара, 2016. – С. 180.

7. *Виноградов В.Н.* Триумф и драма победителя // Славяноведение. – 2013. – №3. – С. 22–23.

8. *Сучалкин Е.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2013. – С. 7.

9. Там же. – С. 19.

10. *Золотарев В.А.* Указ.соч. – С. 235.

11. *Тюркер Т.* Османская империя в современной турецкой историографии // Вестник МГУ. – Сер. 13. Востоковедение. – 2007. – № 3. – С. 47.

12. Там же.

13. *Троцкий Н.А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. – М., 1997. – С. 285.

14. *Ayverdi Samiha.* Turk-rusMunasebetleriveMuharebeleri. – Istanbul, 2005. – S. 302. Выражаю признательность А.В. Ракачевой за перевод по

моей просьбе с турецкого языка главы этой книги, посвященной русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

15. *Саркисян Е.К.* Положение угнетенных народов Османской империи в освещении турецких авторов // Вестник общественных наук. – 1989. – № 3. – С. 14–15.

16. *Ayverdi Samiha.* Turk-rus Munasebetlerive Muharebeleri. – S. 300.

17. Там же. – S. 311–312.

18. *Золотарев В.А.* Указ. соч. – С. 120.

19. Там же.

20. Там же.

21. Цит. по: *Виноградов В.Н.* Триумф и драма победителя // Славяноведение. – 2013. – №3. – С. 23.

22. *Тюркер Т.* Указ. соч. – С. 48.

23. Султаны и цари: всматриваясь друг в друга. Турецкий историк Ильбер Ортайлы об османском мифе и исторической обреченности империй // <https://www.svoboda.org/a/25214572.html> (дата обращения 11.10.2018).

24. Цит. по: *Горина Л.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: российско-болгарские научные встречи // Вестник МГУ. – Серия 8. – История. – 2012. – № 5. – С. 56.

25. Там же.

26. *Смолянинова М.Г.* Иван Вазов и Фёдор Достоевский о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание. – Сб. статей. – М., 2010. – С. 154.

27. Там же.

28. Там же. – С. 155.

29. Там же.

30. *Гришина Р.П.* Заметки об изданиях, посвященных 130-летию русско-турецкой войны 1877–1878 годов и освобождения Болгарии // Славяноведение. – 2010. – № 3. – С. 15.

31. Там же. – С. 5.

32. *Чиркович С.М.* История сербов / Пер. с серб. *Ф.Б. Альбрехт, Е.И. Якушкиной, А.А. Силкина.* – М., 2009. – С. 288–289.

33. Цит. по: *Кузьмичева Л.В.* Современные проблемы историографии и источниковедения Великого восточного кризиса 1875–78 гг. // Россия и Сербия глазами историков двух стран / отв. ред. *К.В. Никифоров.* – СПб., 2010. – С. 112.

34. Там же. – С. 113.

35. Там же.

36. *Войводич М.* Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. в сербской историографии // Россия и Сербия глазами историков двух стран / отв. ред. *К.В. Никифоров.* – СПб., 2010. – С. 124.

37. «С историками не консультируются»: Почему Румыния не оставляет попыток снова стать «Великой»? С профессором Иоаном Скурту беседует Николай Морозов // <https://www.kommersant.ru/doc/3547136> (Дата обращения 24.08.2018).

38. *Назария С.М.* Бессарабский вопрос в новейшей румынской историографии // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 4. – С. 107.

39. Там же. – С. 108.

40. *Троицкий Н.А.* Указ.соч. – С. 285.

41. *Смолянинова М.Г.* Указ.соч. – С. 155.

42. Там же. – С. 154.

43. *Виноградов В.Н.* Указ.соч. – С. 14.

44. *Киссинджер Г.* Дипломатия. – М., 1994. – С. 71, 73.

45. *Елин Н.Д.* Русско-турецкая война 1877–1878-х годов в современной западной историографии // Внешнеполитические интересы России: история и современность. – Сб. матер. V-й Всероссийской научн. конф. – Самара, 2018. – С. 61–67.

И.В. Крючков (Российская Федерация, г. Ставрополь)

БОЛГАРИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (1878-1908 гг.)

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Австро-Венгрия с большим опасением относилась к Болгарии и ее возможным территориальным притязаниям. Поэтому Вена приложила все усилия для ревизии Сан-Стефанского договора и принятия Берлинского трактата, существенно урезавшего границы Болгарии. Австро-Венгрии не устраивали болгарские границы, закрепленные в Сан-Стефанском договоре и отдававшие ей большую часть Балканского полуострова [1]. «Великая Болгария», по мнению министра иностранных дел Австро-Венгрии Д.Андраши, могла стать инструментом проведения политики России на Балканском полуострове и распространения панславизма. Австро-Венгрия поддержала сохранение номинальной зависимости Болгарии от Порты и отделение от нее Восточной Румелии [2]. Одновременно, в Вене рассчитывали со временем переломить ход событий в Болгарии в свою пользу. В Австро-Венгрии отдавали отчет в

геополитической важности Болгарии на Балканах. Через нее проходил путь к черноморским проливам. В случае установления союза Вены и Софии, Болгария могла преградить продвижение России к черноморским проливам. Часть Дуная проходила вдоль территории Болгарии. Страна обеспечивала выход к Македонии и Салоникам. Последнее обстоятельство особенно вызывало интерес в Вене, так как империя Габсбургов надеялась реализовать рано или поздно стратегический проект по проведению железной дороги из империи к Салоникам.

После окончания русско-турецкой войны Болгария вступает на путь создания собственной государственности и выстраивания внешней политики. После 1879 г. Болгария полностью оказалась под влиянием России, русские офицеры контролировали болгарскую армию, большинство правительств страны сверяло свои действия с Санкт-Петербургом. В Вене предпринимали попытки ослабления российского влияния на болгарскую политику. Империя Габсбургов вела закулисные переговоры с некоторыми болгарскими политиками и окружением князя. Австро-Венгрия предлагала услуги в подготовке кадров для армии и государственного аппарата, кредитные вливания в болгарскую экономику. Однако Австро-Венгрии приходилось действовать крайне осторожно, чтобы не вызвать раздражение в Санкт-Петербурге и не подтолкнуть его к решительным действиям. Такой же политики придерживалась и Россия, что со всей очевидностью проявилось в 1885 г.

Будущее страны отчасти зависело от личности нового болгарского монарха. В июне 1879 г. им становится сын австрийского генерала Александра Гессенского Александр Баттенберг. Избранный болгарский князь в большей степени ориентировался на Россию. Это не оправдало первоначальные ожидания в Вене. В сентябре 1885 г., несмотря на возражения Австро-Венгрии и России, князь пошел на объединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Объективно России было выгодно такое расширение Болгарии, но ей приходилось не нарушать договоренности с Веней. Россия не собиралась вступать в конфликт с империей Габсбургов из-за действий Болгарии в Восточной Румелии. Конфликт России и Болгарии в 1885 г. продемонстрировал европейским странам, в

том числе Австро-Венгрии переход Софии из разряда сателлитов России в число государств, способных принимать самостоятельные внешнеполитические решения.

Многие оппоненты министра иностранных дел Австро-Венгрии Г.Кальноки обвиняли его в нерешительности и в крайнем заигрывании с Россией. По их мнению, если бы Вена проявила больше инициативы и поддержала действия Софию в 1885 г., то она вытеснила бы Россию из Болгарии [3]. Г.Кальноки кроме нежелания конфликтовать с Россией стремился сохранить влияние в Сербии и Греции, ревниво относившихся к политике Австро-Венгрии в Болгарии.

Данный политический шаг спровоцировал войну Болгарии с Сербией. Успехи болгарской армии серьезно встревожили Австро-Венгрию и она настояла на начале мирных переговоров между Софией и Белградом. Война не принесла Болгарии, каких либо территориальных приобретений. В этом заключалась принципиальная позиция Австро-Венгрии, не желавший дальнейшего расширения границ Болгарии. К тому же в это время Сербия являлась последовательным союзником Австро-Венгрии в отличие от пророссийской Болгарии. Поэтому Александр III не скрывал антипатию к династии Обреновичей [4]. В сентябре 1886 г. при участии России Александр Баттенберг свергается с престола и отправляется в Австро-Венгрию, остаток жизни бывший князь провел в Граце.

После освобождения болгарского престола, возникал пауза, вызванная поисками нового претендента. Россия и Османская империя предложили кандидатуру князя Н.Д.Мингрельского. Г.Кальноки до последнего выжидал, надеясь на полную дискредитацию политики России в Болгарии из-за навязывания болгарам кандидатуры нового князя. В конечном итоге Вены сделала все от нее зависящее, чтобы кандидатура Н.Д.Мингрельского не прошла.

В июле 1887 г. новым князем становится Фердинанд Кобургский. Россия, как и другие великие державы, первоначально не признала избрание Фердинанда в качестве болгарского князя. Перед отъездом в Болгарию Фердинанд встретился с Г.Кальноки, но министр отказался давать какие-либо конкретные обещания, он ждал дальнейшего поворота

событий. Конфликт 1885–1887 гг. привел к серьезному охлаждению отношений между Болгарией и Россией. Александр III до самой смерти не скрывал личную неприязнь к Фердинанду. К тому же в России постоянно подозревали Фердинанда в симпатиях к Австро-Венгрии и Германии [5]. В Европе также с большим недоверием относились к Фердинанду, считая его циником, человеком без четких внешнеполитических ориентиров [6].

Австро-Венгрия в сложившейся ситуации поддержала нового князя, стремясь укрепить свои позиции в Болгарии. Для Дунайской империи в целом кандидатура Фердинанда Кобургского выглядела в начале вполне приемлемой [7]. Сближению Австро-Венгрии и Болгарии объективно способствовало охлаждение отношений между Россией и Болгарией в 80-е г. XIX в. Многие представители болгарской элиты устали от бесцеремонного вмешательства Санкт-Петербурга во внутренние дела Болгарии. Ряд видных политиков России признавали серьезные просчеты в российской политике в Болгарии [8]. Фердинанд некоторое время служил в армии Австро-Венгрии, поэтому его хорошо знали в Вене. Франц-Иосиф I сдержанно относился к Фердинанду. Он отрицательно воспринял крещение наследника болгарского престола Бориса по православному образцу. Ревностный католик - император Австро-Венгрии смирился с этим, исходя из принципа политической целесообразности [9]. Такую же позицию по поводу крещения Бориса занимал министр иностранных дел Австро-Венгрии А.Голуховский. В 90-е гг. XIX в. Фердинанда поддержали Австро-Венгрия, Италия и Великобритания, боявшиеся прихода к власти в Софии панславистов [10].

А.Голуховский являлся последовательным сторонником сохранения статус-кво на Балканах в союзе с Россией. Это определяло его негативное отношение к любым попыткам пересмотра границ на полуострове, в том числе Болгарией. Желание политических кругов в Софии использовать, вспыхнувшее в 1903 г. восстание в Македонии и последующие события в провинции в своих интересах, включая возможность присоединения Македонии к Болгарии, вызывали неприятие в Вене. Только в отдаленном будущем А.Голуховский допускал

вытеснение Турции из Европы. В результате предполагалось расширение границ Румынии, Греции и Болгарии, при сохранении слабой Сербии и предоставление независимости Албании [11].

Если в политической жизни Болгарии доминировала Россия, то в экономической сфере наблюдается принципиально иная ситуация. Торгово-промышленные и политические круги Австро-Венгрии традиционно рассматривали Балканы в качестве объекта для проведения активной внешнеэкономической деятельности. Постепенно к ним приходит осознание того факта, что империя Габсбургов не сможет укрепить собственные политические позиции в регионе без мощного экономического фундамента. Более того промышленность Австро-Венгрии нуждалась в рынках сбыта продукции и источниках получения необходимого сырья и продовольствия. Болгария еще рассматривалась как транзитная территория для торговли с Османской империей. После получения автономии Австро-Венгрии удалось навязать Болгарии торговое соглашение, практически полностью открывавшей для австро-венгерских товаров территорию страны. Данная позиция оформляется заключением конвенции 1889 г. Болгарское правительство, остро, нуждавшееся в заемных средствах с 1887 г. по 1894 г. через один из ведущих австрийских банков «Länderbank» получает кредит в 200 млн. франков [12]. Одним из условий получения кредита являлось получение Австро-Венгрией ряда преференций во внешней торговле с Болгарией. В 1895 г. под давлением Софии заключается новое экономическое соглашение между государствами. Вене пришлось согласиться на введение 25% таможенного тарифа на многие товары, ввозимые из Австро-Венгрии. Часть из них дополнительно облагалась акцизами. В России рассчитывали использовать данный конфликт в своих интересах, но из этого, ни чего не получилось. Она не могла заменить Австро-Венгрию в качестве ведущего экономического партнера Болгарии.

Бесспорно, важным инструментом экономического проникновения империи Габсбургов в Болгарию являлось налаживание удобного транспортного сообщения с ней. В 40-е гг. XIX в. Австрия предпринимает шаги по развитию судоходства на Дунае, существенно укрепив собственные позиции в

придунайских государствах. Ей удалось выстроить довольно эффективную систему судоходства на Дунае, используя для этого преференции, предоставляемые мореходным компаниям. В начале XX в. Россия располагала на Дунае 12 пароходами и 30 баржами, в то время как Австро-Венгрия 180 пароходами и 900 баржами. Российские суда относились к устаревшей товаро-пассажирской конструкции, уступая в этом плане австро-венгерским судам. Кроме этого компании из Австро-Венгрии смогли предложить грузоперевозчикам и пассажирам льготный тариф. «Австро-Дунайское пароходное общество», открывшее отдельное представительство в Софии.

Позже венский финансист, барон М.Гирш получает концессию на строительство железных дорог на территории Болгарии, Османской империи и их соединение с железнодорожной системой Австро-Венгрии [13]. Все это позволило увеличить и удешевить доставку грузов из империи Габсбургов в Болгарию и Османскую империю.

Коммивояжеры, представлявшие интересы австро-венгерских предпринимателей появились во всех регионах страны. Они предлагали местным торговцам товары из Австро-Венгрии на льготных условиях. Одновременно, они изучали спрос и требования местных жителей к их продукции. Следует признать, они несколько отличались от первоначальных преставлений, сказывалась многовековая зависимость страны от Османской империи. Коммивояжеры обладали образцами продукции, поэтому болгарским торговцам оставалось только выбрать необходимый товар и обговорить условия его доставки. Коммивояжеры стали связующим звеном в общении австро-венгерских предпринимателей с потребителями в Болгарии. В России признали успешным данный факт, в начале XX в. изучая опыт Австро-Венгрии в развитии внешней торговли с государствами Балканского полуострова [14].

Коммивояжеры обратили внимание на специфику организации торговли в Болгарии, кстати, унаследованную со времен османского господства. Большая часть товаров проходила через лавки мелких торговцев, ориентированных на получение долгосрочного кредита. Поэтому болгарские торговцы рассчитывались за приобретенный товар не деньгами, а

векселями, которые следовало погасить через 3-4 месяца. Предприниматели из Австро-Венгрии быстро перестроили свою деятельность, получив положительный результат. Они уважительно относились и к болгарским партнерам, делавшим незначительные заказы. Вся продукция своевременно доставлялась из Австро-Венгрии к ближайшей болгарской таможне или по желанию заказчика прямо к магазину.

Торговые палаты Вены и Будапешта специально собирали всю информацию о специфике, динамике и структуре внешней торговли Болгарии. В Палатах имелись списки болгарских предпринимателей, занимавшихся торговлей с Австро-Венгрией, в том числе сведения об их обороте и кредитоспособности. Любой экспортер из Дунайской империи мог получить информацию о потенциальных партнерах в Болгарии через торговые палаты в Вене и Будапеште. В Софии с конца XIX в. на средства торговых палат Австро-Венгрии издавалась на немецком и болгарском языках газета «VulgarischeHandeiszeitung». Она содержала все необходимые сведения для предпринимателей из Болгарии и империи Габсбургов, в том числе о возможных партнерах и условиях ведения торговли между двумя государствами.

Австро-венгерские предприниматели проявляли и частную инициативу. Они создают в 1904 г. в Вене «Общество для поощрения торговли с Востоком». Общество ориентировалось на предоставление деловым кругам исчерпывающей информации о характере ведения торговли на Востоке, о ее специфике в различных государствах. Общество поощряло развитие культурных связей с государствами Балканского полуострова и Ближнего Востока. Оно издавало специальные брошюры, периодические издания, организовывало исследовательские экспедиции в балканские государства. Свое представительство Общество открывает в ряде городов, включая Софию. В нем каждый болгарский предприниматель, имевший деловые контакты с Австро-Венгрией мог получить консультации об условиях ведения торговли на Востоке, тарифной политике различных государств, воспользоваться юридической консультацией. Все необходимые документы для

предпринимателей переводились бесплатно с немецкого на болгарский язык.

Большую работу в стране проводил Венгерский торгово-промышленный музей, открывший представительства в Софии, Пловдиве, Руссике и Варне. Музей собирал информацию о развитии экономики и культуре Болгарии, в том числе различные музейные экспонаты, знакомя венгерскую общественность с различными сферами жизни Болгарии, и наоборот знакомя болгарское общество с различными сферами жизни венгерской половины империи Габсбургов. Музей большое внимание уделял сбору образцов товаров и налаживанию контактов между предпринимателями двух государств.

Меры, предпринимаемые властями Болгарии, вносили свой вклад в развитие двухсторонних экономических связей. В частности, болгарское правительство, заинтересованное в расширении торговли через модернизированные порты Варна и Бургас с помощью специальных выплат ведущим судоходным компаниям мира, в том числе «Австрийскому Ллойд», Венгерскому пароходному обществу «Адриа» стремилось увеличить поток грузов через данные порты [15]. София ежегодно на эти цели в конце XIX в. выделяла около 120 тыс. франков. В 1904 г. 65% всех судов, зашедших в черноморские порты Болгарии, принадлежало Австро-Венгрии, 14% России, 8% Румынии. В начале XX в. через черноморские порты Болгария ввозила 1,2 млн. тонн грузов. Пальма первенства оставалась за Дунаем, через который ввозилось 1,8 млн. тонн грузов, где господствовала империя Габсбургов. В результате с 1886 по 1896 гг. Австро-Венгрия увеличила ввоз своих товаров в Болгарию в два раза.

Россия, несмотря на политическое доминирование в Болгарии в 70-80-е гг. XIX в. не смогла его подкрепить успехами в развитии торговли с Болгарией. В 1890–1894 гг. в среднем за год Россия ввозила в страну товаров на 4,4 млн. франков, занимая по данному показателю пятое место. На первом месте уверенно находилась Австро-Венгрия, импортировавшая в Болгарию в среднем за год товаров на 32,5 млн. франков. Австро-Венгрия лидировала в поставках наиболее востребованных товаров в

Болгарии, включая хлопчатобумажных, шерстяных, суконных тканей и металлических изделий.

В начале XX в. Россия отодвигается на седьмое место, так как ввоз ее товаров в среднем за год в 1900–1904 гг. сокращается до 4,1 млн. франков. К этому времени сокращается и ввоз продукции из Австро-Венгрии до 21,8 млн. ежегодно, хотя она по-прежнему находилась на первом месте [16]. В конце XIX – начале XX вв. Болгария наращивает импорт товаров из Великобритании, Османской империи, Германии, Италии и Франции. Наибольшую угрозу для Австро-Венгрии на болгарском рынке представляла Германия. Наиболее очевидными являлись успехи германской промышленности, сумевший закрепиться в Болгарии за счет империи Габсбургов [17].

В конце XIX в. ситуация на Балканском полуострове начинает осложняться. Вспыхнувшее восстание в Македонии вновь приковало внимание великих держав к полуострову. Как уже отмечалось, многие политические силы в Болгарии выступали за присоединение Македонии к стране, заявляя об этнической, исторической и культурной близости македонцев болгарам. Болгарию раздражало нежелание империи Габсбургов поддержать план проведения радикальных реформ в Македонии. А.Эренталь, заменивший в октябре 1906 г. А.Голуховского на посту министра иностранных дел, также не собирался поддерживать новые территориальные приобретения Болгарии.

Приход к власти А.Эренталя происходил в сложный период взаимоотношений Австро-Венгрии с Болгарией. В 1902 г. Россия и Болгария заключают военную конвенцию, а в 1905 г. торговый договор. После свержения короля Александра Обреновича в июне 1903 г. и прихода к власти пророссийских сил в Сербии, значение Болгарии для Австро-Венгрии особенно возрастает. Империя Габсбургов стремилась укрепить связи с Софией и не допустить создания Балканского союза с ее участием.

В апреле 1904 г. Болгария и Сербия подписали секретный «Договор о дружбе», а в 1905 г. соглашение о таможенном союзе [18]. Вена предприняла все шаги для не допущения реализации таможенного союза на практике. В нем она видела рычаг ослабления экономического и политического господства в

Сербии и основу для создания Балканского союза. В результате Австро-Венгрии удалось провалить ратификацию соглашения Скупщиной Сербии, в то время как Народное собрание Болгарии это сделало [19]. В сложившейся ситуации Вена и София пошли на сближение, не раздувая конфликт. Данный процесс объяснялся и падением престижа России на Балканах после поражения в русско-японской войне, в том числе в Болгарии.

В Вене понимали, что Россия всячески стремится, несмотря на все миролюбивые заверения, сколотить блок балканских государств, направленный не только против Османской империи, но и против Австро-Венгрии.

В 1907 г. произошло несколько важных событий, повлиявших на дальнейшее развитие взаимоотношений Австро-Венгрии и Болгарии. В 1907 г. Сербия настойчиво предлагала Болгарии прийти к соглашению о разделе Македонии. София, опасаясь завышенных требований Сербии, отказалась от этого после консультаций с Веней. Одновременно Фердинанд в ознаменование 10-летия нахождения у власти решил объявить независимость Болгарии. Австро-Венгрия остановила Фердинанда от этого шага, констатируя неподготовленность империи к ревизии Берлинского трактата [20].

В тоже время, А.Эренталь, сделавший ставку на проведение на Балканах активной политики, возлагал большие надежды на Болгарию. Готовясь к аннексии Боснии-Герцеговины, он, предвидя отрицательную реакцию многих государств, в том числе на Балканах, хотел заручиться поддержкой Софии. Для этого Австро-Венгрия допускала синхронизацию аннексии Боснии-Герцеговины с провозглашением независимости Болгарии. А.Эренталь отошел от линии А.Голуховского, полагавшего, что Болгарии не следует поспешно давать независимость, чтобы не бросить ее в объятия России [21]. Следовательно, Австро-Венгрия первая из великих держав поддержала решительные намерения болгарского правительства. Два данных события надлежало представить в качестве закономерного устранения недоразумений, закрепленных в Берлинском трактате. Де-факто, Босния-Герцеговина полностью принадлежали Австро-Венгрии, а Болгария являлась, по сути, независимым государством. Кроме этого, Вену невозможно было

обвинить в односторонних действиях на полуострове. В результате Австро-Венгрия и Сербия согласовали действия. В конце сентября 1908 г. состоялась встреча Фердинанда и Франца-Иосифа I в Будапеште, где болгарскому князю устроили радушный прием [22]. 5 октября 1908 г. Болгария объявила о независимости, а 7 октября 1908 г. последовал рескрипт Франца-Иосифа I об аннексии Боснии-Герцеговины. Пресса Австро-Венгрии полностью на своих страницах одобрила политику Болгарии [23].

Россия и Великобритания на первых порах не поддержали действия Болгарии, опасаясь дестабилизации ситуации на Балканах, и создания союза Вены и Софии [24]. Однако пауза не затянулась долго. Лондон и Санкт-Петербург прекрасно понимали, что они своими действиями еще больше могли толкнуть Болгарию в сторону союза с Австро-Венгрией и Германией, осознавая значимость страны для расстановки сил на Балканах [25]. Поэтому Россия и Великобритания признали в конечном итоге независимость Болгарии.

Таким образом, Австро-Венгрия, добившись пересмотра Сан-Стефанского договора, смогла существенно урезать границы Болгарии, сохранив ее номинальную зависимость от Османской империи, как один из факторов оказания влияния на Софию в будущем. Империя Габсбургов доминировала в экономической жизни Болгарии, несмотря на снижение внешней торговли с княжеством в начале XX в. В Вене стремились материализовать данное преимущество в установление тесных политических контактов с Софией. Болгария имела важное стратегическое значение, она являлась воротами к черноморским проливам и порту Салоники. После присоединения Восточной Румелии Болгария стала второй по численности населения и территории страной на Балканах после Румынии, что повышало ее значимость для великих держав.

Формированию союза Австро-Венгрия – Болгария мешало несколько обстоятельств. Во-первых, русофильские настроения значительной части болгарского общества, несмотря на некоторое охлаждение отношений России с Болгарией в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. Внутри Болгарии отсутствовали значительная социальная основа для союза Софии и Вены. Те,

политические силы Болгарии, которые выступали за расширение связей с Веней, скорее рассматривали данный факт в качестве освобождения страны от чрезмерной опеки Санкт-Петербурга и укрепления ее независимости. Во-вторых, чрезмерные геополитические запросы Болгарии на Балканах входили в противоречие с интересами Австро-Венгрии на полуострове, стремившейся сохранить статус-кво или частично пересмотреть Берлинский трактат в свою пользу.

А.Эренталь, попытался отойти от политики сохранения статус-кво на Балканах, стремясь на этой основе укрепить отношения с Болгарией через санкционирование провозглашения ее независимости. Потеря в 1903–1906 гг. ведущего союзника Австро-Венгрии на Балканах Сербии заставляла Вену укреплять связи с Болгарией и другими государствами Балканского полуострова. Однако Болгария все больше ориентировалась на Россию с целью создания Балканского союза для последующего разгрома Османской империи и расширения границ Болгарии и на что не была готова пойти Австро-Венгрия.

Примечания

1. Сан-Стефанский прелиминарный договор от 3 марта 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. – М., 1952. – С.163–164.

2. Берлинский трактат от 13 июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. – М., 1952. – С.182–183.

3. *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. – М., 1925. – С. 42.

4. *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896 гг. – М., 1991. – С. 31.

5. *Милюков П.Н.* Воспоминания. – М., 1991. – С. 301.

6. *Merjanski K.V.* The Secret Serbian-Bulgarian Treaty of Alliance of 1904 and the Russian Policy in the Balkans Before the Bosnian Crisis. – Wright State university, 2007. – P. 47.

7. *Косик В.И.* Политическое развитие Болгария после освобождения //История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) /Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.,2017. – С.79.

8. *Ламздорф В.Н.* Указ.соч. – С. 66.

9. *Бюлов Б.* Воспоминания. – М.-Л., 1935. – С. 97.

10. *Бьюкенен Д.* Указ.соч. – С. 56.

11. *Бюлов Б.* Указ.соч. – С. 254.

12. *Дьяченко Н.* Торговля России с Болгарией (донесение секретаря дипломатического агентства в Софии) //Сборник консульских донесений за 1907 г.– СПб., 1907. – Вып. V. – С. 395.

13. *Туполев Б.М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. – М., 2003. – С. 63.

14. *Петров А.* К вопросу о развитии нашей торговли с Болгарией (донесение вице-консула в Филипполе) // Сборник консульских донесений за 1910. – СПб., 1910. – Вып. II. – С. 143–151.

15. *Брандт Г.* Бургасский округ (донесение вице-консула в Бургасе) // Сборник консульских донесений за 1903 г. – СПб., 1903. – Вып. IV. – С. 295.

16. *Дьяченко Н.* Указ. соч. – С. 386–387.

17. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. – Оп. 1015. – Д. 40. – Л. 70.

18. *Merjanski K.V.* Указ. соч. – Р. 37.

19. *Бьюкенен Д.* Указ. соч. – С. 66.

20. Там же. – С. 69.

21. АВПРИ. – Ф. 151. Политархив. – Оп. 482. – Д. 582. – Ч. 1. – Л. 111.

22. Там же. – Л. 110.

23. Там же. – Л. 100.

24. Annual Reports on Russia. 1908 // British Documents on Foreign Affairs. P1. Ser. Russia, 1859–1914. – Vol. V. – 1987. – Р. 208.

25. Там же. – Р. 330.

В.Н. Желобов (Российская Федерация, г. Краснодар)

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг. ОЦЕНКИ УЧАСТНИКОВ, ОЧЕВИДЦЕВ, СОВРЕМЕННОКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Рассматривая участие Кубанского казачьего войска в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., необходимо, прежде всего, четко определить то место, которое, занимало казачество в составе вооруженных сил России. Этот вопрос, на данном этапе, превратился в серьезную проблему русской армии. В период подготовки и проведения военной реформы военные теоретики России внимательно изучили опыт военного строительства передовых стран Европы и пришли к выводу, что лучшие армии давно отказались от иррегулярных частей и соединений. Поэтому, вполне естественно, что согласно взглядам военного министерства, где ведущее положение занимали генералы николаевской эпохи, казачество не могло играть какой-либо значительной роли в составе вооруженных сил России. Эти

взгляды на казачество, как на второстепенные части, особенно чётко отразились в Уставе о воинской повинности 1874 г., где в структуре вооруженных сил казачьи войска были размещены после армии и запаса, перед войсками из инородцев [1]. Из этого следует, что казачьи части не вошли в «основной состав» кавалерии и рассматривались только как вспомогательные войска [2]. Более того, в военном министерстве существовало мнение [3], что основной задачей казачества всё более становится кордонная служба на границе, внутренняя служба и осуществление полицейских функций.

С другой стороны, исторический опыт применения казачьих войск в многочисленных войнах, которые вела Россия, показывал их высокие моральные, боевые и мобилизационные качества. Практика доказала, что казачьи части могли успешно выполнять задачи, которые в тот период стояли перед кавалерией, то есть охранение войск на марше, глубокая разведка и поддержка пехоты в наступлении. Кроме того пластунские части не только прекрасно выполняли задачи стрелковых частей, но и более качественно вели разведку и боевое охранение. Среди передовых генералов и офицеров прочно укрепилось мнение, что «казаки это глаз, слух и язык армии» [4].

Как правило, во всех войнах казаки показывали себя как отличные наездники, стойкие, выносливые, физически крепкие, хорошо обученные воины. Именно эти качества казаков имел в виду начальник Главного штаба генерал-лейтенант Н.Н. Обручев, когда в своей докладной записке, посвященной разработке стратегического плана предстоящей войны с Турцией, писал: «Наши операции должны быть ведены с чрезвычайной быстротою. Только при этом условии мы спасём то христианское население, за которое вступаемся: не дадим туркам времени организовать при помощи Англии новые силы – и не дадим развиться против обширной европейской коалиции... По скудности же страны и суровому времени года, должны преобладать казаки, которые всё вынесут» [5].

Эту точку зрения разделяли лучшие военные теоретики и полководцы России. Так, прославленный полководец генерал-лейтенант М.Д. Скобелев в Болгарии неоднократно настаивал, чтобы ему в отряд включали Кавказскую казачью бригаду, в

которую входил 2й Кубанский полк [6]. Ещё более восторженную характеристику казакам дал активный участник русско-турецкой войны В.В. Верещагин: «Казак вообще меньше замуштрован и относительно одежды меньше стеснён, чем солдат; он ловчее, хитрее, находчивее в походе; он больше любит лошадь, как за собственностью больше за нею ухаживает, старательнее добывает пищу, лучше пригоняет седло – словом больше любит и бережёт свою лошадь. Кавказские казаки у нас бесспорно лучшие конники» [7]. С таким мнением соглашались многие. Вот как пишет о кубанских казаках Н.В. Максимов: «Это лучшая боевая кавалерия нашей армии; это самый удалой, самый надёжный авангард для пехотной части, если сумеет управиться им» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что казачество занимало двойственное положение в Русской армии. С одной стороны, официально военное ведомство отводило казачьим войскам второстепенное, вспомогательное место. С другой стороны, всеобщее признание высоких морально-боевых качеств, отличной подготовки казаков и их незаменимости на войне практически ставило казачество в один ряд с лучшими частями Русской армии.

На практике победила вторая точка зрения, и на её основе было принято решение о введении в штат каждой кавалерийской дивизии одного казачьего полка. Примечательно, как обосновывал необходимость смешанного состава кавалерийских дивизий видный военный теоретик К. Кауфман. Подчеркивая положительные свойства казачества, он писал: «природные качества казака: зоркость, находчивость, местопаматование, сноровка во всем свойственная вообще людям, привычным по службе ходить без помочей и действовать чаще всего по собственному внушению, непоколебимая преданность долгу и верность престолу и Отечеству, равно и вере отцов своих, в соединении с достаточною долею отваги, равно и способности переносить опасности и труды войны, всегда были отличительными чертами казака, и вот почему, из казаков всегда и во все войны выходили хорошие воины» [9].

Самую высокую оценку действий кубанских казаков в бою у селения Градешти (на Балканском ТВД) дал известный военный исследователь П.Н. Баженов, который отметил, что: «Военная

история представляет весьма мало примеров, в которых спешенная кавалерия ведёт продолжительный бой с пехотой и притом не оборонительный, а наступательный и при таких трудных условиях, которые были в бою у селения Градешти. Блестящая доблесть войск славной Кавказской бригады выступает в этом бою с такой яркостью, что она может служить примером для всех кавалерийских частей в подобных случаях... Можно сказать, что бой Кавказской казачьей бригады с турецкой пехотой у с. Градешти составляет такой редкий и поучительный пример, который должен быть хорошо изучен кавалерийскими офицерами и всегда оставаться у них в памяти» [10].

Даже в самый сложный период для русской армии после неудач под Плевной кубанские казаки показали себя с самой лучшей стороны. Так, по итогам инспекции генерал-адъютант И.В. Гурко, который на тот момент был назначен командующим кавалерией русских войск под г. Плевна, доложил, «что только Кавказская и Донская бригады исправны, а остальные части оставляют желать лучшего даже в моральном отношении» [11].

Таким образом, опираясь на признания лучших русских полководцев, можно сделать вывод, что и на этом этапе войны кубанские казаки показали себя как отлично подготовленные в военном и моральном отношении воины. Примечательную характеристику своим подчинённым дал полковник Н.Э. Бабалыков в письме к наказному атаману Кубанского казачьего войска от 29 декабря 1878 г.: «...считаю не переменным своим долгом сказать несколько слов о нашем молодом казаке. Слава, составленная дедами, вполне была поддержана этой молодёжью, которая, находясь первый раз в бою, показала себя вполне достойной охранять столь блистательную историческую боевую репутацию Кубанского войска» [12].

Неоднократно высокую оценки кубанским казакам давал и Александр II. Во время блокады г. Плевна и кубанские эскадроны конвоя получили от Александра II похвалу за «храбрость и службу» [13]. После окончания войны Александр II приказал отметить боевую доблесть Кубанского казачьего войска в особой Высочайшей грамоте [14], где было отмечено: «Кубанцы... являли повсюду примеры беззаветной отваги в боях и

непоколебимой твердости в перенесении трудов и лишений, при быстрых движениях и поисках за неприятелем» [15].

Описывая результаты сражения за Зорский перевал, генерал-майор И.Е. Амилохвари дает высокую оценку действиям кубанских казаков. В своих «Записках» он подчеркивает, что «большого самоотвержения от горсти кавалерии, совершенно изолированной и в такой местности, нельзя было требовать». Отдельная славная страница ККВ – Марухский поход под руководством генерал-лейтенанта П.Д. Бабича. Кубанский историк Е.Д. Фелицин писал: «Марухский отряд, бесспорно, совершил замечательный в военной истории поход и оставит о себе много поучительного, когда будут обнародованы подробные сведения о его движении к Сухуму» [16].

Интересны воспоминания известного писателя В.А. Гиляровского, который сам воевал в составе сотни кубанских пластунов во время описываемых событий. Прежде всего, В.А. Гиляровский подчеркивает, что каждый, кто добровольно вступал в отряд есаула Колпаченко 1-го (командир кубанской сотни), был человек исключительной храбрости и мужества. Привлекало также и то, что в отряде не было привычной для других частей муштры, а инициатива пластунов даже поощрялась: «Выстроили отряд и вызвали желающих умирать, таких, кому жизнь не дорога, всех готовых идти на верную смерть... Многих их перебили за войну, а все-таки охотники находились. Зато житье у них привольное, одеты кто в чем, ни перед каким начальством шапки зря не ломают и крестов им за отличие больше дают» [17].

Но не только за отчаянную смелость, военную хитрость и лучшее вооружение пластунов считали лучшими разведчиками в русской армии. Они бережно хранили традиции и приемы, заложенные ещё черноморскими пластунами. Это проверил на своем опыте В.А. Гиляровский, который во время вылазок строго следовал советам опытных пластунов: «Вместо сапог я обулся в поршни из буйволово́й кожи, которые пришлось одевать мокрыми, чтобы по ноге сели, а на пояс повесил кошки – железные пластинки с острыми шипами и ремнями, которые и прикручивались к ноге, к подошвам, шипами наружу. Поршни нам были необходимы, чтобы подкрадываться к туркам

неслышно, а кошки – по горам лазить, чтобы нога не скользила, особенно в дождь...» [18].

Жизнь в особом пластунском отряде была полностью заполнена боевой службой. Даже для В.А. Гиляровского, обладавшего выдающейся физической силой, она требовала полной самоотдачи. «Каждую ночь в секретах да на разведках, – писал он, – под самыми неприятельскими цепями, лежим по кустам да папоротникам, то за цепь переберемся, то часового особым пластунским приёмом бесшумно снимем и живехонько в отряд доставим для допроса... На эти операции посылали охотников самых ловких, а главное сильных, всегда вдвоем, а иногда и по трое...» [19]. Застигнутые врасплох турецкие солдаты, башибузуки и мятежники не раз становились добычей пластунов.

Борьба с партизанскими отрядами продолжалась даже после заключения перемирия. Небольшие группы пластунов, в среднем по пять человек, почти ежедневно вели борьбу с башибузуками. Вот как пишет об этом времени В.А. Гиляровский: «пять месяцев отчаянной боевой работы: разгон шаек, десятки взятых в плен и перебитых башибузуков» [20]. Именно благодаря действиям небольших групп особого пластунского отряда было уничтожено и разогнано большое количество партизан и мятежников.

Таким образом, наиболее эффективно боролись с партизанскими отрядами и башибузуками небольшие, специально подготовленные отряды, большую часть которых составляли охотники из числа пластунов.

В литературе существуют разные мнения о боевых качествах кубанских пластунских формирований. Так, И.И. Кияшко и И.Я. Куценко указывают на ничтожные потери кубанских пластунов и отсюда выводят их отличные боевые качества [21]. Противоположное мнение высказал В.И. Немирович-Данченко, который писал о пластунах: «Это редкий и специальный род войска, а их заставляли ходить в атаку как пехотинцев. Турки почти всех их перебили» [22]. С этим мнением соглашается В.П. Бардадым, который считает, что командиры не всегда бережно относились к пластунам и использовали их по назначению [23]. Н.Н. Гомзякова и В.М. Коровин дают оценку пластунам исходя из особой системы их воспитания и подготовки. Сюда

они кроме особой военно-физической подготовки включают такие «ритуально-состязательные традиционные казачьи единоборства, как мужской обрядовый пляс, переходивший в бой на кулаках» [24]. Отсюда они приходят к выводу, что по уровню боевой подготовки пластуны превосходили все остальные рода войск. Ю.Г. Бузун описывая пластунов практически приравнивает их к современному «спецназу» [25]. Иное мнение отстаивает О.В. Матвеев, который пишет, что «пластунские сотни в этой войне выполняли обычную тяжелую работу «царицы полей» – пехоты. Главным их оружием были стрельба и маневр, а не придумываемый сегодня рядом «реконструкторов» рукопашного боя некий «пластунский стиль». В истории боевого пути пластунов было немало героических страниц, и нет нужды их фальсифицировать» [26].

По мнению автора, пластунские части и подразделения в описываемый период в основном выполняли задачи пехоты. Их подготовка и традиции позволяли лучше других вести разведку, засады, боевое охранение и т.д. Поэтому пластунские подразделения чаще всего шли в авангарде. Отдельно необходимо выделить «особые команды охотников», куда отбирались самые лучшие пластуны. Эти команды показали высокую подготовку и отличные результаты боевой деятельности. Например, отряд есаула Колпаченко 1-го [27]. Однако такие команды были временными и после выполнения своих задач они распускались. Поэтому нельзя утверждать, что пластуны являлись прообразом «спецназа».

Важно отметить, что многие иностранные военные корреспонденты неоднократно писали о гуманности русских воинов, вопреки сформированному в западном мире мнению, согласно которому русские солдаты, в особенности казаки – это звероподобные варвары. Примечательным является мнение специального военного корреспондента газеты «Times» Нормана, который написал: «...считаю своим долгом заявить публично, что все слухи о зверствах русских войск в Малой Азии безусловно ложны; что во все время моего пребывания в турецком лагере не было ни одного, даже самого ничтожного, факта, который бы мог подтвердить клеветы, умышленно распускаемой турками на счет храбрых русских солдат» [28]. Особое впечатление на

иностранных журналистов производила реакция турецкого населения, которая следовала на известия о приближении русских войск. Кроме нескольких любопытных, которые разглядывали русских солдат, большинство жителей не прерывали своих повседневных дел. Даже рядом с лагерными стоянками и постами наших войск, жители окрестных и пограничных селений предавались своим обычным занятиям и «спокойно производили уборку хлебов» [29]. Всё объяснялось тем, что русская армия уже не раз победоносно проходила по этим местам и никогда не чинила никаких обид и насилий, не разорила ни одного селения, что подтверждали десятки людей, помнивших прошлую кампанию. Заняв турецкую территорию, русские войска не притесняли население, «мало того, окрестных поселян они снабжали семенами, для засева полей» [30]. Когда было возможно, то «русская кавалерия тщательно объезжала засеянные поля» [31]. Даже когда приходилось разбирать дома местных жителей на дрова, то за них было заплачено «в тридорога» [32].

Конечно, в ходе войны продовольствие и фураж доставлялись за счёт местного населения, но всё бралось за плату [33]. Для этого перед войной «золото было отправлено в полки» [34]. Доходило даже до того, что скот, отбитый «из-под пушек неприятеля (под Ардаганом и Карсом) возвращался жителям по первому их заявлению» [35]. Всё это сильно удивляло иностранцев, находившихся при русских войсках.

Показательный случай произошел перед штурмом г. Ардаган, когда на фуражировку был послан Полтавский казачий полк. Подойдя к селению Геляверды командир полка полковник князь Д.Е. Эристов выставил цепь со стороны г. Ардаган, и, не пустив казаков в селение, вызвал к себе юзбаши (старосту) и муллу. Прибывшим турецким представителям он объявил, что нам нужны ячмень, саман и сено, а также сообщил, сколько за всё будет заплачено и обещал не входить в селение, если они доставят все требуемое. Однако турки заявили, что у них ничего нет, так как недавно был «осман» и всё забрал. Никакие уговоры не помогли. Даже угроза обыска с безденежной конфискацией не заставила их изменить своего решения. Командир полка почти им поверил, но фураж был крайне необходим для наших войск.

Поэтому полковнику Д.Е. Эристову пришлось уступить настойчивым просьбам казаков «пошарить». Турки, уверенные, что всё у них припрятано надёжно, спокойно объявили, что мешать не будут и что мы напрасно теряем время. Они сильно ошиблись, потому что кубанские казаки обладали прекрасным чутьём. К ужасу селян полтавцы очень быстро открыли множество тайников. Фуража оказалась такая масса, что полк не в состоянии был увести всего. Все мешки и саквы [36] были наполнены ячменём, большие связки сена болтались на седле каждого казака. Казалось бы, некуда было больше сыпать фураж, но казаки и тут проявили смекалку, как пишет очевидец: «...мигом слетели широкие шаровары и, связанные внизу верёвочками, образовали объёмистые перемётные сумки, в которых немало поместилось ячменя» [37]. Полк превратился во вьючный транспорт. Перед уходом полка из селения жителям полковник Д.Е. Эристов объявил, что на этот раз их не накажут за упорство и укрывательство, причем за взятое было тут же заплачено. Кроме того, полковник Д.Е. Эристов приказал на следующий день доставить ещё фураж в указанное место и обещал рассчитаться по утверждённым ценам. В противном случае было обещано вернуться и не оставить в селении камня на камне. Угроза подействовала, и на следующий день вереница арб с фуражом потянулась к русскому лагерю.

Как и вся русская армия, кубанские казаки твердо следовали правилу гуманно относиться к населению. Вот как выразил это качество командир Кавказской казачьей бригады И.Ф. Тутолмин: «Мы воевали в неприятельской земле, но в то же время должны были ограждать от грабежей башибузуков ту же страну и прикрывать становища детей, жен и стариков. Мы должны были спасти остатки их имущества, остатки движимого и недвижимого» [38]. Также гуманно относились и к поверженному противнику. Это было отмечено даже иностранными военными корреспондентами: «Беглецы не могли нахвалиться обращением русских с больными и ранеными: они бережно переносили их в свои госпитали...и сами развозили их по окрестным деревням, пленным выдавали продовольствие на пять дней и затем отпускали их на волю» [39].

Лучшую, и, по мнению автора, самую объективную характеристику кубанцам дал активный участник исследуемых событий Н.В. Максимов: «Кубанский казак своеобразно честен, горд, самостоятелен, в нем живет жажда воли, дух простора и чувство самолюбия, товарищества и даже несколько дикая черта: чувство мщения за кровную обиду. В разговорах с кубанским казаком он поражает всех своей смекалкой, смелым взглядом, правдивостью и независимостью заключений. Впрочем,... в военное время его нельзя упрекнуть в излишней гуманности... – Эта битва подхарчила, случилось мне слышать среди казаков: – одного турку сшиб, у него в кармане пять золотых нашел. Но кубанский казак никогда не тронет и не обидит бедняка. Судя по отношениям их к болгарам мне случилось приходиться к тому заключению, что нищета всегда смело может рассчитывать на сострадания казака» [40].

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2.– СПб., 1876. – Т. 49. – Отд. 2. – Ст. – С. 1.

2. *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. – Краснодар, 2003. – С. 87.

3. Это мнение выражали генерал-адъютанты В.А. Долгоруков и Н.О. Сухозанет. См.: *Коновалов В.* Должны преобладать казаки. К 120-летию победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Мир казачества. – 1998. – № 2. – С. 3.

4. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 2445. – Л. 23.

5. *Коновалов В.* Указ. соч. – С. 3.

6. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 7335; *Тутолмин И.Ф.* От Плевны до Царьграда. Кавказская казачья бригада в походе 1877–1878 гг. // Военный сборник. – СПб., 1882. – № 11. – С. 40; ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 2445. – Л. 67.

7. *Верещагин В.В.* Скобелев. Воспоминания о русско-турецкой войне. В память 130-летия подвига русских солдат-освободителей. – М., 2007. – С. 440.

8. *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последней войны. – СПб., 1879. – Ч. II. – С. 386.

9. *Кауфман К.* Казаки в составе кавалерийских дивизий // Военный сборник. – 1869. – № 9. – С. 41–42.

10. *Баженов П.Н.* Действия русской кавалерии во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах. – СПб., 1904. – С. 466.

11. *Дружинин К.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История русской армии. – М., 2010. – С. 660.
12. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 2445. – Л. 95.
13. Высочайшая грамота хранилась при Войсковых Регалиях в музее ККВ в Хоуэле (Нью-Джерси, США). 20 апреля 2007 г. она была передана в музей Краснодарского края.
14. *Галушкин Н.В.* Собственный Е. И. В. Конвой. – М., 2008. – С. 88.
15. Материалы к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. – Тифлис, 1908. – Т. 4. – С. 287.
16. Цит. по книге *Бардадым В.П.* Ратная доблесть Кубанцев. – Краснодар, 1993. – С. 105.
17. *Гиляровский В.А.* Мои скитания. – М., 1997. – Т. 1. – С. 185.
18. Там же. – С. 185.
19. Там же.
20. Там же. – С. 194.
21. *Кияшко И.И.* Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычкам и перестрелках с 1788 по 1908 г. – Екатеринодар, 1911. – С. 324; *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. – Краснодар, 1990. – С. 230.
22. *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. – М., 1997. – С. 246.
23. *Бардадым В.П.* Указ. соч. – С. 88.
24. *Гомзякова Н.Н., Коровин В.М.* Кубанские казаки – лихие джигиты и пластуны // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 2. – С. 7–10.
25. *Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г.* Кубанское казачество на рубеже веков (1860–1917). – Краснодар, 2010. – С. 105–108.
26. *Матвеев О.В.* Три сюжета из истории войны за освобождение славян // Кубанский сборник. Краснодар, 2007. – Т. II(23). – С. 78.
27. *Гиляровский В.А.* Указ. соч. – С. 185–186.
28. *Norman.* Armenia and the campaign of 1877. // Военный сборник. – СПб., – 1878. – № 9. – С. 12.
29. *Толстов В.Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего полка. 1696–1896. – Тифлис, 1900. – С. 612.
30. *Norman.* Указ. соч. – С. 23.
31. Там же. – С. 31.
32. *Шнеур Н.* Год на коне. Воспоминания офицера генерального штаба о войне в Армении 1877 и 1878 гг. // Военный сборник. СПб., 1880. – № 2. – С. 428.
33. *Гулыга И.Е.* 1-й Полтавский Кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. – Тифлис, 1913. – С. 136.
34. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 7335. – Ч. 1. – С. 5.
35. *Шнеур Н.* Указ. соч. – С. 432.

36. Небольшой мешок цилиндрической формы, приторачиваемый к седлу. Использовался в казачьих частях.

37. *Шнеур Н.* Указ. соч. – С. 432.

38. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 7335. – Ч. 2. – Л. 124.

39. *Norman.* Указ. соч. – С. 22–23.

40. *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последней войны. – СПб., 1879. – Ч. II. – С. 383.

Л.І. Масейчук (Рэспубліка Беларусь, Мінск)

ЛЕОН ЛЮДАВІК САПЕГА – ВЫБІТНЫ ПАЛІТЫК І ГРАМАДСКІ ДЗЕЯЧ ХІХ СТ. СПРОБА ПРОСАПАГРАФІЧНАЙ РЭКАНСТРУКЦЫІ

Са старадаўнім родам Сапегаў звязаны найбольш значныя старонкі нашай гісторыі. Заснавальнікам роду Сапегаў, які, згодна з сучаснай генеалагічнай літаратурай, паходзіць са Смаленскай зямлі, лічыцца Сямён Сапега, пісар Казіміра ІV Ягелончыка Вялікага князя Літоўскага і Караля Польскага (1427–1492). Яго імя сустракаецца ў актах і хроніках 40-х гг. XV ст. Пасля род падзяліўся на дзве галіны: чарэйскую (северскую) – старэйшую і кодненскую – малодшую. Пачынальнікамі іх, адпаведна, сталі сыны Сямёна – Багдан і Іван.

Імёны прадстаўнікоў гэтага роду добра вядомы ў гісторыі нашай краіны. Безумоўна, у першую чаргу ўзгадваецца знакаміты канцлер і гетман Вялікага Княства Літоўскага Леў Сапега (1557–1633). Мала хто ведае яго нашчадка, названага ў гонар славутага продка, Леона Сапегу (1802–1878).

Выдатны знаўца артылерыйскай справы (капітан артылерыі), бліскучы дыпламат і палітычны дзеяч, ён, па словах сябра яго сям’і графа П. Тарноўскага, “захоўваў у сваёй душы ўвесь польскі патрыятызм 1830 г.” [1]. За актыўны ўдзел у паўстанні 1830–1831 гг. у яго канфіскаваліся зямельныя ўладанні на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Л. Сапега (1802–1878) разам з сям’ёй быў вымушаны пераехаць у Галіцыю (на той час – тэрыторыя Аўстра-Венгерскай імперыі), дзе і праягваў актыўную грамадскую дзейнасць.

Як тыповы прадстаўнік свайго часу князь Леон Сапегана схіле жыцця распачаў стварэнне мемураў. Пісаў ён на польскай мове, якую “лічыў мовай сваёй айчыны”. Па словах самага аўтара, адзіная мэта складання гэтых нарысаў – жаданне падзяліцца з хатнімі сваімі ўспамінамі.

Нажаль, мемуарыст не вёў дзённікаў, не рабіў запісаў непасрэдна пасля пэўнай падзеі або сустрэчы. У выніку ва ўспамінах адсутнічаюць дакладныя храналагічныя апісанні. Сам аўтар, разумеючы ўсе недахопы сваіх мемуараў, выказваўся вельмі крытычна: “не маюць ніякай цікавасці для іншых”, бо “складзены без усялякай сістэмы”[2]. Аднак пасля смерці складальніка яго родзічы вырашылі надрукаваць іх. Упершыню ўспаміны былі выдадзены ў г. Львове (1914 г.) на мове арыгінала [3], але шырокае кола чытачоў змагло пазнаёміцца з імі пасля перавыдання на рускай мове ў г. Петраградзе (1915 г.) [4].

Успаміны Леона Сапегі напісаны жывой мовай і лёгка чытаюцца. Уражвае прастата і шчырасць, з якой ён апісвае сваё жыццё, свае жаданні і памкненні. Актыўны ўдзельнік палітычных падзей першай паловы XIX ст., Л. Сапега згадвае, што планавалася зрабіць, і тлумачыць, чаму не атрымалася ажыццявіць задуманае. Цікавыя, часта гумарыстычныя падрабязнасці паўсядзённага жыцця, апісанні пэўных палітычных падзей, уражанні ад сустрэч з вядомымі дзеячамі таго часу робяць гэту працу каштоўнай крыніцай па гісторыі не толькі Беларусі, але і суседніх краін (Украіны, Польшчы, Расіі).

Падзеі, пра якія вядзецца гаворка ў мемуарах, адбываюцца ў перыяд з 1802 г. па 1863 г., калі за ўдзел у паўстанні быў арыштаваны старэйшы сын Леона Сапегі Адам (1828–1903). Гэта адмоўным чынам паўплывала на стан здароўя князя і, прынамсі, перашкодзіла далейшай працы над успамінамі, якія на сённяшні дзень з’яўляюцца адзінай больш-менш поўнай крыніцай яго біяграфічных звестак.

Нарадзіўся Леон-Людавік Сапега ў 1802 г. і быў трэцім дзіцем у сям’і. Першым была Ганна, другім – Леў, які хутка памёр.

Бацька Леона Аляксандр Антоні Сапега (1773–1812) – вядомы мецэнат, пісьменнік, геолаг, сябра Варшаўскага навуковага таварыства. Але самым вялікім яго захапленнем была палітыка. У

1810–1811 гг. пад выглядам ажыццяўлення даследчай дзейнасці ён выехаў у Расійскую імперыю, дзе вывучаў настроі насельніцтва анексаваных земляў Рэчы Паспалітай. Стварыў агентурную сетку французскай разведкі на гэтых тэрыторыях. У ліпені-жніўні 1812 г. узначальваў вайсковы адзел часовага ўрада Вялікага Княства Літоўскага [5].

Маці Ганна Сапега (1780–1859), дачка канцлера Вялікага кароннага Анджэя Замойскага (1716–1792), вылучалася сярод сваіх сучаснікаў аналітычным мысленнем і цвёрдым характарам. “Гэта – галава міністра,” – казалі пра яе знаёмыя [6].

Адразу пасля нараджэння маленькага Леона Людавіка Сапегі сям’я пераехала з г. Варшавы у г. Парыж, дзе і прайшлі першыя гады яго жыцця.

Парыж таго часу “віраваў жыццём”: на вуліцах выступалі вандроўныя артысты, хадзілі дробныя гандляры, людзі з рэкламнымі афішамі на спінах, разносчыкі прапаноўвалі ежу і напоі, на старых бочках сядзелі цыравальшчыцы адзення. Але не гэты гоман вуліц ураджаў маленькага князя. Яго захапляла прыдворнае жыццё. Аўтар адзначаў, што гэта быў час кіравання імператара Напалеона I (1804–1814) і “Парыж быў поўны каралёў і васалаў імператара”. Адны прыходзілі дзякаваць за кароны, а другія шукалі пратэкцыі. У вялікай гасцёўні іх дома гучалі патрыятычныя размовы пра аднаўленне польскай незалежнасці. Усё гэта злілося для маленькага Леона Людавіка ў яркі калейдаскоп дзіцячых уражанняў, якія з цягам часу сфарміраваліся ў рэалістычнае ўспрыманне сучаснасці і зрабілі яго шчырам патрыётам Бацькаўшчыны.

Пасля абвяшчэння Герцагства Варшаўскага 22 ліпеня 1807 г. сям’я Сапегаў вярнулася ў г. Варшаву. Аднак незнаёмы горад вельмі непрыхільна сустрэў маленькага падарожніка. Брудныя вуліцы, шмат знясіленых і галодных людзей зрабілі на яго цяжкае ўражанне.

У 1812 г., пасля смерці Аляксандра Антонія Сапегі, бацькі Леона, сямейнымі справамі вымушана была заняцца маці – Ганна Сапега. Яна была сапраўднай галавой сям’і, рашуча і ўмела спраўлялася з усімі паўсядзённымі клопатамі.

Вясной 1813 г. сям’я пераехала да бабулі па бацькоўскай лініі Теафіліі Сапегі (1743–1816), у дзявоцтве Яблонаўскай, у мястэчка

Теофільпаль (цяпер пасёлак гарадскога тыпу ў Хмельніцкай вобласці на Украіне). Там Сапегі пражылі каля васьмі гадоў.

У тых часы жаданым госцем у іх доме быў сябар бацькі князь Адам Ежы Чартарыйскі (1770–1861). Леон, які рана страціў бацьку, заўсёды прыслухоўваўся да яго парад і бачыў у сталым князе вернага настаўніка.

Прыхільнасць А.Е. Чартарыйскага да старэйшай сястры Леона Ганны не была сакрэтам для сям’і. У 1819 г. яна стала яго жонкай. Адбылося багатае вяселле. Так парадніліся дзве магнацкія сям’і, а юны князь на ўсё жыццё знайшоў аднадумца і добрага сябра [7].

Леон Сапега любіў бываць у маёнтку Гранова, які належаў А.-Е. Чартарыйскаму (цяпер Гродзіскі павет, Велікапольскае ваяводства ў Польшчы). Тут змяшчаўся шырока вядомы ў краі конны завод. Князь Леон успамінаў, што сяляне мелі вельмі прыхільнае стаўленне да Чартарыйскага. І ў 1831 г. да паўстанцаў далучыліся 200 гранаўскіх казакаў, як толькі да воласці дайшлі чуткі, што А.-Е. Чартарыйскі быў абраны каралём польскім. Калі маёнтак быў за пазыкі выстаўлены на продаж, то сяляне паслалі да губернатара Падольскіх земляў генерал-лейтэнанта П.П. Турчанінава (1834–1835) дэпутацыю з прапановай сабраць неабходную суму [8].

Дзякуючы намаганням маці, Леон Сапега атрымаў выдатную адукацыю. Спачатку ён вучыўся ў Варшаўскім ліцэі, а пасля яго заканчэння ў 1819 г. – у Парыжскай Сарбоне, дзе займаўся вывучэннем юрыдычных навук. Але, як пазней пісаў у сваіх успамінах, “не меў жадання станавіцца юрыстам”, а “сухое выкладанне <...> па падручніках выклікала агіду” [9]. У вольны ад юрыдычных дысцыплін час, па ўспамінах самага Л. Сапегі, ён з вялікім захапленнем наведваў лекцыі Жана Батыста Сэя па палітычнай эканоміі, а таксама Франсуа Гізо па англійскай канстытуцыі. У гэтым юнацкім захапленні яскрава выявілася яго сапраўднае прызвание. Магчыма, менавіта таму навіна пра выкрыццё студэнцкіх арганізацый філаматаў філарэтаў у Віленскім універсітэце выклікала гнеўнае абурэнне ў Леона Сапегі. “Рускія негатыўна ставіліся да навучальных устаноў у польска-рускіх правінцыях, падавалі іх найбольш небяспечнымі, чым гэта было насамрэч” – слухна заўважаў ён [10]. Значна

пазней у сваіх успамінах Л. Сапега выказаў думку, што ўсе гэтыя арышты “таленавітай моладзі, якая паставіла сабе за мэту толькі самаадукацыю і вывучэнне гісторыі і літаратуры краю”, уся гэтая палітычная справа была задуманана графам М.М. Навасільцавым, каб выслужыцца перад імператарам Аляксандрам I (1777–1825) і заняць пасаду А.-Е. Чартарыйскага – папчыцеля Віленскай вучэбнай акругі [11].

Пасля заканчэння курса летам 1823 г. Леон Сапега выправіўся ў Вялікабрытанію ў г. Эдзінбург, дзе планаваў прабыць не менш за два гады з мэтай вывучэння грамадскіх устаноў, фабрык, сельскай гаспадаркі і горнай справы. Галоўным рухавіком гэтай паездкі, па яго словах, “было набыццё ведаў дзеля мажлівасці паслужыць радзіме” [12]. Але марам не дадзена было здзейсніцца. Хвароба маці і заблытаная фінансавыя справы патрабавалі яго тэрміновага вяртання ў м. Теафільпаль. Відавочна, разбірацца з фінансавымі паперамі, маладому князю не хацелася, таму ён не вельмі спяшаўся ў сямейны маёнтак. Так, па дарозе дадому, малады чалавек сустрэўся з будучым генералам, а ў той час палкоўнікам П.Я. Вітэ (1796–1864). Апошні запрасіў яго на ваенныя манеўры, якія праходзілі каля г. Міргарада (цяпер горад Палтаўскай вобласці на Украіне). Тут малады князь упершыню сутыкнуўся з ваеннай артэлерыйскай справай і цалкам захапіўся ёй. У гэты ж час ён пазнаёміўся з Антоніем Палікарпам Златніцкім (1751–1830), адным з кіраўнікоў Таргавіцкай канфедэрацыі (1792 г.). Па апісанні Л. Сапегі, “гэта быў ужо стары чалавек, вострага розуму, але з пячаткай хітрасці на твары” [13]. Падаецца, гэтая сустрэча не была прыемнай для маладога чалавека.

Прыехаўшы летам 1824 г. дадому, дваццацігадовы юнак вымушаны быў заняцца фінансавымі справамі сваіх вялікіх маёнткаў. Па словах самога Леона Сапегі, напачатку ён думаў, што давядзецца адмовіцца “ад усіх спадзяванняў на грамадскае служэнне” і прысвяціць “цэлыя гады на іх упарадкаванне” [14]. Але праз год праца па ўпарадкаванні гаспадаркі і выплаты ўсіх пазык была скончана. Малады чалавек цалкам скарыстаўся “атрыманай воляй” [15]. Ён прагнуў новых краявідаў, уражанняў, сустрэч, ведаў, а таму выправіўся праз г. Кіеў і г. Адэсу ў Крым.

У г. Кіеве ён пазнаёміўся з членамі “Паўднёвага таварыства” дзекабрыстаў. Аднак іх ідэі, хоць і закранулі Л. Сапегу, але, падаецца, не знайшлі поўнай падтрымкі ў яго душы.

Падчас падарожжа яго ўражвала несправядлівае стаўленне да людзей з боку рускіх чыноўнікаў, неахайныя адносіны новых землеўласнікаў да гаспадаркі. На думку Л. Сапегі, новая ўлада не карысталася аўтарытэтам. “Нянавісць і прага да спажывы могуць прывесці да кровапраліцця, а не прабудзіць нацыянальнае пачуццё,”—падсумаваў ён свае назіранні.

У сакавіку 1825 г. Л. Сапега паступіў на службу ў фінансавую камісію Царства Польскага (было створана ў 1815 г. на Венскім кангрэсе замест Герцагства Варшаўскага), дзе служыў пад кіраўніцтвам міністра фінансаў князя Францыска Ксаверыя Друцкага-Любецкага (1826–1831). Міністру спадабаўся ветлівы і ініцыятыўны малады чалавек. Вельмі хутка Л. Сапегу была даручана горназдабываючая прамысловасць, а менавіта гэтую галіну прамысловасці ён лічыў рухавіком айчыйнай эканомікі.

Пазней Л. Сапега прыгадваў цікавую размову, якая адбылася паміж ім і князем Ф.К. Друцкім-Любецкім у першыя дні іх знаёмства. Апошні сцвярджаў, што трэба выкарыстоўваць інтэлектуальную перавагу палякаў над рускімі, каб нябачна кіраваць імі. Дзеля гэтага маладыя людзі павінны павышаць сваю адукацыю і з яе дапамогай дабівацца розных пасадак, як у самім Царстве Польскім, так і ў Расіі. Сапега пагаджаецца, што такая перавага існуе, але цвяроза заўважае: “Кожны, хто выбраў бы гэты шлях і імкнуўся б зрабіць кар’еру ў Расіі, быў бы зняслаўлены ў першую чаргу сваімі суайчыннікамі.<...> Яскравым прыкладам можа служыць жыццё князя А.-Е.Чартарыйскага. У якасці рускага міністра і царскага дарадцы ён зрабіў для радзімы вельмі шмат. <...> І ў той жа час усе, за выключэннем некалькіх сяброў, называлі яго здраднікам і ворагам” [16].

19 лістапада 1825 г. Л. Сапега ўзяў шлюб са сваёй стрыечнай сястрой Ядвігай Замойскай (1806–1890), дачкой ардынатара графа Станіслава Косткі Замойскага. Гэты саюз быў вельмі ўдалы і, па словах самага Леона, “за пяцьдзясят гадоў сумеснага жыцця ён ніколі не пашкадаваў аб гэтым і нават зараз на схіле гадоў дзякуе Богу за гэтае шчасце” [17]. Маладыя пасяліліся ў Клецкай

губерні, у маёнтку Белагоні. Але ціхае сямейнае жыццё было спынена навінамі з г. Санкт-Пецярбурга.

У сувязі з няўдалым выступам дзекабрыстаў 14 снежня 1825 г. у г. Варшаве распачаліся следства і сеймавыя суды над членамі тайных таварыстваў. І хаця сам Л. Сапега не меў ніякага дачынення да гэтай палітычнай суполкі, але вельмі блізка ўспрыняў усё, што адбывалася навокал. Пазней, ужо на схіле гадоў, ён, апісваючы паводзіны і настроі, якія панавалі ў тагачасным грамадстве заўважыў, што ўсе яго спадзяванні і памкненні былі сугучныя ідэям, выказаным на Сенацкай плошчы [18].

У 1827 г. ён упершыню, разам з князем Ф.К. Друцім-Любецкім, па фінансавых справах Царства Польскага наведаў г. Санкт-Пецярбург. Сам горад, прыём у імператара Мікалая I (1825–1855), раскоша баляў, выступленні знакамітых артыстаў моцна ўразілі Л. Сапегу.

Восенню 1829 г. Леону Сапегу быў нададзены чын камергера польскага двара, дзеля чаго ён зноў наведаў г. Санкт-Пецярбург. Пасля ўрачыстай цырымоніі імператар выказаў шкадаванне, што ў Расіі вельмі мала таленавітых людзей, тады як у Царстве Польскім іх вельмі шмат. На гэта Л. Сапега заўважыў, што трэба больш давяраць тым, хто побач, і лепш шукаць [19]. У гэты час уражанні юнака ад першага наведвання раскошнай імперскай сталіцы змяняюцца поглядамі сталай асобы. Шчырасць, з якой ён апісвае пэўныя падзеі, часам анекдатычныя, падкупляе і дае мажлівасць лепш зразумець псіхалагічнынастрой тагачаснага грамадства.

На адным з музычных вечароў ён пазнаёміўся з Адамам Міцкевічам (1798–1855). Маладыя людзі хутка зблізіліся і часта сустракаліся. У гэты час А. Міцкевіч працаваў у канцылярыі Маскоўскага генерал-губернатора Д.У. Галіцына (1820–1844). Па словах Л. Сапегі, той вельмі любіў А. Міцкевіча і даваў яму адпачынак альбо проста адпускаў са службы ў любы час і па першым яго патрабаванні [20]. Выступаў Л. Сапега і адным з арганізатараў званых літаратурных вечароў, героем якіх быў знакаміты паэт. На такіх вечарах А. Міцкевіч чытаў свае вершы, але часцей імправізаваў на розныя тэмы [21].

У маі 1830 г. Л. Сапега вярнуўся з г. Санкт-Пецярбурга ў г. Варшаву. Службовыя справы патрабавалі яго тэрміновага ад'езду ў Францыю, і ён прыняў рашэнне паехаць разам з сям'ёй. Сапегі прыехалі ў г. Парыж за некалькі дзён да пачатку ліпеньскай рэвалюцыі 1830 г. Пра службовыя абавязкі можна было забыцца: фінансавая сістэма Францыі была паралізавана. Рэвалюцыйны віхор разгортваўся на яго вачах.

Восенню 1830 г. Л. Сапега пачаў рыхтавацца да ад'езду на радзіму, калі атрымаў звесткі пра пачатак паўстання ў г. Варшаве. Прыхільнік рэформаў, ён вельмі негатыўна ставіўся да ўзброенага выступлення. Толькі пачуццё абавязку перад радзімай прымусіла яго узяць у ім удзел. “У выпадку, калі мы цяпелі няўдачу, то страчвалі Царства Польшкае <...> якое магло служыць пачаткам больш моцнай краіны. Мы гублялі наша войска, самакіраванне, нашы школы, – адным словам, можна было прадбачыць усё тое, што адбылося насамрэч. Я б з задавальненнем ахвяраваў абедзьве рукі і галаву, калі б гэтая ахвяра магла прадухіліць небяспеку ад маёй бацькаўшчыны. Але – здзейснілася, і прадухіліць было нельга. Значыць, трэба гінуць разам са сваімі братамі,” – напісаў ён пазней [22].

У гэты ж час яго выклікалі ў рускае пасольства, дзе ўручылі яму ліст ад імператара Мікалая I. У гэтым лісце Л. Сапега атрымаў папярэджанне, што ў выпадку няўкі ў г. Санкт-Пецярбург яго будуць лічыць здраднікам. Каб не выклікаць падазрэнняў, ён узяў выпісаны яму службовы пашпарт, а сам пад чужым імем накіраваўся ў г. Варшаву.

Л. Сапега падтрымліваў так званую арыстакратычную партыю, якая спадзявалася ўступіць у перамовы з урадам Расійскай імперыі і мірным шляхам дасягнуць жаданага выніку – стварэння незалежнай польскай дзяржавы ў межах 1772 г. Ён неаднаразова быў удзельнікам баёў з рускімі рэгулярнымі войскамі. Браў удзел ў Грохаўскай бітве (25 лютага 1831 г.), бойках пад Іганямі (10 красавіка 1831 г.) і Аўстраленкай (26 мая 1831 г.). Выдатны знаўца артылерыйскай справы, удзельнічаў у абароне г. Варшавы. Князь лічыў, што г. Варшаву маглі адстаяць і моцна абураўся паводзінамі тых, хто распаўсюджваў паніку і садзейнічаў дэмаралізацыі войск [23].

Пасля капітуляцыі г. Варшавы (8 верасня 1831 г.) Леон адступіў з рэшткамі польскіх войск спачатку ў г. Модлін, пасля ў г. Плоцк, а пасля ў Прусію. Там у г. Блеславе Сапега сустракаецца з жонкай, якая на пазычаныя грошы прыехала туды разам з дзецьмі з г. Парыжа. Паўстала пытанне, што рабіць далей? Эміграваць ён не хацеў. Вярнуцца не было ніякай мажлівасці. Усе зямельныя ўладанні, якія знаходзіліся на тэрыторыі Расійскай імперыі, былі канфіскаваны.

Пазней ён напіша маці, што не шкадуе аб зробленым: “Я выканаў свой абавязак і зняславіў бы сваё імя, калі б не ахвяраваў усю сваю маёмасць, і нават жыццё, дзеля ўратавання бацькаўшчыны” [24].

Першапачаткова Л. Сапега разам з сям’ёй пасяліўся ў маяратным маёнтку Замойскіх Піскаровіцы, які знаходзіўся ў Галіцыі. Праз пэўны час, у 1835 г., яго маці, Ганна Сапега, дапамагла яму набыць маёнтак Красічын з палацам, недалёка ад г. Пшэмысля, дзе ён і пасяліўся.

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай Галіцыя, якая стала закінутай ускраінай Аўстра-Венгерскай імперыі, жыла вельмі пасіўна. Дакладна можна сцвярджаць, што Леон Сапега сваім актыўным умяшаннем цалкам змяніў становішча гэтага рэгіёна. Ініцыятыва, практычныя навыкі і досвед, якія ён атрымаў на адміністрацыйнай службе ў Царстве Польскім, вельмі дапамагалі Леону ў справе па эканамічным ажыўленні края. Л. Сапега валодаў рэдкім і вельмі патрэбным талентам – аб’ядноўваць людзей, збіраць іх і далучаць да агульнай працы. Казімір Красіцкі, Маўрыкій Краінскі, Аляксандр Фрэдро, Вацлаў Залескі, Казімір Стадніцкі былі яго палітычнымі аднадумцамі і асабістымі сябрамі.

На працягу пяці гадоў – з 1841 г. па 1845 г. – ён за ўласны кошт арганізаваў у г. Львове Крэдытнае таварыства, Галіцкую ашчадную касу, Тэхнічную акадэмію, Галіцкагагаспадарчае таварыства [25].

У 1848 г. Л. Сапега падпісаў петыцыю да цэсара Аўстра-Венгерскай імперыі Фердынанда I (1848–1916) з патрабаваннем адмены прыгону, і роўнасці перад законам для ўсях грамадзян краіны. Сам вызваліў больш за 20000 сваіх сялян ад паншчыны.

Падчас рэвалюцыйных хваляванняў на Галіччыне у сакавіку 1848 г. быў ініцыятарам склікання Народнай рады [26].

У студзені 1856 г. ў вёсцы Дубляны пад г. Львовам князем была заснавана прыватная сельска-гаспадарчая школа, якая з цягам часу ператварылася ў Львоўскі нацыянальны аграрны ўніверсітэт.

З 1861 г. па 1875 г., будучы ўжо даволі сталым чалавекам, займаў пасаду маршалка сейма Каралеўства Галіцыі і Ладамерыі. На гэтай пасадзе Л. Сапега карыстаўся безумоўным аўтарытэтам і, па словах відавочцаў, мог вырашыць самыя гарачыя спрэчкі [27]. Узначальваў шэраг фінансавых устаноў, быў адным з ініцыятараў будаўніцтва чыгункі Львоў – Кракаў.

Князь не прымаў непасрэднага ўдзелу ў паўстанні 1863–1864 гг., аднак актыўна дапамагаў паўстанцам фінансава. Толькі ў 1875 г. Л. Сапега адышоў ад палітычнай дзейнасці [28].

Памёр Леон Людавік 1 верасня 1878 г. Праз восем гадоў удзячныя жыхары г. Львова назвалі частку цэнтральнай вуліцы Новы Свет у яго гонар (назва пратрымалася да 1944 г.) [29].

Л. Сапега як сапраўдны патрыёт добра разумеў, што Радзіма складаецца не толькі з ідэі, абстракцыі, гонару і любові. Але мае і матэрыяльны бок, які і дае мажлівасць для яе існавання. Вось чаму Л. Сапегаў першую чаргу дбаў пра тое, што ўжо ёсць, разам з тым не забываючыся пра будучыню.

Заўвагі

1. *Sapega L.* Мемуары князя Л. Сапегі (1803–1863). – Петроград: Кнво “Прометей” Н.Н. Михайлова, 1915. – С. 26.
2. Там жа. – С. 29.
3. *Sapieha L.* Wspomnienia z lat 1803–1863. – Lwów, 1914. – 287 s.
4. *Sapega L.* Паказ. сачын.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2001. – С. 222–228.
6. *Sapega L.* Паказ. сачын. – С. 12.
7. Там жа. – С. 54.
8. Там жа. – С. 71.
9. Там жа. – С. 45.
10. Там жа. – С. 71.
11. Там жа.
12. Там жа. – С. 59.
13. Там жа. – С. 70.

14. *Sapieha L.* Wsk. wуprac. – S. 82.
15. Там. – S. 83.
16. *Сапега Л.* Паказ. сачын. – С. 98.
17. Там жа.
18. Там жа. – С. 99.
19. Там жа. – С. 101.
20. Там жа. – С. 103.
21. Там жа.
22. Там жа. – С. 130.
23. *Sapieha L.* Wsk. wуprac. – S. 231.
24. *Сапега Л.* Паказ. сачын. – С. 176.
25. *Цалик С.* Князь Леон Сапега / С. Цалик [Электронный ресурс] – 2017. – Режим доступа: <http://www.capital.ua/ru/publication/17154-knyaz-leon-sapega-otkryl-odno-iz-stareyshikh-uchebnykh-zavedeniy-galitsii-i-postroil-pervuyu-v-ukraine-zheleznuyu-dorogu#ixzz4YeuzdnH2>– Дата доступа: 07.04.2017.
26. Там жа.
27. *Сапега Л.* Паказ. сачын. – С. 28.
28. *Sapieha L.* Wsk. wуprac. – S. 237–239.
29. *Цалик С.* Паказ. сачын.

А.В. Захаревич (Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону)

ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК ПОЛКОВНИКА БЕГИДОВА 1-ГО В КАМПАНИИ 1828 г. НА ДУНАЙСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

190-летие со дня начала русско-турецкой войны 1828–1829 гг. заставляет почтить память ее героев. Одним из них был крещенный кабардинец, перешедший на русскую службу в 1804 г. [1] и поступивший волонтером в Войско Донское в 1806 г. [2] Давид Григорьевич Бегидов (1779–1838 гг.). К моменту начала войны он был уже полковником. В 1817 г. выступил с полком на службу и находясь в Бессарабии и Подольской губернии, прослужил до 1823 г. Вернувшись на Дон, в 1824 г. был командирован, по приказанию войскового атамана А.В. Иловайского 1-го, в Бессарабию для принятия полка Поздеева. В 1825 г. принял там же вновь прибывший с Дона полк и с ним встретил войну [3].

К моменту начала боевых действий с Турцией в армии П.Х. Витгенштейна насчитывалось 8 донских казачьих полков: Грекова 2-го, Борисова 1-го, Рыковского, Карпова 4-го, Урюпинского, Табунщикова, Золотарева 4-го и Бегидова, которые находились в апреле 1828 г. на границе по р. Прут и несли патрульную службу [4].

После переправы русских войск через Дунай особого напряжения от командования требовала обстановка, сложившаяся у крепости Журжи, гарнизон которой проявлял большую активность в момент кульминации боев под Браиловым. Для наблюдения за этой крепостью был собран особый отряд под командованием генерал-майора П.Я. Корнилова, в состав которого вошли казачьи полки Бегидова, Рыковского и Табунщикова [5].

Полк Бегидова одним из первых вступает в бой с турками под Журжой. Еще когда русские войска охватывали близлежащий район своими силами, от авангарда 6-го коопруса была отправлена полусотня казаков этого полка с есаулом К.С. Каргиным во главе для снятия турецкого поста у с. Селиш. В ночь с 8 на 9 мая было произведено нападение на турок. Есаул Каргин с 25 казаками частью перебил, частью обратил в бегство бывшего на этом посту неприятеля. И это несмотря на то, что укрепление это находилось под самыми стенами Журжи и ему на помощь оттуда вышло подкрепление в 200 чел. [6]. За отличие в этом деле есаул К.С. Каргин был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом.

14 мая осажденный неприятель произвел вылазку из Журжи и донцы первыми вступили с ним в перестрелку. Турки потеснили казачью цепь при с. Слободзея, в тоже время подплыли 2 лодки с пехотой из Рушука. Тогда передовая цепь была поддержана 150 казаками полка Бегидова под командованием командира 5-й сотни войскового старшины Г.Л. Чернушкина. Неприятель «вскоре был принужден оставить занятую им деревню, потеряв несколько человек убитыми и ранеными [7].

Блокаде крепости очень сильно мешали две турецкие деревни – Селимаи Мустафица. Решено было их истребить засевших там врагов. 16 мая полк Бегидова был снаряжен в ночную

экспедицию, чтобы сжечь деревни. В соответствии с планом операции, войсковой старшина Г.Л. Чернушкин, прибыв из Слободзеи в 12 час.ночи, должен был ударить во фланг турецкого поста, расположенного в Селиме. Батальону 31-го Егерского полка была поставлена задача напасть с фронта, а сотник Сухоруков (не путать с В.Д. Сухоруковым, знаменитым донским историком, сражавшимся в это время на Кавказе – А.З.) должен был с 100 казаками, став между крепостью и деревнями, ударить в тыл. Когда казаки стали осуществлять задуманное, турки, сделав несколько выстрелов, бежали к крепости [8]. Из Журжи, желая поддержать отряды, находившиеся в деревнях, открыли по донцам огонь. Но, несмотря на это, казаки подожгли деревни и разогнали находившегося там противника [9].

21 мая турки из крепости Руцук, расположенной на правом берегу Дуная против Журжи, переправившись на 15 канонерках с орудиями большого калибра, направились к с. Слободзея. В подкрепление к ним из Журжи вышел значительный отряд пехоты и конницы. Два эскадрона Смоленского уланского полка с 2-мя орудиями Донской артиллерии и все три казачьих полка ударили по врагу, собравшемуся на месте бывшей деревни Селимы, и «рассеяли» его, несмотря на сильный артиллерийский огонь из крепости [10].

Пока шел бой у места Селимы, часть турок уже атаковала Слободзею (основной объект диверсии – А.З.). Войсковой старшина Г.Л. Чернушкин со 150 казаками отбивался от более 600 турок [11]. Видя тяжелое положение еще державшейся Слободзеи, генерал-майор П.Я. Корнилов направил к месту боя отряд под командованием Д.Г. Бегидова, состоящий из 1-го батальона 31-го Егерского полка, 2 орудий легкой № 2 роты и Донского полка Табунщикова [12]. Но пока отряд Бегидова подвигался к месту боя, турки успели ворваться в Слободзею, овладев значительной ее частью. Обнаружив подходившую к донцам подмогу, противник бросился в дома и за ограды, и под их защитой организовал упорное сопротивление. Однако, несмотря на поддержку огнем с браумбвахт и батарей Журжи, турки были выбиты из Слободзеи и с большим уроном прогнаны в эту крепость. Начальник турок Магомет-Байрактар и более 100 чел. его подчиненных остались на месте убитыми, еще больше

было раненых, многие бежали к Дунаю и там беспомощно тонули при переправе [13]. За отличие в этом бою войсковой старшина Г.Л. Чернушкин, герой обороны Слободзеи, был произведен в подполковники.

В июне 1828 г. стало ясно, что сил 2-й армии под командованием П.Х. Витгенштейна, выставленной для ведения войны на Балканах, явно не хватает. Она попала в треугольник турецких крепостей: Шумлу, Силистрию и Варну и не в силах взять ни одну из них, топталась на месте. Шумла была плотно обложена только с восточной стороны. Ее оборонял 40-тысячный гарнизон и там проживало до 40 тыс. жителей, в большинстве мусульман [14]. Плотно держали восточный участок блокады, чтобы не допустить прорыва турок к Варне, которую также нельзя было атаковать до прибытия эскадры А.С. Грейга с отрядом десанта.

Сложилась очень тяжелая обстановка для русских войск: Гуссейн-паша, сидя в Шумле, убедился в слабости русских сил и сам перешел к активным действиям. Турки выслали крупные отряды к Силистрии и Варне. В связи с этим, 6-й корпус генерала от инфантерии Л.О. Рота был направлен П.Х. Витгенштейном из Валахии к Силистрии, чтобы обезопасить тыл и правый фланг Главной армии, стоявшей под Шумлой. Однако упустили из виду, что корпус Л.О. Рота сам насчитывал всего 10 тыс. чел. [15].

Было принято «Соломоново решение»: часть сил для блокады Силистрии снять из осадного корпуса у Журжи. Забираемые войска выступили 16 июня к Гирсово, имея при себе казачьи полки Бегидова 1-го и 4 сотни полка Борисова 1-го [16]. 18-го войска соединились у Гирсово и вечером казаки полка Бегидова охраняли штаб 6-го корпуса в с. Старый Калараш [17]. Здесь ожидали прибытия всех войск увеличенного корпуса вплоть до 3 июля, а затем двинулись к цели.

Необходимо было разведать пути движения к Силистрии. 5 июля, прибыв с авангардом корпуса в 7 час. вечера в Алпуни, генерал-майор М.А. Габбе направил полк Бегидова к высоте, где раньше существовало с. Кальнея, а 60 казаков по дороге из Кузгуна в Силистрию, для наблюдения левого фланга. На

высотах около лимана Галицы казаки открыли неприятельские пикеты.

6 июля авангард отряда генерал-майора М.А. Габбе остановился, не доходя 5 верст до лимана Галица, и послал партию донцов по дороге к Силистрии во главе с есаулом К.С. Каргиным, который у д. Альманы обнаружил большое количество скота, пасшегося по ту сторону лимана [18]. Узнав об этом, подполковник Г.Л. Чернушкин, с частью авангарда, двинулся вперед и отбил 700 голов скота, причем произошла стычка с турками, в ходе которой 2 казака были только ранены [19]. Турецкий гарнизон, благодаря решительным действиям казаков, был лишен значительного запаса продовольствия. Чтобы турки не сделали попытки отбить свой скот, М.А. Габбе приказал отступить своему авангарду к высотам против устья Гура-бала, ближе к своим войскам.

7 июля авангард выступил к Силистрии и, дойдя до высоты между селами Альпун и Галица, встретил посланных Г.Л. Чернушкиным казаков. Они сообщили, что турки в числе нескольких сот всадников перешли по мосту ручей, вытекающий из озера Галица. Чернушкину было приказано ложно отступить перед превосходящими силами противника и навести его на приближающийся отряд. Но турки разгадали этот замысел и отошли в крепость [20].

Утром 8 июля на правый берег Дуная переправился казачий полк Борисова 1-го [21]: блокада крепости изо дня в день становилась все теснее, хотя из корпуса Л.О. Рота под ее стенами были пока только отдельные части. Неприятель пробовал прорвать ее еще раз. 8 июля, в день большого боя под Шумлой, турецкая кавалерия снова вышла из Силистрии и вступила в перестрелку с передовыми постами казаков, но не имея никакого успеха, с уроном возвратилась в крепость [22].

9 июля войска, назначенные к блокаде Силистрии и состоящие из 11 батальонов 16-й пехотной дивизии, 16-й арт. бригады, 4 орудий Донской артиллерии, С.-Петербургского и Харьковского уланских полков, казачьего полка Бегидова и 1-й роты 6-го пионерного батальона, под командованием генерала Л.О. Рота двинулись к крепости от лимана Галицы [23].

Авангард корпуса, по-прежнему, составляли войска генерал-майора М.А. Габбе. Впереди двигались под командованием Д.Г. Бегидова его казачий полк, эскадрон С.-Петербургского полка и 2 донских орудия [24]. Казаки напоролась на турок в 6 верстах от крепости, переходя мост через небольшую речку. Их атаковала вражеская конница, но 2 донских орудия, поставленные по правую сторону моста, заставили ее отступить. Донцы перешли мост, рассыпались в цепь и завязали перестрелку [25].

Охотский полк из дивизии генерала Н.Д. Сулимы, выслал стрелков, и прикрываясь кустарником, продвигался за казаками. Колонны турок, вышедшие из крепости, атаковали авангард так сильно, что Охотский полк и казаки едва удержались. Генерал Н.Д. Сулима все время поддерживал их, посылая в подкрепление Селенгинский, Камчатский и 32-й Егерский полки [26].

Бой загорелся по всей линии. Стрелки, поддержанные уланами и казаками, «не позволили сделать ни шагу вперед турецким наездникам, несмотря на отличное их состояние и стремительность, с кою они бросились вперед. Лес, перерезанный лощинами и рытвинами, сделался твердым для них оплотом, и пули сыпались градом...» [27]. Неприятель, засев в оврагах и виноградниках, отстреливался плотным беглым огнем. На самой оконечности левого фланга отряда генерал-майора М.А. Габбе казаки с частью улан и донская артиллерия отражали натиск отборных наездников, умножавшихся с приближением к Силистрии [28].

Для дальнейшего движения вперед генерал Л.О. Рот расположил войска следующим образом: на левом фланге генерал М.А. Габбе с Охотским и Камчатским полками, при 4-х орудиях; незанятые 3 сотни полка Бегидова занимали берег Дуная, имея приказание действовать на правый фланг турок; генерал Н.Д. Сулима находился в центре с Селенгинским, Якутским, 32-м Егерским и одним батальоном 31-го Егерского полка, имея в резерве С.-Петербургский уланский полк, казачий Борисова 1-го и 6-й пионерный батальон. На правом фланге находился генерал-майор П.И. Нагель с Харьковским уланским полком, имея в резерве остальные батальоны 31-го Егерского полка [29].

Харьковский уланский полк воспользовался выгодным расположением и успешно атаковал турецких стрелков, засевших в виноградниках. Генерал Н.Д. Сулима ударил в штыки густой цепью своих стрелков, подкрепленных резервами, и опрокинул к крепости неприятельские колонны центра, а казаки полка Бегидова и дивизион петербургских улан атаковали неприятеля почти в тыл, обойдя его правый фланг. Этим дружным натиском турки совершенно были разбиты и бежали к крепости, преследуемые уланами и казаками [30].

Крепостные орудия турок не прекращали огня по всему фронту русских, но он почти не причинял вреда. Во второй половине дня Силистрия была обложена. Войска стали на расстоянии пушечного выстрела от стен, разместив влево казачьи посты до самого берега Дуная. В центре позиции находились 4 донские орудия, на левом фланге, среди общего расположения русских войск, 60 казаков полка Бегидова [31]. 11 июля в боевую линию вошли 3 сотни полка Борисова 1-го и расположились позади конной роты № 28 [32].

После обложения Силистрии для содержания охранной цепи в тылу наших войск и передовых постов перед крепостью был сформирован особый отряд под командованием полковника Д.Г. Бегидова, в состав которого вошел и его казачий полк. Помимо содержания этих постов от полка высылались партии для открытия неприятеля по ближайшим к крепости дорогам. Ежедневно происходили перестрелки с турками. До 18 июля, находясь в разъездах, казаки на дорогах ничего не обнаружили, но в окрестностях отбили у неприятеля 200 голов скота [33]. Турки крупными силами уже не беспокоили русских, происходили перестрелки 19 и 20 июля. 24-го на левом фланге показалось 50 конных турок, но казаки их прогнали обратно [34]. 30-го турки повторяют нападение, но донцы ранили их командира и перекололи часть отряда [35].

Однако в августе противник начинает ощущать недостаточность русских сил и осуществляет целую серию крупных вылазок. Во время вылазки 16 августа произошло целое сражение, в ходе которого еле-еле удалось турок загнать обратно, а казаки потеряли сотника П.Н. Черкесова, руководившего пикетами полка Бегидова [36].

18 августа генерал Л.О. Рот произвёл передислокацию осадных войск, т.к. к корпусу подошли резервы. Однако пополнений в казаках не последовало, что видно из нового боевого расписания. На правом фланге, под командованием генерала П.И. Нагеля, донских казаков не числилось; в центре, под командованием генерала Н.Д. Сулимы, тоже; а вот в отряде генерала К.И. Бистрома, между прочих войск, обозначены 3 сотни полка Бегидова; 2 сотни этого же полка находились на левом фланге, под командованием генерала К.А. Крейца; в резерве числились 3 сотни полка Борисова 1-го и 6 орудий Донской артиллерии [37]. Как видим, старые фамилии командиров и старые силы. Да и добавление пехоты, регулярной конницы и артиллерии мало что изменило: обложение крепости оставалось неполным...

2 октября 1828 г. Главная армия отошла от Шумлы и П.Х. Витгенштейн принял решение основные усилия сосредоточить на взятии Силистрии. На усиление осадного корпуса была переброшена часть войск 2-го корпуса. Донцы теперь следующим образом располагались в боевых порядках: в осадной цепи, на левом фланге, находилось только 2 сотни полка Борисова 1-го, остальные казаки оставляли отдельные отряды. Один из них, из 3-х казачьих полков, 1 эскадрона улан и 2-х конных орудий, под командованием полковника Д.Г. Бегидова, стоявший при Калопетри для наблюдения за дорогами в Разград и Шумлу, имел на Шумлинской дороге, при Афлотаре, постоянный казачий пост. На Д.Г. Бегидова была возложена также охранная цепь в тылу лагеря. По Гирсовской и Бабадагской дорогам, у каменного моста, тоже находился казачий пост, подкрепленный пехотой. При Аймалуе находился казачий полк Андриянова. Он наблюдал за дорогами в Базарджик и посылал разъезды в Кучук-Кайнарджи и далее, до Кирс-Гайдена. Кроме того, полк Андриянова выставлял пост на высотах при озере Гарлице и у каменного моста, и им же составлялась летучая почта до Кюстенджи и Базарджика через Карасу, для сообщения с Главной квартирой [38].

Однако, к концу октября дальнейшая осада становилась невозможной; дороги стали трудны для проезда, подвоз запасов прекратился, стало недоставать пороха и прочих припасов.

Наступили холода и метели, по Дунаю начался ледоход, угрожавший прервать сообщение с Россией. Поэтому после 2-дневного бомбардирования крепости ей было предложено 23 октября сдаться, а когда турки отказались, то 27 октября блокада была снята и русские стали отходить за Дунай.

Прикрывал отход войск от Силистрии казачий отряд Бегидова. Турецкая конница буквально наседала на донцов. В бою особенно отличился полк командира отряда, который тот, после схватки, поставил замыкающим, т.е. первым к лицу противника. Донцы перестреливались с турками до с. Бейлык, часто опрокидывали их, а затем походным порядком направились в с. Сальчи в Малой Валахии на зимние квартиры. За общее отличие в боях против турок в кампанию 1828 г. командир полка полковник Д.Г. Бегидов был произведен в генерал-майоры, сотник П.К. Антонов – в есаулы и награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с бантом, есаул К.С. Каргин – в войсковые старшины. Получили награды и другие офицеры и казаки этого славного полка [39].

Таким образом, кампания 1828 г. на Балканах окончилась для России неудачно: из треугольника крепостей взять удалось только Варну. Но не вина казачества в таком исходе, оно приложило максимум усилий для достижения победы, которую удалось одержать в следующем году. Нужно было пройти и через горечь неудач, чтобы затем, осерчав, продрасться через Балканы до Адрианополя.

Примечания

1. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв. Биографический справочник. – Нальчик, 2006. – С. 73

2. *Кумыков Т.Х., Коршиков Н.С.* Кабардинец генерал Бегидов – участник Бородинского боя и Лейпцигского сражения // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период) / Под ред. *Т.Х. Кумыкова.* – Нальчик: КБГУ. 1989. – С. 185

3. Бегидов Давид Григорьевич, генерал-майор // Донцы XIX века. – Ростов-на-Дону: «НВ». – 2003. – С. 59

4. *Епанчин Н.А.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. – Ч. 1. – СПб. 1905. – С. 54-56 (приложение).

5. *Покровский А.А.* 3-й Донской казачий Ермака Тимофеевича полк. Прошлое за сто лет. – Вильна. 1910. – С. 32. Автор неверно называет

командующим отрядом Ф.К. Гейсмара – в то время как им был П.Я. Корнилов, скончавшийся под Журжой 10 июля 1828 г.

6. Там же. – С. 32
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 477. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 9 об.
8. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4603. – Л. 8
9. *Покровский А.А.* Указ.соч. – С. 32–33
10. *Лукьянович Н.А.* Описание Турецкой войны 1828–1829 гг.– СПб., 1844. – Ч. 1. – С. 95
11. Там же. – С. 96
12. РГВИА. – Ф. 477. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 13 об.
13. *Покровский А.А.* Указ.соч. – С. 33
14. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. – М., 1973. – С. 189
15. Там же. – С. 192
16. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4603. – Л. 22 об.
17. Там же. – Л. 24
18. *Покровский А.А.* Указ.соч. – С. 33
19. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4603. – Л. 28
20. Там же. – Л. 28
21. Там же. – Л. 29 об.
22. *Покровский А.А.* Указ.соч. – С. 34
23. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4603. – Л. 29 об.
24. Там же. – Л. 29 об.
25. *Михайловский-Данилевский А.И.* Н.Д. Сулима // Военная галерея Зимнего Дворца. Император Александр I и его сподвижники. – СПб., 1847. – Ч. 3.– С. 4–5
26. Там же. – С. 5
27. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4603. – Л. 30
28. Там же. – Л. 30 об.
29. *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч.– СПб., 1847. – Т. 3. – С. 5.
30. Там же. – С. 5
31. *Лукьянович Н.А.* Указ. соч.– СПб., 1844. – Ч. 2. – С. 166
32. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4603. – Л. 34
33. Там же. – Л. 36 об.
34. Там же. – Л. 38 об.
35. Там же. – Л. 40 об.
36. *Покровский А.А.* Указ.соч. – С. 34
37. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 4608. – Л. 79 об. – 80
38. *Лукьянович Н.А.* Указ. соч. СПб., 1844. – Ч. 2. – С. 273
39. *Покровский А.А.* Указ.соч. – С. 35

А.Н. Птицын (Российская Федерация, г. Ставрополь)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ СЛАВЯН В РОССИЮ КАК ПРОБЛЕМА ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

В составе многочисленной общины переселенцев из Австро-Венгрии, сформировавшейся в России во второй половине XIX – начале XX в., подавляющее большинство составляли представители различных славянских народов.

По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в нашей стране на постоянной основе находилось 50,4 тыс. чехов и словаков (причем последних – всего несколько тысяч). Польские переселенцы из австрийской Галиции, вероятно, составляли не менее половины из 115,2 тыс. поляков – иностранных подданных, проживавших на территории Российской империи (остальные являлись подданными Германии). Подавляющее большинство из 48,7 тыс. русских, имевших иностранное подданство, очевидно, составляли австро-венгерские русины. А вот южных славян в Россию в это время переселялось очень мало – перепись 1897 г. зафиксировала лишь 1,8 тыс. сербов, хорватов и словенцев (в это число входят подданные, как Австро-Венгрии, так и Сербии с Черногорией) [1]. Из представителей неславянских народов Габсбургской монархии в Россию активно переселялись австро-немцы, и в небольших масштабах – румыны, венгры и евреи.

Следует отметить, что Австро-Венгрия в рассматриваемый период являлась одним из основных доноров международных миграций, и в переселенческом движении активно участвовали люди всех ее национальностей. Представители различных славянских народов составляли около половины населения этого государства, и уже это обстоятельство определяло ведущую роль славян в эмиграционном движении.

Главным стимулом эмиграции австро-венгерского населения являлись экономические и социальные факторы. Их дополняли также демографические, этнополитические, идейно-политические и психологические предпосылки. Для австро-венгерских славян, переселявшихся в Россию, помимо социально-экономических

причин, заметную роль играли еще этнополитические и идейные предпосылки. К ним можно отнести недовольство своим положением из-за национального неравноправия славянских народов в рамках системы дуализма, а также идеи славянской солидарности и славянского единства, широко распространенные в то время.

Правительство Габсбургской монархии долгое время пыталось ограничивать и сдерживать выезд своих подданных за границу, считая, что это ослабляет страну. Однако в ходе либеральных реформ 1867 г. жителям монархии был предоставлен весь спектр гражданских прав, в том числе и право на свободное передвижение. По закону от 21 декабря 1867 г. габсбургские подданные получили право свободного выезда за границу, которое было ограничено лишь для военнообязанных молодых мужчин (они были обязаны до отъезда отбыть установленную воинскую повинность) [2]. Данный закон стал важнейшей предпосылкой для развертывания массового эмиграционного движения населения дуалистической монархии.

Отношение правящих кругов Австро-Венгрии к эмиграционной проблеме было двойственным – они признавали ее свободу и исполняли соответствующий закон, но на словах осуждали из-за ослабления потенциала страны. В то же время, некоторые их мероприятия прямо стимулировали данное явление. Так, перевод учебных заведений в славянских регионах Венгрии на преподавание на венгерском языке в рамках политики «мадьяризации», привело к увольнению многих учителей и их отъезд в Россию, где их услуги оказались востребованными. Преследования со стороны австрийских и венгерских властей деятелей славянских национальных движений (русинов, словаков, хорватов и других), которые одновременно являлись видными представителями национальной интеллигенции, толкали их в эмиграцию, преимущественно в Россию [3].

Без сомнения, власти Габсбургской монархии были довольны эмиграцией в Россию деятелей славянских национальных движений, которая эти движения ослабляла. Так, отъезд из Галиции множества русинов, придерживавшихся русофильских

взглядов, привел к упрочению в данном регионе позиций проавстрийско настроенного украинского движения.

Что касается отъезда за границу необходимых стране специалистов и работников, то габсбургские власти ограничивались лишь выражением сожаления по данному поводу, поскольку по закону запретить их не могли. Когда в конце 1860-х и 1870-е гг. российское министерство народного просвещения стало активно приглашать на службу учителей древних языков из числа габсбургских славян, австрийский министр просвещения и культа К. фон Штремайр при встречах со своим российским коллегой Д.А. Толстым лишь сетовал, что Россия отбирает у него лучших специалистов, и жаловался, что тогдашние австрийские законы не дают ему возможности воспрепятствовать этому [4].

Российская политика еще со времен Петра I была ориентирована на привлечение в страну переселенцев из стран Европы. В конце XVIII – первой половине XIX в. иммиграция в Россию была несколько ограничена, а затем в эпоху «великих реформ» был установлен либеральный иммиграционный режим, сохранявшийся вплоть до Первой мировой войны. За исключением отдельных категорий «нежелательных» иностранцев (евреев и др.) всем остальным разрешался свободный въезд и проживание на территории Российской империи. В частности, Александром II было законодательно закреплено положение о том, что «иностранцы всех вообще наций имеют право свободного приезда и пребывания в России, а равно и выезда из оной, на основании правил, постановленных в Уставе о паспортах» [5].

В 1870 г. российское правительство денонсировало картельное соглашение 1815 г. с Австрией, согласно которому запрещалось принимать переселенцев, являющихся военнообязанными. Это было сделано в рамках либерализации иммиграционного режима, несмотря на недовольство со стороны габсбургского правительства. Причиной данного шага, по словам товарища министра иностранных дел В.И. Вестмана, было то, что постановления картельной конвенции «оказываются крайне стеснительными для нашего правительства и предоставляют все выгоды одной Австрии» [6].

В дальнейшем российские власти в своем отношении к австро-венгерским иммигрантам более не принимали во внимание вопрос об отбывании ими воинской повинности на родине. В то же время, изучение биографий чешских переселенцев, приехавших в Россию в молодом возрасте, свидетельствует о том, что многие из них по достижении призывного возраста добровольно возвращались на родину для прохождения воинской службы.

В Российской империи на официальном уровне не делалось различий между прибывавшими в страну иммигрантами по национальному признаку, за отдельными исключениями (евреи и др.). Однако ввиду того, что идеи славянской солидарности в то время были распространены в российском обществе весьма широко, славянские иммигранты неизменно встречали в нашей стране самый благожелательный прием. Таким образом, австро-венгерские славяне могли рассчитывать в России на негласное покровительство со стороны властей и сочувственное отношение со стороны простого народа, однако никакими особыми правами по сравнению с другими иностранцами они не пользовались.

Вопреки широко распространенным представлениям, правящие круги Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., вовсе не придерживались панславистских воззрений. Покровительство зарубежным славянам было не самоцелью, а скорее средством для реализации российской внешней политики. Для российского правительства вплоть до начала Первой мировой войны поддержание добрососедских отношений с правительством Австро-Венгрии являлось приоритетом по сравнению с отношениями со славянскими народами дуалистической монархии. Поэтому оно не считало нужным целенаправленно привлекать славянских эмигрантов из габсбургских земель, опасаясь, что это может быть расценено как панславистская демонстрация.

Все это было хорошо видно на примере чешской колонизации российских окраин. В 1860-е гг. ряд чешских деятелей обратился к российскому правительству с предложением переориентировать поток чешской эмиграции, направлявшийся в США, в Россию. Предполагалось, что при финансовой и организационной поддержке российских властей

чешские колонисты смогут заселить недавно присоединенные окраины – Дальний Восток и Черноморское побережье Кавказа. Однако эти проекты были отвергнуты в Петербурге по внешнеполитическим и финансовым соображениям.

В частности, в 1868-1869 гг. российские власти получили от чешских общественных деятелей несколько проектов организации массового чешского переселения на Черноморское побережье Кавказа. При изучении данного вопроса было запрошено мнение руководства МИДа. По его поручению российский посол в Вене К.П. Иксуль выяснил официальную позицию австрийских властей по вопросу чешского переселения в Россию. Она оказалась двойственной – с одной стороны, эмиграция была прямо разрешена законом, а с другой, австрийские власти стремились ее приостановить, или хотя бы преуменьшить. В то же время, в австро-венгерском МИДе российскому послу дали понять, что значительный рост числа чешских переселенцев в Россию при значительном распространении оппозиционных настроений в чешских землях мог получить «политическое значение и возбудить опасения австрийского правительства» [7].

Основываясь на информации, полученной из Вены, российский министр иностранных дел А.М. Горчаков 1 ноября 1869 г. обратился к кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу с письмом, в котором доказывал, что дело чешского переселения на Кавказ нужно вести очень осторожно, не привлекая к участию в нем посольство в Вене, чтобы избежать осложнений с австрийским правительством. По мнению министра, было желательно ограничить количество переселенцев, «предоставить дело переселения частной предприимчивости» и «сообщить переселению чисто экономический характер» [8].

Основываясь на рекомендациях МИДа, а также не желая нести расходы на чешское переселение, российское правительство отвергло проекты чешских деятелей по организации массового переселения чешских колонистов на Кавказ, ограничившись лишь приемом небольших групп переселенцев, прибывших самостоятельно, и отказалось предоставить им какие-либо дополнительные льготы в

дополнение к стандартным, установленным в Черноморском округе [9].

Когда на рубеже 1860–1870-х гг. развернулось массовое переселение чешских колонистов на Волынь, российские официальные лица оказывали помощь и покровительство лишь уже прибывшим переселенцам, а в вопросы их приглашения и переезда старались не вмешиваться, отдав их на откуп частной переселенческой компании. Данная позиция также диктовалась боязнью вызвать недовольство со стороны австрийских властей [10].

Австро-венгерские переселенцы в России, главным образом, чехи, создавали свои организации – благотворительные и культурно-просветительские. Русские власти строго следили, чтобы их деятельность не выходила за заявленные рамки и не приобретала политического характера. Политическое значение эти организации получили только после начала Первой мировой войны.

Проблемы правового регулирования трансграничных миграций рассматривались в ряде двухсторонних договоров и соглашений, заключенных правительствами России и Австро-Венгрии.

2 (14) сентября 1860 г. между двумя империями был подписан «Трактат о торговле и мореплавании» который имел большое значение для либерализации режима трансграничных миграций. В частности, 13-я статья договора гласила: «Подданные каждой из обеих высоких договаривающихся сторон, сообразуясь с законами страны, будут пользоваться: полной свободой с их семействами приезжать, путешествовать или проживать в какой бы то ни было части государства и владений другой договаривающейся стороны» [11].

Данный трактат разрешал переселенцам владеть собственностью и заниматься предпринимательской деятельностью в сопредельной стране, освобождал их от обязательной службы на чужой территории. Однако для австро-венгерских евреев договор устанавливал ряд ограничений, приравнивая их к российским евреям.

Российско-австрийский договор 1860 г. был позднее дополнен специальной торговой конвенцией, подписанной 6 (18)

мая 1894 г. и распространившей на подданных двух стран режим наибольшего благоприятствования в торгово-экономической и налоговой сферах [12].

2 (15) февраля 1906 г. Австро-Венгрия и Россия подписали новый договор о торговле и мореплавании, пришедший на смену предыдущим соглашениям. Примечательно, что в ходе переговоров о его заключении российское правительство предлагало австро-венгерскому руководству ввести безвизовый режим для подданных обеих стран, ссылаясь на огромные масштабы двухсторонней миграции. Однако это революционное по тем временам предложение было отвергнуто правительством Австро-Венгрии, которое опасалось полностью утратить контроль над миграционными процессами [13].

В целом, статьи торгового договора 1906 г., касавшиеся правового положения переселенцев, дополняли и развивали положения предыдущих соглашений. В 1-й статье данного договора говорилось: «Уроженцы одной из договаривающихся сторон, постоянно или временно проживающие в пределах территорий другой стороны, будут пользоваться равноправностью с туземцами по производству торговли и промыслов, и не будут облагаться иными, или более тяжелыми сборами, чем туземцы. Они будут пользоваться во всех отношениях на территориях другой стороны теми же правами, преимуществами, льготами и изъятиями, какие дарованы подданным наиболее благоприятствуемой державы» [14].

Таким образом, сохраняя содержание предыдущих соглашений по существу, договор 1906 г. изменил состав лиц, на который распространялись его действия – вместо подданных в нем упомянуты уроженцы стран-участниц. Это было связано с тем, что многие эмигранты со временем меняли свое подданство.

Помимо торговых договоров, проблемы миграции затрагивались и в других двухсторонних соглашениях. 3 (15) октября 1874 г. между Россией и Австро-Венгрией была подписана конвенция о взаимной выдаче преступников, согласно которой граждане одного из государств, совершившие уголовное преступление на родине и укрывавшиеся на территории другого государства, подлежали выдаче в родную страну. Это происходило в случае, если им грозило наказание, превышающее

годовой срок тюремного заключения. В то же время, выдаче не подлежали политические преступники, а также собственные подданные [15].

1 (13) декабря 1886 г. российское и австро-венгерское министерства иностранных дел обменялись нотами, установившими порядок «взаимной высылки нищих, бродяг и беспаспортных». Высылке на родину подвергались подданные одной из стран, проживавшие на территории другого государства, в случаях, когда его властями «препровождение коих в пределы их отечества будет признано необходимым ввиду недостаточности их средств к существованию, а также вследствие бродяжничества или неимения паспорта» [16].

Формирование на российской территории значительной переселенческой общины и развитие торгово-экономических связей, как и не афишируемое стремление к сбору информации о соседней державе, побудили австро-венгерское правительство открыть в нашей стране целую сеть дипломатических представительств. Они располагались в регионах концентрации австро-венгерских переселенцев, права которые должны были защищать, а также в пограничных и портовых городах.

В начале XX в. австро-венгерских дипломатических представительств в России насчитывалось более двадцати: посольство – в Петербурге, генеральные консульства – в Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Риге и Гельсингфорсе (Хельсинки), консульства – в Киеве, Ревеле (Таллине), Либаве (Лиенае) и Тифлисе (Тбилиси), вице-консульства – в Керчи, Кронштадте, Батуме (Батуми), Измаиле, Николаеве, Баку, Ростове-на-Дону и Харькове, консульские агентства – в Бердянске, Мариуполе, Новоселицах, Таганроге [17].

Таким образом, представители славянских народов составляли большинство среди австро-венгерских иммигрантов в дореволюционной России. Однако их эмиграция носила неорганизованный характер и не являлась предметом особых забот российских властей. Наоборот, последние стремились не поощрять эмигрантов на официальном уровне, чтобы не вызвать недовольство со стороны австро-венгерского правительства. Правовое положение иммигрантов славянского происхождения в Российской империи не отличалось от статуса австро-венгерских

иммигрантов неславянских национальностей. Коренные отличия здесь появятся уже после начала Первой мировой войны, с изданием чрезвычайных законов, направленных против подданных «враждебных держав».

Примечания

1. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – СПб., 1905. – Т. 2. – С. 3, 377.

2. Staatsgrundgesetz über die allgemeinen Rechte der Staatsbürger. 21 Dezember 1867 // Texte zur Österreichischen Verfassungs-Geschichte. Von der Pragmatischen Sanktion zur Bundesverfassung (1713–1966). – Wien, 1970. – S. 64.

3. См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. – М., 1978.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. – Оп. 169. – Д. 13. – Л. 9–10.

5. Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. – СПб., 1901. – Т. IX. – С. 541.

6. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 189. – Д. 971. – Л. 43.

7. *Ненашева З.С.* Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века // Русский сборник. Исследования по истории России. – М., 2006. – Т. 3. – С. 34–35.

8. Там же. – С. 35.

9. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868-2010. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 17-19.

10. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 189. – Д. 971. – Л. 24–25.

11. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. – СПб., 1902. – Т. 1. – С. 88.

12. Там же. – С. 95.

13. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 155 (II Департамент). – Оп. 408. – Д. 1. – Л. 176.

14. Сборник торговых договоров и других, вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. – Петроград, 1915. – С. 1.

15. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. – СПб., 1906. – Т. 2. – С. 539–548.

16. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. – СПб., 1891. – С. 311.

17. Справочная книга по торгово-промышленной части для императорских российских консулов. – СПб., 1912. – С. 394–395.

А.Г. Иванов(Российская Федерация, г. Краснодар)

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ГАРАНТИЯХ ПОЛЬШЕ В 1939 г.

15 марта 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию и ввергла Европу в острый политический кризис, который, развиваясь по нарастающей, привел ко Второй мировой войне. Документы Государственного архива Великобритании (ныне это Национальный архив) дают основания считать, что Англия (как и Франция) знала заблаговременно о том, что произойдет в центре Европы. За месяц до осуществления германской агрессии против Чехословакии британская MI-5 (контрразведка) получила сведения о том, что Гитлер замышляет очередную вызывающую акцию, а 9 марта посол в Германии Н. Гендерсон подтвердил эти сведения. Он также выразил убеждение в бесперспективности оказания помощи чехам [1]. Аналогичную информацию примерно в то же время получила и французская контрразведка [2]. Видимо, английское правительство (как и французское) надеялось на то, что Гитлер, не обеспечив своего западного фланга, не рискнет на авантюру на Востоке. Но эти надежды были построены на песке, как и политика умиротворения в целом.

Аннексия Третьим рейхом Чехии и превращение Словакии в марионеточное фашистское государство имели крайне негативные последствия для всей Европы. Германия существенно укрепила свой военно-экономический потенциал и стратегические возможности. По подсчетам военного министерства Великобритании, нацисты захватили оружие и снаряжение в Чехословакии, достаточное для оснащения 38 пехотных и 8 мобильных дивизий [3]. Зловещая тень нацистской свастики нависла прежде всего над Восточной и Юго-Восточной Европой, но в перспективе германская угроза становилась реальной для многих европейских стран. Сильнейший удар был нанесен по позициям Великобритании, Франции и их союзников. Малая Антанта перестала существовать, обесценились французские союзы с восточноевропейскими странами. Наконец, для многих было очевидно, что политика умиротворения

потерпела полный крах, и требуются энергичные усилия правительств миролюбивых государств, прежде всего великих держав, по созданию антигерманского союза с целью недопущения новой мировой войны.

Однако первоначальная реакция правительств Н. Чемберлена и Э. Даладье на насильственную акцию Гитлера в центре Европы оказалась неадекватной серьезности момента. Так, британский премьер-министр заявил в палате общин 15 марта, что Великобритания не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии, которая прекратила существование «в результате внутреннего распада». В тот же день и в таком же духе высказался и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в беседе с английским послом Э. Фиппсом. Он также дал понять, что следующей жертвой агрессора вскоре станет Румыния [4].

О Румынии и Польше, как потенциальных объектах германской экспансии, речь шла и в донесении временного поверенного в делах СССР в Польше П.П. Листопада в Москву от 15 марта 1939 г.: «Гитлер не ограничится только захватом Чехословакии, а продолжит свою «работу» – сначала захватит Румынию, а потом на очереди стоит Польша». Листопад также отметил, что многие дипломаты упрекали Англию и Францию в том, что они своим поведением «предоставили возможность Гитлеру аннексировать целое государство» [5].

В отличие от правительств западных держав общественность была шокирована и возмущена действиями Гитлера. Под ее давлением британский премьер-министр был вынужден занять более решительную позицию. 17 марта в речи на собрании консерваторов в Бирмингеме он осудил агрессию против Чехословакии и заявил, что Великобритания окажет сопротивление попыткам Германии установить свое господство в Европе. Выпад Чемберлена против Гитлера предназначался для успокоения оппозиции, в том числе в консервативной партии, а также был призван служить средством сдерживания фюрера. Последнее, впрочем, являлось более чем проблематичным, поскольку германское правительство уже вскоре возобновило нажим на Польшу, требуя Данциг с коридором, и предъявило

ультимативные требования Литве относительно Мемеля (Клайпеды).

СССР осудил агрессию Германии против Чехословакии [6]. Одновременно нарком иностранных дел М.М. Литвинов предложил немедленно созвать конференцию с участием представителей Великобритании, Франции, Польши, Румынии, СССР и Турции для обсуждения мер по предупреждению распространения агрессии. Однако западные державы не приняли это предложение. На заседании кабинета 19 марта Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс пришли к заключению, что такой акт был бы преждевременным, что опасно созывать конференцию без предварительной тщательной подготовки [7].

Итак, Запад не проявлял готовности сотрудничать с СССР (Франция послушно следовала за Великобританией), хотя о возврате к политике умиротворения не было и речи. В Лондоне и Париже понимали, что необходимо предпринять какие-то превентивные меры с тем, чтобы не допустить разрастания фашистской агрессии. С другой стороны, правительства Чемберлена и Даладье не были готовы на решительные действия – сказывалось тяжелое наследие Мюнхена и мюнхенской политики. Так на свет появилась идея о предоставлении гарантии Польше и ряду других стран Восточной Европы.

С середины марта 1939 г. в Лондон поступали тревожные сведения о скором нападении Германии на Польшу и Румынию. Подчинение этих стран диктату Гитлера привело бы к господству Третьего рейха на Европейском континенте и низвело бы Англию и Францию до положения второразрядных государств. К тому же не исключалась вероятность продвижения Германии на запад с целью захвата Голландии и ликвидации Франции. Черед Великобритании, как сообщил Фиппс из Парижа со ссылкой на хорошо информированный источник, должен был наступить в 1940 г., а США – в 1941 г. [8].

18 марта на заседании английского кабинета обсуждалось положение на востоке Европы. Лорд Галифакс с сожалением отметил: «Если Германия нападет на Румынию, Англии будет крайне трудно остаться в стороне – придется принять участие в сопротивлении агрессии». Он подчеркнул (со ссылкой на начальников штабов), что помощь Румынии можно оказать лишь

с подключением России, Польши и Франции. «В том случае, если Польша и Россия откажутся (от оказания помощи Румынии. – А.И.), Англия должна заручиться поддержкой Турции и Греции». С точки зрения Галифакса, существенное значение будет иметь позиция Италии. Чемберлен, в свою очередь, отметил: «Всего лишь неделю назад наша политика сводилась к улучшению отношений с диктаторами, но после захвата Чехословакии я убежден в том, что позиция Гитлера делает невозможным продолжение переговоров с нацистским режимом на прежней основе. Однако это не означает, что невозможны также переговоры с немецким народом». Премьер-министр подчеркнул, что, если Германия, несмотря на сделанное ей в Бирмингеме предупреждение, не изменит своей политики, «у нас не будет иной альтернативы, кроме как принять ее вызов». Кабинет принял решение добиваться согласия СССР, Польши, Югославии, Турции, Греции и Румынии на образование общего фронта борьбы против агрессии Германии в Юго-Восточной Европе [9].

На следующий день на внеочередном заседании кабинета (в воскресенье) обсуждалась форма сотрудничества. Чемберлен высказал мнение, что лучше всего сформулировать декларацию о поддержании политической независимости стран Юго-Восточной Европы и, если эта независимость подвергнется внешней угрозе, участники декларации прибегнут к взаимным консультациям. Он пояснил важное преимущество такого подхода: «Использование военной силы будет затруднено для Великобритании и других стран до окончательного прояснения ситуации. Составленная в общих выражениях декларация» способна держать общественность в неведении относительно намерений правительства и позволит ему «действовать за кулисами в направлении поощрения совместной акции» [10]. Таким образом, оставалась в силе установка на отказ Англии от твердых обязательств. Для Чемберлена главное заключалось в том, чтобы по возможности сохранить за собой свободу маневра.

Советское правительство дало согласие на подписание декларации о консультациях Великобритании, Франции, Польши и СССР относительно шагов, которые надлежало предпринять для общего сопротивления агрессии. Однако Польша заявила, что

не пойдет ни на какое соглашение, если его участником будет СССР. Польский посол в Москве В. Гжибовский в беседе с наркомом М.М. Литвиновым объяснил отказ своего правительства – оно не желает испортить отношения с Германией. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек считал, что его страна, подписав декларацию, включилась бы в «идеологический фронт», получая за это туманные обещания консультаций [11]. В дальнейшем вопрос о декларации был похоронен, и такой исход с большим неодобрением был воспринят Москвой. Вновь проявились ограниченные возможности СССР, который к тому времени так и не вырвался из послемюнхенской изоляции.

Возможности Великобритании и Франции были гораздо более широкими, хотя степень их влияния на события в Европе постоянно уменьшалась. Престиж английского и французского правительств заметно упал в собственных странах, что, в частности, подтверждает информация советского полпреда в Великобритании И.М. Майского, переданная в НКВД СССР 20 марта: «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее, вплоть до кругов, представляемых «Таймс». Политика «умиротворения» в сознании широчайших масс мертва. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны» [12].

И все же британский премьер-министр не терял надежды на восстановление утраченного между ним и Гитлером доверия. В том же донесении Майский писал: «До тех пор, пока Чемберлен остается во главе правительства, трудно ожидать каких-либо прочных и серьезных сдвигов во внешнеполитической линии Англии. Премьер, правда, потерпел полный крах в своей мюнхенской политике, и престижу его нанесен сильный удар, но в душе он, несомненно, и сейчас готов тянуть старую песню, и лишь давление общественного мнения мешает ему это делать. Поэтому Чемберлен пока выжидает и лавирует» [13].

Документы Национального архива Великобритании предоставляют возможность дополнить политический ландшафт 1939 г. новыми фактами. Более чем за месяц до ликвидации Германией Чехословакии главный дипломатический советник британского правительства Р. Ванситтарт (отличавшийся антинацистскими взглядами) получил информацию от надежных источников из Берлина, которую он тут же передал лорду Галифаксу: «Партийные круги (верхушка НСДАП. – А.И.) настроены очень оптимистично и определенно рассчитывают на моральное разложение Франции. В этой связи большие надежды возлагаются на Фландена (французский вице-премьер. – А.И.) и Бонне, которые стали по существу заложниками Риббентропа. Берлин рассчитывает также на Англию в том смысле, что она не будет слишком активно противостоять пораженческим настроениям во Франции». О линии Зигфрида информаторы отзывались так: «Западные укрепления еще не готовы. Иностранные державы слишком легко поддаются блефу (нацистов об их полной готовности. – А.И.) [14].

Через неделю, 15 февраля 1939 г., Ванситтарт получил еще одно донесение от осведомителей из кругов, близких к германскому генеральному штабу: «Офицерский корпус (Германии. – А.И.) абсолютно убежден в том, что Англия не в состоянии больше проводить политику, которая связана с риском войны». Далее следовали нелицеприятная для умиротворителей оценка Мюнхенского соглашения как капитуляции и предположение, что Чемберлен и Даладье «готовы психологически для второго Мюнхена» с тем, чтобы избежать наихудшего сценария, т.е. войны. «В том случае, если ситуация станет очень угрожающей, Чемберлен, скорее всего, принудит французов к капитуляции, но при этом подстрахуется и окажет (Франции. – А.И.) помощь в самый последний момент» [15].

Но до этого было еще сравнительно далеко, а в условиях европейского кризиса и надвигавшейся войны британский премьер перемежал тактику лавирования с выпадами против Гитлера и его политики территориальных захватов. Но эти выпады, не подкрепленные решительными действиями, не могли возыметь надлежащего эффекта, тем более что Чемберлен прибег и к увещеванию фюрера. 20 марта по его предложению в Рим

было отправлено письмо Муссолини, в котором было записано, что недавняя акция Германии против Чехословакии находится в противоречии с заверениями рейхсканцлера о стремлении к миру, и что, если странам будет навязываться сила, им придется прибегнуть к силе для защиты своих свобод. Выражалась также надежда, что дуче использует все свое влияние, дабы образумить Гитлера и восстановить мир и спокойствие в Европе. Однако итальянский диктатор готовил агрессию против Албании и меньше всего проявлял озабоченность в связи с нарушением мира и стабильности на континенте. В ответном письме Чемберлену от 1 апреля Муссолини со значением писал: «Я не считаю, что в состоянии взять инициативу на себя до тех пор, пока права Италии не будут признаны» [16].

Итак, ситуация для многих европейских стран складывалась тревожная. Гитлер не собирался останавливаться на достигнутом и расширял масштабы экспансии Германии: вслед за ультиматумом Польше в отношении Данцига последовала оккупация Клайпеды с прилегающей областью; правительству Литвы был навязан соответствующий договор. Оккупация усилила позиции рейха на Балтике и еще больше осложнила положение Польши. 23 марта Германия навязала Румынии экономическое соглашение, которое превращало эту страну в аграрно-сырьевой придаток германской военной экономики. По позициям Англии и Франции в Юго-Восточной Европе был нанесен еще один сильный удар.

Экспансия Германии поставила перед правительствами западных держав ряд сложных проблем. О возврате к политике умиротворения не было и речи, хотя Чемберлен и Даладье не исключали в принципе мирное урегулирование спорных вопросов, таких как данцигский. Возмущение общественности действиями Гитлера нарастало и, соответственно, усилилось требование оппозиции в Англии и во Франции создать большой антигерманский союз с участием в нем западных держав и СССР. Об этом, в частности, шел разговор на встрече Чемберлена с делегацией от Британского конгресса тред-юнионов и лейбористской партии 23 марта 1939 г. Заместитель лидера партии («теневой» канцлер казначейства) Х. Дальтон подчеркнул, что акция Гитлера по захвату Чехословакии чревата самыми

тяжелыми последствиями – войной. Он обвинил правительство в бездеятельности и призвал к принятию эффективных мер по предупреждению эскалации агрессии. Чемберлен заметил, что «предпочел бы не употреблять выражение «коллективная безопасность», которое вводит в заблуждение. Цель правительства заключается в том, чтобы изыскать средства для пресечения германской агрессии». Так как Румыния, на его взгляд, являлась ближайшим объектом экспансии рейха, важно было заручиться поддержкой Польши и, таким образом, создать для Германии угрозу войны на два фронта: на западе – против Англии и Франции, а на востоке – против Польши и Румынии. СССР исключался из предложенной схемы на том основании, что он не имеет общей границы с Германией и его подключение к антигерманскому блоку не допустят Польша и Румыния. Премьер-министр допускал возможность соглашения с СССР о поставках советских военных материалов Польше и Румынии при условии согласия правительств этих стран на их получение. Он подчеркнул, что Франция «полностью разделяет позицию Великобритании» [17]. Действительно, Франция послушно следовала указаниям из Лондона, ибо давно уже стратегически зависела от Англии. Эта зависимость еще больше усилилась после ликвидации Гитлером Чехословакии и распада Малой Антанты.

Западным державам в условиях европейского кризиса 1939 г. предстояло предпринять решительные меры по обеспечению собственной безопасности. Для Англии вырисовывалась перспектива укрепления армии, введения воинской повинности (на чем настаивал французский министр иностранных дел Ж. Бонне на переговорах в Лондоне 21–22 марта) и расширения английских обязательств в Европе. На лондонских переговорах была достигнута договоренность о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Голландию и Швейцарию. Были возобновлены и контакты между генеральными штабами Англии и Франции. Начатое таким образом согласование общей стратегии явилось практическим воплощением установки на образование антигерманской коалиции.

На переговорах затрагивался также вопрос о возможных союзниках Англии и Франции в Европе. Бонне сообщил своим

английским коллегам (Чемберлену и Галифаксу), что Бек подтвердил союзнические обязательства Польши перед Францией, а что касается России, то польский министр иностранных дел решительно против ее подключения к возможной антигитлеровской комбинации. Переговоры показали, что, с точки зрения англичан и французов, Польша выглядела более предпочтительно в качестве союзника, чем СССР [18].

Об отношении Чемберлена и членов его правительства к сотрудничеству с СССР можно судить по протоколу заседания кабинета от 27 марта 1939 г. Премьер-министр заявил: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии будут скорее всего обречены в случае привлечения к нему России». Он мотивировал это тем, что значительное число потенциальных союзников Великобритании настроено против участия СССР в антигерманском блоке; его образование укрепит Антикоминтерновский пакт, затруднит действия британской дипломатии по нормализации отношений с Италией и Японией и возбудит недовольство Испании, Португалии и ряда государств Латинской Америки.

Но отказ от ассоциации с Россией вызовет подозрения в лагере левых как в Англии, так и во Франции, хотя, с другой стороны, упор на такую ассоциацию «сведет на нет возможность образования мощного объединенного фронта против германской агрессии. В этих условиях мне представляется, что должен быть найден какой-то альтернативный курс; нам следует отказаться от «декларации четырех» и сосредоточиться на ... Румынии». Чемберлен предложил выяснить готовность Польши и Румынии к взаимному военному сотрудничеству и, если такая готовность будет продемонстрирована, подкрепить ее обещанием помощи со стороны Великобритании и Франции. Он откровенно заявил, что «этот план исключает Россию. Мы должны объяснить ей (России. – А. И.), что возражения на этот счет исходят не от нас, а от других, и предложить заключить секретное соглашение между Россией и Англией, по которому Россия... пришла бы на помощь Польше или Румынии в случае вовлечения этих стран в войну с Германией. Франко-советский пакт можно было бы использовать для реализации этой схемы». Лорд Галифакс поддержал премьер-министра: «Польша является более ценной величиной», чем

Россия. Он отметил, что французское правительство не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с СССР, но придает большое значение участию Польши в антигерманском блоке. В таком же духе высказался и министр по координации обороны лорд Чэтфилд: «С военной точки зрения Польша, вероятно, наилучший из потенциальных восточных союзников, а Россия может стать более серьезным сдерживающим фактором для Германии». Интересным представляется также замечание Галифакса, что «лейбористскую партию можно убедить в том, что исключение России (из антигерманского фронта. – А. И.) – это не наша вина» [19].

Осторожную позицию в данном вопросе занял министр внутренних дел С. Хор. «Исключение России, – заявил он, – будет расценено в кругах общественности как существенная неудача нашей политики». И далее: «Россия – непобедима, как показывает опыт, и она – хороший сдерживающий фактор» (для Германии. – А. И.). Хор предложил параллельно с сотрудничеством с Польшей установить контакты с СССР. Лорд Галифакс не отверг этого, но подчеркнул необходимость модифицировать франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 г., т.е. вычленив из него «некоторые стеснительные статьи». Кабинет одобрил линию Чемберлена – Галифакса на углубление сотрудничества с Польшей и Румынией и выработку вариантов по привлечению СССР для поддержки этих стран в случае германской агрессии [20]. 29 марта на заседании кабинета Галифакс подчеркнул, что желательно «получить от России как можно больше помощи. Главное - провести это, не потеряв поддержки Польши» [21]. Таким образом, английское правительство делало предпочтительную ставку на Польшу и рассматривало СССР как поставщика военных материалов для стран Восточной Европы, оказавшихся под прицелом нацистов.

В этой связи определенный интерес представляет оценка Красной Армии английским военным атташе в Берлине полковником Р. Файербрейсом (именно на нее сослался лорд Галифакс на заседании кабинета 27 марта). В меморандуме от 6 марта он записал, что СССР может мобилизовать в течение трех месяцев и выставить на свой западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерийских дивизий; на вооружении у него

находятся 9 000 танков и 4 000 – 5 000 самолетов (из них в западной части страны 3 300). Полковник отметил отрицательные последствия для Красной Армии репрессий среди ее командного состава, но все же признал, что армия «будет представлять серьезное препятствие для нападающей стороны. В наступательной войне она, возможно, сможет продвинуться на территорию Польши». Гораздо менее оптимистичной была оценка советских ВВС, которые «способны проводить лишь незначительные наступательные операции против Германии, если не будет обеспечена координация усилий с Польшей» [22].

В свете данного документа (а его основные положения разделялись начальниками штабов британских вооруженных сил) становится понятным скепсис руководителей Англии относительно оборонного потенциала СССР, подкрепленный к тому же политическими и идеологическими разногласиями между двумя странами.

Менее понятна завышенная оценка англичанами вооруженных сил Польши – 50 достаточно боеспособных дивизий [23]. Видимо, здесь сказался чрезмерный оптимизм Ю. Бека, который переоценивал польскую армию и недооценил реальность военной угрозы со стороны Германии. В Варшаве слишком понадеялись на германо-польскую декларацию 1934 г. о неприменении силы. К тому же (и этот фактор являлся решающим) армия Польши по технической оснащенности заметно уступала вермахту. Ее модернизация проведена не была. Пехота составляла 57%, а авиация и танковые войска соответственно 2,5% и 2,3% [24]. В этих условиях исключительное значение для Польши приобретал вопрос о надежных и сильных союзниках, способных прийти к ней на помощь в случае необходимости.

Одним из таких союзников могла стать Великобритания. Она не была заинтересована в укреплении Германии за счет Польши и Румынии и ставила вопрос о политическом союзе с этими странами. 30 марта 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета было принято решение о предоставлении гарантии Польше, а на следующий день Чемберлен обнародовал декларацию в палате общин. Вскоре примеру Великобритании последовала Франция.

Протокол заседания комитета позволяет дать оценку умонастроению членов английского кабинета. Так, высказывалась мысль о возможности проинформировать Германию заблаговременно о гарантии Польше. Члены комитета также считали возможным проинформировать о гарантии Муссолини в расчете на его посреднические усилия в урегулировании германо-польских отношений [25].

В зарубежной исторической литературе англо-французские гарантии зачастую изображаются в качестве «дипломатической революции», обозначившей поворот в политике западных держав от умиротворения агрессоров к противоборству с ними [26]. Однако при внимательном рассмотрении и сопоставлении с документами такая оценка представляется преувеличенной, хотя и не стоит отрицать того, что это был новый фактор в британской внешней политике. Английская (как и французская) декларация предусматривала поддержание независимости Польши, но не гарантии ее границ. Это давало возможность правительству Великобритании при необходимости ставить вопрос о ревизии польских границ в пользу Германии. Не случайно на заседании кабинета 19 марта при обсуждении «декларации четырех» Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Т. Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР [27].

На этом настаивала и британская оппозиция. Вечером 30 марта Чемберлен встретился с лидерами оппозиционной лейбористской партии А. Гринвудом, Х. Дальтоном и А. Александером. Они (особенно двое последних) поставили вопрос о необходимости привлечения к антигерманскому союзу СССР. Чемберлен ограничился замечанием, что контакт с советским правительством установлен через полпреда И.М. Майского, и что британскую декларацию одобрили правительства Франции и Польши [28]. На заседании кабинета 31 марта премьер-министр подчеркнул, что «содержание декларации необходимо немедленно передать Муссолини до того, как она попадет в прессу». Кабинет согласился с этим предложением [29].

О подлинном значении гарантий Польше и Румынии (последняя получила гарантию 13 апреля) свидетельствует

меморандум английских начальников штабов от 3 апреля 1939 г. В нем содержался детальный анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105 –110 дивизий, из которых 77 – 80 дивизий признавались пригодными для проведения операций на фронте. Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая 10-ти в Северной Африке и 4-х, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить в Европу в течение трех месяцев 2 дивизии.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотных, 3 кавалерийских дивизии и 3 горные бригады. Начальники штабов отметили, что «польская армия хорошо оснащена современным оружием, но у нее слабая артиллерия, а средства ПВО не отвечают современным требованиям». И далее: «Эффективность польской армии не такая высокая, как германской, но поляки будут стойко сражаться за свою территорию». Гораздо менее оптимистичной была оценка боеспособности румынской армии – «у Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением».

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и «польский коридор». Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши ... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР».

И все же авторы меморандума выражали уверенность в благоприятном для западных держав исходе эвентуального вооруженного конфликта с Германией, которой не под силу выдержать войну на два фронта. Такая перспектива

вырисовывалась в случае германского наступления на Запад. По их мнению, вермахт был не в состоянии преодолеть французскую оборонительную линию Мажино, поэтому Германия «скорее всего двинется через Голландию и Бельгию, а это будет иметь серьезные последствия» для Великобритании и Франции. К тому же оборонительная линия Зигфрида «уже достаточно прочная, и вопрос о быстром прорыве наших войск через нее отпадает». Ситуация осложнится с подключением Италии: она «сдержит французские дивизии на границе и в Тунисе и будет угрожать коммуникациям Франции в Северной Африке». В этой связи важно было заручиться поддержкой Турции и начать штабные переговоры с Польшей и Румынией [30]. Что касается сотрудничества с СССР, то оно мыслилось не в рамках двусторонних обязательств, а как подключение Советского Союза в качестве поставщика военных материалов для Польши и Румынии. Таким образом, англо-французские гарантии не имели реального содержания. Они предназначались для успокоения общественности и должны были служить средством сдерживания Германии. Однако подобного рода комбинации, не подкрепленные соответствующими военными конвенциями, не остановили бы Гитлера, который твердо вознамерился напасть на Польшу при первой подходящей возможности. 3 апреля 1939 г. фюрер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу, а 11 апреля он подписал план «Вайс» – план военного разгрома Польши.

В те дни в Лондон все чаще поступала информация, в том числе от секретных источников, что Гитлер поменял направление будущей агрессии – Румыния уступила свое место Польше. Так, 8 апреля из английского посольства в Берлине (от военного атташе) сообщили, что в германском генеральном штабе идет интенсивная работа по подготовке военной кампании против Польши – «человек, посетивший генштаб, обратил внимание, что все стены и столы покрыты картами исключительно Польши» [31]. За день до этого из Парижа поступило сообщение, что руководитель французской контрразведки (2-е бюро) полковник М. Гоше считает, что в ближайшие дни возможно нападение Германии на Польшу [32].

Что касается Польши, то ее позицию проясняет содержание англо-польских переговоров (с участием Н. Чемберлена, лорда Галифакса и Ю. Бека), которые проходили в Лондоне с 4 по 6 апреля 1939 г. Обсуждались вопросы взаимного сотрудничества, привлечения СССР к антигеманскому фронту, а также позиция Польши в случае наступления Германии на Запад. Польский министр иностранных дел подчеркнул: его правительство готово улучшить отношения с Советской Россией, но не расширять их, поскольку любой пакт о взаимопомощи с ней вызовет немедленную враждебную реакцию Гитлера и спровоцирует конфликт. Он отметил, что Польша полагается в первую очередь на свои вооруженные силы, а также на поддержку Великобритании и Франции. Данцигскую проблему, по его словам, польское правительство намеревалось решить путем переговоров с Германией и заключения соглашения, которое обеспечивало бы права местного населения и Польши в Данциге.

Итогом переговоров Бека в Лондоне стало коммюнике от 6 апреля, содержащее обязательства взаимных гарантий и обещание заключить впоследствии постоянное соглашение. Стороны пришли к согласию, что достигнутая договоренность «не помешает ни одному из правительств заключать соглашения с другими странами в общих интересах укрепления мира» [33].

Однако коммюнике носило общий характер и не способствовало укреплению безопасности Польши. Польша в силу разных причин оказалась в очень сложном положении. Заигрывание с Гитлером не принесло ей дивидендов, а расчеты на то, что проблему Данцига удастся разрешить полюбовно, имели под собой зыбкую основу. Односторонняя ориентация правительства Польши на Великобританию и Францию в свете мюнхенской капитуляции Чемберлена и Даладье вызывала большие сомнения и даже отторжение у части польской общественности. О сотрудничестве с СССР поляки предпочитали не говорить, хотя оно в силу геополитических причин и серьезного отставания польских вооруженных сил от вермахта представлялось для Польши жизненно важным. К тому же в польском правительстве наметился раскол по вопросу о Данциге и способах разрешения данного вопроса. Вот что сообщил временный поверенный в делах СССР в Польше П.П. Листопад

наркому М.М. Литвинову 27 марта 1939 г.: «Обстановка в Польше по-прежнему остается напряженной. Обострение внутри правительства увеличилось особенно за последние дни, т.е. после предъявленного Польше Германией ультиматума о Данциге. Во время обсуждения в правительстве германских требований... Бек, продолжая политику уступок Германии, настаивал сделать уступки в вопросе о Данциге». Листопад отметил, что в Польше доминируют «сильные антигерманские настроения» [34]. О состоянии советско-польских отношений свидетельствует содержание беседы наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова с польским послом В. Гжибовским 2 апреля 1939 г. По поручению Ю. Бека посол сделал заявление: «Польша ... удовлетворена положительным развитием отношений с СССР. Однако Польша сохраняет отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии». На это нарком заметил, что речь не идет о возможной комбинации против германских интересов, а «о комбинации для борьбы с агрессией Германии, и это совсем другое дело» [35].

И еще один нюанс. Позицию Польши проясняет донесение английского посла в Варшаве Г. Кеннарда в Лондон от 19 апреля 1939 г.: «Одна из причин негативного отношения Польши к сотрудничеству с СССР – опасения, что как только СССР станет полноправным участником коалиции с Англией и Францией (антигерманской – А.И.), ценность и важность Польши может уменьшиться в наших глазах» [36]. В тот же день на заседании кабинета лорд Галифакс подытожил итоги визита Бека в Лондон: «Польское правительство заверило нас, что окажет помощь Англии в случае вовлечения ее в войну с Германией... Бек вряд ли согласится оказать помощь Румынии в случае нападения Германии», тогда как «Советский Союз готов прийти на помощь Румынии» [37].

Великобритания и Франция предоставили также гарантии Греции и Турции, но и они не несли особой смысловой нагрузки и предназначались в основном для сдерживания агрессоров – Гитлера и Муссолини. Начавшиеся вскоре англо-франко-советские переговоры не принесли ожидаемого результата антигерманский союз не был создан, что позволило Третьему рейху развязать Вторую мировую войну.

Примечания

1. PublicRecordOffice ((PRO – Государственный архив Великобритании). – FO 371/22961. – P. 234.
2. *Le Goyet P.* 15 mars 1939. Le Premier “coup de Prague”. – P.,1989. – P. 56.
3. PRO. – FO 371/22958. – P. 228.
4. PRO. – FO 371/22966. – P.124.
5. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф.0122. – Оп. 23. – Д. –7. – П.183. – Л.25.
6. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. – М., 1971. – С.243.
7. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. – М., 2014. – С.251.
8. PRO. – FO 371/22968. – P.24, 54.
9. *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. – М., 1993. – С.153–154.
10. Там же. – С.154.
11. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. – С.268; *Парсаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. – 1989. – №5. – С.14.
12. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. – С.258.
13. Там же. – С.259.
14. PRO. – FO 371/22964. – P. 328–329.
15. PRO. – FO 371/ 22965. – P. 196–197.
16. PRO. – FO 371/ 22967. – P.211, 221–222, 227.
17. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. – С. 257–258.
18. Documents on British Foreign Policy 1919–1939 (DBFP). – Third Ser. – L., 1951. – Vol. IV. – P. 423, 426, 427 ,458-459,460. 19. PRO. FO 371/ 22968.P. 237.
20. Ibid. – P.237–238.
21. Ibid. – P. 251.
22. DBFP. – Third Ser. – Vol. IV. – P.194–197.
23. PRO. – FO 371/ 22968. – P. 238.
24. *Парсаданова В.С.* Указ.соч. – С.15.
25. PRO. – 371/22968. – P. 259–260.
26. The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement /Ed. by W.J. Mommsen and L. Kettenacker.– L., 1983. – P. 27, 87, 158, 204, 251; *Douglas R.* World Crisis and British Decline 1929–56. – L., 1986. – P.88, 261.
27. *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. – С.160.
28. PRO. – FO 371/ 22968. – P. 58.
29. Ibid. – P.63–64.
30. PRO. – FO 371/ 22969. – P. 174.

31. PRO. – 371/22968. – P.128.
32. PRO. – 371/22969. –P.157.
33. DBFP. – ThirdSer. – L., 1952.– Vol. Y. P.6,7,10,15,17; Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. – М., 1981. – Т.2. – С.65.
34. АВП РФ. – Ф.0122. – Оп.23. – Д.3. – П.183. – Л.6–8.
35. АВП РФ. – Ф.0122. – Оп.23. – Д.6. – П.183. – Л.36–38.
36. PRO. – FO 371/23064. – P.16.
37. Ibid. – P.42.

С.И. Анчев (Республика Болгария, г. Велико Тырново)

БАЛКАНСКИЕ, СЛАВЯНСКИЕ И ПРАВОСЛАВНЫЕ СТРАНЫ В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДАВ КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Среди народов, живущих на Балканском полуострове, консолидированных в своих государствах, православие всегда было частью их национальной принадлежности. Оно присутствует в их конституциях и в законодательстве в целом. В конце XX века, несмотря на существующий атеизм в некоторых балканских государствах (например, в Болгарии), православие превратилось в основной фактор отстаивания национальных интересов народа, нации и государства в его границах. Этот фактор очень важный, его часто используют в конце XX и начале XXI веков западные враги православия. В их пропаганде, с помощью которой они оправдывают антигуманные и незаконные действия (с точки зрения существующего международного права), православие рассматривается как отрицательная черта, стоящая в одном ряду с партийной идеологией и славянской принадлежностью.

В XIX в. православная сущность и славянская принадлежность балканских народов, находившихся в составе Османской империи, воспринимались как очевидность. Она находила опору в надежде на Россию и ее политику на полуострове. В том столетии не было ни одного балканского народа, который не восстановил бы свою государственность с

помощью большого славянского государства, что и было частью его балканской политики.

В последнее время делаются попытки отказа от славянской принадлежности балканских народов. Такое в Болгарии вовсе не является прецедентом, имея в виду то обстоятельство, что во время Первой мировой войны официально говорилось о гуннском происхождении нашего народа, чтобы мы отличались от России, с которой вели войну. Во времена социализма славянский фактор снова вернулся. После наложенных демократических изменений (во время разных прозападных режимов, управлявших государством), определенные силы раздували в Болгарии русофобию, что привело к появлению ряда «теорий», отрицающих нашу славянскую принадлежность. Наиболее распространенными были идеи о том, что мы тюрки или киммерийцы. У каждой идеи были свои защитники, оруduющие соответствующими инструментами. Возможно, что какая-то доза истины в этих аргументах есть. Но все дело в том, что параллельно наблюдались русофобская истерия и желание понравиться Западу с помощью «доказательств» того, что у нас нет ничего общего с Россией и с балканскими славянскими государствами. Это показало, что все эти теории есть политический заказ.

После Второй мировой войны славянская идея становится основной частью политики И.В. Сталина по отношению к той части балканских государств, которые находились под влиянием СССР. Советский лидер связывал славянскую идею с послевоенным противопоставлением возможному германскому реваншизму. В разговорах со своими славянскими собеседниками он заводил речь о «новом славянофильстве». Во время встречи с болгарской и югославской делегациями 28 января 1945 г. он дал высокую оценку «перспективам оборонительного союза славянских народов», разделяя «старое» (существовавшее в царской России) славянофильство, от «нового» (появившегося в СССР) [1]. Позднее, в апреле того же года, во время встречи с югославской делегацией И.В. Сталин говорил И.Б. Тито о том, насколько опасно для мира быстрое (как он считал, за 12–15 лет) восстановление Германии, и как это обстоятельство требует появления славянского единства в кратчайшие сроки. Оно могло

бы противопоставить себя германской агрессии и превратиться в основу мира в Европе [2].

Эта его идея сводилась к тому, что все балканские народы (без греков и турок, которые уже находились в сфере американских и британских интересов) являются славянами. В разговоре с представителями Югославского комитета освобождения Югославии в начале января 1945 г. он «допустил», что и албанцы тоже имеют славянское происхождение. Явно будучи информированным о том, что пришло в голову Сталину, в апреле того же года один из лидеров Национал-царанистской партии Румынии Н. Лупу создавал свою теорию по этому вопросу, признавая румын народом, «родственным славянам» [3]. Одним словом, мы все на Балканах стали славянами, тогда же идея советского лидера о «новом славянофильстве» воспринималась как вполне приемлемая.

Эта идея И.В. Сталина вполне увязывалась с его же планами по созданию цепи федеративно связанных государств под сильным влиянием Москвы. Вполне очевидна связь между СССР в качестве модели государственного функционирования и государствами Восточной Европы, находившимися вне американско-английской зоны. Для советского премьер-министра будущие взаимоотношения государств «народной демократии» не основывались бы на двухсторонних договорах. Они представляли бы собой федерации определенных им же групп государств. Самая балканская из них была бы тройка Югославия-Болгария-Албания. Следующими в этой схеме были Румыния и Венгрия, а также Польша и Чехословакия. Таким образом, более 70 лет тому назад появился политический элемент защиты и расширения государственных образований на большей части Балкан, который базировался на идее их народной славянской сущности.

В XIX в., когда создавались нации, религия была в основе процесса «народ-нация». Во времена турецкого рабства (с различными последствиями для каждого балканского народа, в зависимости от территориального расположения внутри самой империи) православие было той духовной и народной защитой, которая сохраняла народность от ассимиляции. Религия была в основе консолидации в процессе создания нации. Славянская же

принадлежность была связана с народной и национальной принадлежностью. Она была ее частью как объединяющий балканский фактор и нашла свое выражение во внешнеполитической ориентации на Россию. Эта ориентация во многих случаях сопровождалась пристрастностью. Эти основные компоненты не только сформировали (но и стали чем-то вроде аргумента) сущность и существование каждой балканской нации – ее государственность, суверенитет, общественное единство, культуру, народную и национальную память, основу будущего существования и развития. В конце XIX в., наблюдая процессы в Сербии и Болгарии, русские русофилы весьма ревниво относились к внешней политике по отношению к этим двум балканским государствам. И.С. Аксаков и Ф.М. Достоевский сделали свои заключения, которые и сегодня, спустя более чем 100 лет, весьма актуальны. Отрицая стремление России к политическому доминированию в славянском мире, И.С. Аксаков болезненно воспринимал выход славянских государств, обретших независимость благодаря России, из-под ее влияния и ориентацию их на Запад. Он неоднократно упрекал политическую элиту Сербии и Болгарии в том, что, установив союзнические отношения с западными странами, они предают не Россию, но славянскую идею, будущее славянского мира: «Пусть наши братья болгары и сербы спросят себя: хотят ли они продать это свое мировое призвание, свое сослужение во вселенско-историческом подвиге России – за блюдо чечевицы, предлагаемой им Западной Европой в виде "европейской цивилизации" и "европейского прогресса"» [4]. И сегодня существуют подобные высказывания как в российском медиапространстве, так и в высказываниях на различных научных форумах, на которых я присутствовал. По моему мнению, подобная позиция сегодня является скорее результатом обиды великой славянской страны, а не трезвой оценкой политической обстановки. Существует неоправданное смешение между политикой правительства и национальной позицией народа, основанной на исторической памяти.

В конце XX в., после распада Восточного блока государства победившего Запада активизируют процессы, которые ведут к уничтожению этих национальных устоев. Под маской широко

пропагандируемого тезиса о разрушении тоталитарной системы начинается разрушение государственности, единство православной церкви поставлено под сомнение, умышленно привносится смут в ощущение народной принадлежности, инспирируется религиозное и народное противопоставление, которое создает проблемы для нации. Внутреннее противопоставление в отдельных балканских государствах на религиозной и народной основе является частью политического процесса, связанного с уничтожением существующей до 1989 г. государственности. Это относится и к государствам социалистической общности. Тот же антагонизм (с его отличительными чертами) существует в Греции и Турции, причем там он появился раньше. Мы не будем останавливаться подробно на всех балканских государствах, потому что это не уместится по объему в одну статью. Мы обратим наше внимание на процессы, связанные с распадом второй и третьей Югославии. В определенной степени эти процессы продолжаются и сегодня.

Социалистическая федеративная республика Югославия (СФРЮ) представляла собой федерацию, объединяющую много различных народностей, живущих в 6 союзных республиках, в которых исповедовали три основные религии. Наследником СФРЮ с 27 апреля 1992 г. является Союзная республика Югославия (СРЮ).

США и их западные союзники создавали и дирижировали процессами разложения государственности на Балканах в период между 1989 и 2008 гг., что привело к развалу уже существовавшего длительное время балканского политического баланса. На месте 6 государств в регионе появились еще столько же новых, а их количество возросло до 12. После гражданской войны в Югославии появились государства-протектораты, которые не имеют реального политического веса, но которые могут послужить „взрывателем“ балканского конфликта. Эти маленькие государства, в силу своей национальной и религиозной взаимозависимости от других, начинают одновременно ангажировать некоторые традиционные балканские государства своими проблемами. Республика Сербская ближе всего к Сербии, но она может вызвать конфликт, в который могут ввязаться еще Босния и Герцеговина и

Хорватия. Македония может взорвать балканский мир, если она вовлечет в венные действия Болгарию, Сербию, Албанию, Грецию и Турцию. Северный Кипр снова может стать поводом для войны между Грецией и Турцией. Если произойдет эскалация напряженности в Республике Косово, то это может привести к конфликту с участием Сербии, Албании, НАТО, а, может быть, и России. Возможно усиление напряженности в Молдавии (Молдове). Его эскалация может привести к столкновению с участием Румынии, Украины и России. Сейчас, так же как после Берлинского конгресса (1878 г.), западные великие силы «зарядили» пороховой погреб на Балканах, который в любой момент может взорваться в зависимости от интересов США и Запада в целом.

В силу исторических причин не только в Югославии, но и в других балканских государствах проживает многонациональное население, исповедующее разные религии. В период социализма и в Болгарии, и в Югославии все части нации были лояльными. Они сохраняли свои религиозные обряды и народные обычаи, что не противоречило национальному единству. Политический, экономический и социальный распад Восточного блока сопровождался созданием антагонизма через эскалацию национализма, что было реализовано с помощью антигосударственных действий. Поскольку эти действия не были спонтанными и не имели внутренней причины, вмешательство США и их западных союзников очевидно

В середине 80-х годов в Болгарии была создана организация «Турецкое национально-освободительное движение в Болгарии» (ТНОДБ), которое распространило декларацию «Турецкой национальной партии» от 15.VIII.1985 г. Из ее содержания становится ясно, что страна была разделена на три области для проведения нелегальной борьбы: *Румелия* (Кырджали, Бургас, Хасково, Сливен, Пловдив), *Лудогорие* (Разград, Русе, Шумен, Тырговиште, Плевен), *Добруджа* (Варна, Толбухин, Силистра). В качестве конечной цели ТНОДБ определило „переселение в Турцию“. Рассматривались также и формы религиозной, политической и экономической борьбы [5]. Это вовсе не было чем-то новым по отношению к вмешательству Турции во внутренние дела Болгарии. Еще в 30-е годы страна была

разделена на пять оперативных зон: Бургаскую, Кырджалийскую, Пловдивскую, Шуменскую и Плевенскую. В каждую из них были посланы специальные агитаторы, которые поощряли переселение в Турцию, а среди тех, кто оставался, распространялись португальские настроения. В начале января 1990 г. было создано „Движение за права и свободы“ (ДПС), которое вскоре трансформировалось в политическую партию. В первые же годы его существования проявилась его антиболгарская сущность. В начале 90-х годов в Софии и в других городах страны появились надписи «ДПС победит Болгарию» и «Гяуры, вам хватит 113 лет! ДПС». На одной из школьных парт в кабинете по истории в школе им. Кирилла и Мефодия в городе Якоруда неизвестный «патриот» написал: «Отдам кровь за Турцию» и «Никогда Болгария». А ученик VI класса заявил: «Здесь все было турецкое и снова будет турецкое». 31 марта 1991 г. на митинге в Асеновграде, который проходил под лозунгом «Демократия, права человека и свободы», Мехмед Карагезов и Орхан Мемишев часть своих речей произнесли на турецком языке. Это показала программа «ТВ око» 31 марта 1991 г. по Болгарскому национальному телевидению. 19 мая 1991 г. во время пятичасового митинга ДПС в городе Шумен половина депутатов этого движения произносила воинственные речи на турецком языке. На вопрос лидера Ахмеда Догана к собравшимся «Вы позволите запретить ДПС?» толпа закричала: «Смерть Болгарии!» [6].

Пока такие процессы происходили в Болгарии, в Южной Сербии, в области Косово и Метохия, разыгрывались события, которые имели разновекторный характер. Согласно политической платформы «Марксистов-ленинцев Косово» от 1985 г. «ближайшая цель – это освобождение всего албанского народа, который живет в поработанном Косове» [7]. В меморандуме Сербской Академии наук и искусств (СНИ) от 1986 г. в части, где говорится о Косово, есть предупреждение об опасности эскалации албанского национализма, который способен взорвать Балканы [8]. 2 июля 1990 г., в тот же день, когда Словения приняла Декларацию о государственном суверенитете Республики Словения, албанские делегаты Скупщины Косова проголосовали за «Конституционную декларацию», которая

провозглашала край республикой. В ответ Скупщина Сербии распустила Скупщину Косова, обосновывая это решение царившими в крае беззаконием и нарушением порядка. Тогда 7 сентября делегаты распущенной Скупщины в обстановке полной секретности приняли новую Конституцию края, вновь провозгласившую Косово республикой. Этот акт был расценен в Сербии как антиконституционный и подрывающий ее территориальную целостность [9]. В крае развернулась кампания гражданского неповиновения и началась массовая бессрочная забастовка. Распущенный парламент на тайном заседании решил создавать «параллельные структуры власти» – подпольные парламент и правительство. Албанские учителя отказались следовать новой школьной программе и выразили желание учить детей по албанским программам и на албанском языке. В ответ власти отказались финансировать албаноязычное обучение. Тогда албанские дети перестали ходить в государственные школы, а занятия проводились в других местах [10]. Аргументом для этих политических процессов в Косово стало преобладание албанского населения в крае. Не только высокая рождаемость привела к такому дисбалансу, но и изгнание сербского населения из их домов как результат бытового преследования. Об этом свидетельствует иеромонах Атанасий в своей книге «Страдания сербов в Косово и Метохии с 1941 по 1990 гг.» [11]. До 1989 г. на Балканах отсутствовал такой фактор как радикальный ислам, противопоставляющий себя православию. Он установился там снова в результате западной политики, которая выражалась или в умышленных действиях, или в демонстративном безразличии. Сегодня радикальные исламисты прибывают в Македонию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и Сербию в основном из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива, откуда осуществляется и финансирование телеканала «Peace TV». Эту его деятельность координирует в Косово местный «Центр исламских исследований» – некая таинственная организация, не имеющая представительств в «реале» и существующая как бы только в Интернете и на телеэкранах. Мраком тайны покрыты и источники финансирования Центра. Не только в Косово, но в Боснии и Герцеговине ширится и крепнет радикальный исламизм. В Косово, после войны появились новые течения из

исламского мира – из Саудовской Аравии и Ирана. Ислам перестал быть умеренным и стал радикальным. В районах БиГ, где доминируют мусульмане, христианскому меньшинству жить нелегко. Люди там боятся показывать принадлежность к христианской культуре[12].

Во время войны против СРЮ мы наблюдали столкновение между православием и исламом (имеются в виду события в Боснии и Герцеговине), западная пропаганда вообще противопоставила православия ислам. Следует иметь в виду, что на Балканах, особенно это относится к Югославии, религия неразрывно связана с народной принадлежностью. Во время гражданской войны Запад заступился за хорватов-католиков и был против сербов – православных христиан. Он поддержал и мусульман в Боснии и Герцеговине в их действиях как против мирных, так и против воюющих сербов. Наемники в паравоенных формированиях, которые вели боевые действия против сербов, были или мусульмане, или католики.

После Второй мировой войны Св. Престол стремился консолидировать католическую Европу в противовес коммунистической системе, путем объединения стран-агрессоров с другими европейскими государствами вразличного рода союзах. Не случайно договор о европейском экономическом союзе был подписан в Риме 25 марта 1957 г. при благословении папы Пия XII. Основным направлением политики Иоанна Павла II, избранного в 1978 г., стало расширение дипломатических и политических связей Ватикана с США [13].

После смерти И.Б. Тито Ватикан одним из первых в 1980-е годы выступил за раздел Югославии и выход из нее католических республик – когда еще даже правительство США и видные представители Трехсторонней комиссии выступали против этого. А уже в 1992 году в Ватикане сверстаны конкретные планы создания на развалинах Югославии «великой католической Хорватии». В самой Хорватии, как выясняется, процесс окатоличивания оставшихся там сербов в 1990-е годы не прекращался ни на один день. В результате прямого запугивания сербского населения 30 тыс. сербов, в том числе 10 тыс. детей, были перекрещены в католичество[14].

В католической Польше, Венгрии, Словении и Хорватии католические организации оказали решающее влияние на события 1990–1991 гг. С первых дней начала кризиса в Югославии Св. Престол был вовлечен в общественно-политические процессы на ее территории. Президент Хорватии Франьо Туджман и Словенский президент Милан Кучан установили тесные и постоянные контакты со Св. Престолом, одновременно ватиканская пресса обеспечивала широкую информационную поддержку процессу отделения Словении и Хорватии от Югославии. 21 апреля 1991 г. Папа Иоанн Павел II выступил с речью, в которой заявил о необходимости политических изменений в Югославии. В сентябре 1991 г. кардинал Кухарич обвинил в Сербию в агрессии, направленной на расширение собственной территории. В конце 1991 г. католическая церковь приступила к мобилизации своих информационных ресурсов. 18 мая 1992 г. на совещании Бильдербергской группы Папа Иоанн Павел II подтвердил право международного сообщества на интервенцию во имя защиты «прав человека». В Меморандуме Св. Престола, адресованном Европейскому Союзу по поводу ситуации в Боснии и Герцеговине (15 апреля 1992 г.), Ватикан потребовал организации отпора «интервенции вооруженных банд Югославской федеральной армии». 6 декабря 1994 г. на встрече глав государств и правительств-членов СБСЕ в Будапеште кардинал Содано требовал от международного сообщества установления более четких критериев понятий «жертва» и «агрессор», подразумевая под последними сербов [15]. Кроме ислама сегодня в Косово все больше утверждается роль католической церкви. Эта активность западной христианской церкви осуществляется на фоне разрушения памятников православного христианства. Более того, представители Ватикана защищают и направляют этот процесс, используя албанских мусульман. Сегодня Косово как православная историческая колыбель сербского народа фактически существует только в памяти сербов. С 1999 года, когда в край были введены международные силы ООН, разрушены сотни исторических памятников, православных храмов и монастырей. Большинство из утраченных безвозвратно памятников являлись наследием

архитектуры и искусства X–XIII веков, пережившим 500-летнее турецкое иго. Поруганные православные святыни косовские власти восстанавливать не собираются [16].

Интерес Рима к Балканам и к Восточной Европе является традиционным. Католическая экспансия на Восток начиналась еще в эпоху средневековья. В своей сущности она совпадает с интересами США в войне за ресурсы, в войне против России. Политика Ватикана на Балканах – это хорошая возможность демонстрации «западных цивилизационных ценностей», а также демонстрации лояльности к не очень-то католическим США. Для балканских православных и славянских народов, как и в XIX в., осталась надежда.

Примечания

1. *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949 г. – София. 1997. – С. 464
2. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 31.
3. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. – Т. I. 1944–1948. – Москва-Новосибирск, 1997. – С. 132, 207.
4. *Кудряшев В.Н.* Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364. – С. 65.
5. *Гочева, П.* ДПС в сянка и на светлина. – С., 1991. – С. 12
6. Зора. – Бр. 22. – София 1991. – 4 юни.
7. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. – Т. 1. (1878–1997 г.). – М. 2006. – С. 191.
8. Там же. – С. 192–194.
9. Там же. – С. 848.
10. Там же.
11. *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији од 1941 до 1990. Приштина, 1990. – С. 199.
12. *Чувакин О.* Балканы как анклав мирового религиозного экстремизма // <https://topwar.ru/20194-balkanskiy-islamizm-v-nogu-sovremenem.html>
13. *Филимонова А.* Роль Ватикана в общественно-политических процессах на постъюгославском пространстве 1991–2000 гг. // <http://www.pravoslavie.ru/5638.html> от 6 ноября 2006 г.
14. *Рябов М.* Косово – плацдарм Ватикана перед наступлением на Россию // <http://mognovse.ru/fom-kosovo-placdam-vatikana-pered-nastupleniem-na-rossiyu.html> от 20.05.2008 г.

15. Филимонова А. Указ.соч.

16. Рябов М. Указ.соч.

А.В. Баранов(Российская Федерация, г. Краснодар)

БОЛГАРСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПАРТИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ БОЛГАРИИ

Тема статьи актуальна, поскольку Болгария является важным для Российской Федерации сегментом геополитического и экономического пространства Черноморского международного региона. Традиционные для народов наших стран отношения дружбы и взаимопонимания постоянно должны подпитываться, строиться не только мерами государственной внешней политики, но и усилиями институтов гражданского общества. Если же такое воспроизводство отношений происходит слабо, то идеологический «вакуум» занимают совершенно иные ценности и ориентации. За общественное мнение болгарского общества продолжается сложная и неравная борьба между преобладающими сторонниками «евроатлантической», прозападной ориентации и «русофилами». Она, увы, слабо изучена в исторической и политической науке России.

Среди исследований партийной системы Болгарии, внешнеполитических программ и действий болгарских партий можно отметить работы Н.В. Бондарева [1], Г. Карасимеонова [2], Г. Коларова [3], Я.А. Колесник [4], Н.А. Подчасова [5]. Вместе с тем, внимание аналитиков сосредоточено на межгосударственных отношениях РФ и Болгарии [6]. Преобладают публицистические статьи в жанре текущей аналитики, новейшие этапы развития болгарских партий еще не нашли отражения в академической науке.

Цель статьи – выяснить сходства и различия позиций политических партий Болгарии по вопросам болгарско-российских отношений в 2008–2018 гг. Хронологические рамки выбраны на основе факторов восприятия болгарско-российских

отношений: мирового экономического кризиса и усиления РФ в Черноморском регионе.

Источниковая основа статьи включает в себя документы болгарских партий, тексты выступлений влиятельных болгарских политиков, результаты социологических опросов и выборов.

Прежде всего, следует учитывать слабость Болгарии в рамках НАТО и Европейского Союза, несамостоятельность страны в принятии внешнеполитических и внутренних решений. В сравнении стран ЕС Болгария занимает 28-е, последнее место по ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США, 2018 г.), отставая немного и от России – 23154 долл. против 28957 [7]. Мировой экономический кризис 2008–2011 гг. усугубился для Болгарии, как и для других балканских стран, новой проблемой – приёмом беженцев из стран Ближнего Востока. Прозападный премьер-министр Болгарии Б. Борисов признавал в 2014 г., что санкции ЕС против РФ оказали на Болгарию гораздо худшее воздействие, чем на Россию [8]. Под давлением НАТО и ЕС Болгария отказалась от транзита через свою территорию газопровода «Южный поток». На территории Болгарии размещены военные базы НАТО, регулярно проводятся военные манёвры.

Другой важный фактор позиционирования партий Болгарии в отношении России – установки общественного мнения, и их приходится учитывать. Социологическое исследование 2015 г. показало, что 76–82% болгар проявляют симпатию к России в той или иной степени решительности [9]. При этом болгарское общество испытывает слабое доверие к установленным в 1990 г. демократическим институтам. По данным Института сравнительных социальных исследований «CESSI», в 2008 г. доверие парламенту своей страны испытывали 10% респондентов в Болгарии (34% в среднем по ЕС), политическим партиям – 4% болгар и 21% всех европейцев, политикам – 3% болгар и 21% всех европейцев [10]. В стране сложился устойчивый раскол между прозападными элитами (политическими, экономическими, интеллектуальными) и народными массами.

Партийная система Болгарии, несмотря на 29 лет демократического транзита, остаётся неустойчивой и фрагментированной, не сложились сильные партии, способные

обеспечить общенациональный консенсус. Этому институциональному формату, бесспорно, способствует выбор формы государственного правления – смешанной президентско-парламентской республики. В ней полномочия Президента Болгарии, избираемого всеобщим тайным голосованием, значительно ограничены однопалатным Народным собранием. Эффективное число политических партий Болгарии по формуле Лааксо–Таагеперы составляет к 2014 г. 4,88, а эффективное число парламентских партий (преодолевших заградительный барьер 4%) – 3,57. Это индекс соответствует системе высокого партийного плюрализма. Как установил Ю.О. Гайворонский, фрагментация партийной системы Болгарии возрастает, чем она отличается в худшую сторону от стран Западных Балкан и Македонии. Электоральная волатильность (по индексу Педерсена) составила в 2010–2013 гг. 40,75 баллов из 100 [11]. В такой ситуации размежевание «социализм/либерализм» отходит на второй план, дополняясь размежеваниями «западники/русофилы», сторонники мультикультурализма/болгарские этнонационалисты и др. Причины данного процесса – неудовлетворённость запроса граждан на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику Болгарии, для многих предполагающую партнёрство с Россией.

Последние президентские выборы (ноябрь 2016 г.) привели к победе генерала в отставке Р. Радева, косвенно поддержанного Болгарской социалистической партией и другими левоцентристскими силами, но не пользующегося прочной поддержкой руководства БСП и не имеющего собственной партийной структуры. Во втором туре голосования Р. Радева поддержали 59,35% избирателей, а кандидата правой партии ГЕРБ («Граждане за европейское развитие Болгарии») Ц. Цачеву – 36,17%. Характерно, что предыдущий президент страны Р. Плевнелиев заявил, что Россия пытается дестабилизировать Европу. По его словам, у Москвы есть множество методов подрыва единства Евросоюза – от «пропаганды до финансирования крайне левых и ультраправых сил, которые враждебно относятся к евроинтеграции» [12].

Впрочем, на внеочередных парламентских выборах (март 2017 г.) прозападные партии взяли реванш и сформировали

правительство. Партия «ГЕРБ» набрала 32,66% голосов, БСП – 27,19%, коалиция «Объединенные патриоты» с участием правоконсервативной, пророссийской партии «Атака» – 9,07%, «Движение за права и свободы» (ДПС) – партия мусульман 8,99% голосов, партия «Воля» бизнесмена В. Марешки – 4,15% голосов [13]. Поэтому президент Р. Радев скован в своих решениях не только нормами законодательства, но и соотношением сил в Национальном собрании.

Сравним разделы партийных программ и предвыборных заявлений, в которых определено восприятие партиями болгарско-российских отношений. БСП (лидер – К. Нинова) продолжает переживать организационный и идеологический кризис, совмещая осторожные пророссийские декларации перед выборами с реальной прозападной политикой. Так, БСП поддерживает участие Болгарии в НАТО и ЕС, а также либеральную миграционную политику, критикуя только экономические потери страны от антироссийских санкций [14; 15]. Сходные, только более этатистские, позиции занимает отколовшаяся от БСП в 2014 г. партия АБВ – «Альтернатива – болгарское возрождение» во главе с Г. Пырвановым.

Ведущая прозападная, либеральная партия «ГЕРБ» увязывает в своей программе 2017 г. развитие отношений с РФ с «принципами единой политики стран-членов ЕС и НАТО»; контакты с РФ в сфере безопасности, по мнению «ГЕРБ», ограничены для Болгарии решениями глав МИД стран НАТО и зависят от урегулирования Украинского кризиса [16].

Единственной парламентской партией Болгарии, готовой относительно последовательно сотрудничать с Россией, является правоконсервативная и антимигрантская партия «Атака» (существует с 2004 г., лидер В. Сидеров). Она видит отношения с Россией на основе общности славянского происхождения, православной веры и традиционных ценностей, а не ретроспекций социализма (как БСП и АБВ).

В. Сидеров резко критикует внешнюю политику США и НАТО в целом: «в 2003 г. на Ирак напали Соединенные Штаты с ложью, что там – оружие массового уничтожения. Ирак теперь является гнездом исламизма. Это была страна, в которой был порядок, стандарты, а совсем не было гнезда исламизма. Всё это –

жестокое вмешательство в основном из Соединенных Штатов..., следует упомянуть деятельность США и негативное влияние США на внешнюю политику». Партия «АТАКА» поддерживает стремление РФ использовать болгарский маршрут газопровода, ведущего в страны Западной Европы, стремясь выглядеть в общественном мнении Болгарии прагматичной силой [17]. Основным оппонентом Сидерова выступает в этом аспекте партия «ГЕРБ», но и БСП воспринимается в качестве последовательного противника, который размывает православную и консервативную идентичность общества. Россия же выглядит в документах «АТАКИ» противовесом двум угрозам для Болгарии: глобализации и исламскому экстремизму.

Противоположные конфессиональные, но сходные политические взгляды выражает партия болгарских мусульман – «Движение за права и свободы». Будучи зависимой от турецкого финансирования, она повторяет установки режима Р.Т. Эрдогана в отношении Запада и России. В частности, ДПС критикует европейскую интеграцию и политику НАТО, в том числе – в Сирии и Ливии, в отношении мусульманских иммигрантов в ЕС [18]. Россия выглядит в этой связи вынужденным, но всё же противовесом Западу.

В условиях нестабильности партийной системы Болгарии значительные перспективы имеют общественные движения, формально не связанные жёсткими организационными рамками. Среди них выделяется своей последовательной пророссийской позицией Национальное движение «Русофилы» (существует с 2003 г., лидер Н. Малинов). Движение стремится объединить болгар самых различных партийных и идеологических симпатий вокруг идей положительного восприятия России, памяти об Освободительной войне 1877–1878 гг. и общих православных ценностях [19]. Согласно программе движения, взаимосвязь Болгарии с Россией – это ядро православно-славянской цивилизации. Данные исторически сложившиеся отношения крайне важны для современной Болгарии для сохранения её национальной идентичности и государственной независимости.

Относительно маркеров позиционирования НД «Русофилы» в текущей политике, следует отметить последовательную поддержку российского энергопроекта «Южный поток», а также

расконсервации и достройки атомной электростанции «Белене» при российском финансировании; организацию сбора подписей против размещения в стране элементов противоракетной обороны (ПРО) США [20]. Н. Малинов одобряет российскую политику воссоединения Крыма, назвав референдум 16 марта 2014 г. «победой в Третьей Крымской войне», победой для всех православных славян [21].

Ежегодно «Русофилы Болгарии» проводят фестиваль болгаро-русской дружбы у мемориала на перевале Шипка, который стал символом братства русских солдат и болгарских ополченцев. Усилиями «Русофилов Болгарии» на их пожертвования в детских садах создано 600 кабинетов изучения русского языка, где обучаются 15 тыс. детей. С ними занимаются 280 учителей. «Русофилы Болгарии» ежегодно отправляют в российские вузы сотни студентов на курсы русского языка. Проводится до 120 концертов русской песни в год, на которые «Русофилы» приглашают российских исполнителей [22]. В политическом смысле это – воплощение «мягкой силы» России, пример добровольной инициативы гражданского общества, которая, кстати, никак не поддерживается органами государственной власти Болгарии.

НД «Русофилы» является «зонтичной» неправительственной организацией, которая координирует добровольные и равноправные усилия различных пророссийских движений и инициатив как консервативной, так и социалистической направленности. Так, на его сайте можно найти ссылки на ресурсы Болгарского евразийского научного центра (лидер – проф. М.П. Минчев) [23]. Как полагает аналитик РИСИ Н.А. Подчасов, «в настоящий момент в Болгарии существуют два варианта политического русофильства. Одно из них, к настоящему моменту более распространенное, связывает русофильство с советским периодом и опирается на социализм как на бывшую общую идеологию. Второе, более молодое, ищет опоры в традиционных ценностях, стараясь иметь ввиду не только советское время, но и более ранние эпохи, когда Россию и Болгарию объединяли, прежде всего, общность веры и преемственность культуры. Это ... консервативное, течение русофильства представляется более перспективным именно

ввиду его большей исторической обоснованности, способности учитывать весь исторический путь двух народов и тысячелетний опыт культурного и политического взаимодействия» [24].

Подведём итоги исследования. Болгарское политическое сообщество расколото в своих восприятиях России. На уровне элит преобладает прозападная ориентация «евроатлантизма», стимулируемая участием страны в НАТО и Евросоюзе, мощной информационной политикой Запада. В массовом же общественном мнении преобладает положительный образ России, ассоциируемый с общими ценностями болгар и русских: православием, коллективизмом, сильным патерналистским государством, исторической памятью о совместной борьбе против османского ига. Мировой экономической кризис, с особой силой ударивший по Болгарии и другим периферийным странам ЕС, вызвал рост русофильских настроений в стране. Однако партийное выражение данных идейных ориентаций ещё слабо, выражаясь, прежде всего, в деятельности правоконсервативной партии «АТАКА» и, непоследовательно, – президента Р. Радева, поддержанного левоцентристскими партиями – БСП и АБВ. Перспективным представляется рост политических ресурсов массовых внепартийных движений, в особенности – НД «Русофилы». Целесообразна активизация политики «мягкой силы» РФ в Болгарии с обязательным учётом изложенных обстоятельств.

Примечания

1. *Бондарев Н.В.* Республика Болгария: перманентный политический кризис // Проблемы национальной стратегии. – М., 2015. – № 1 (28). – С. 9–23.

2. *Карасимеонов Г.* Партийная система в Болгарии в 2001–2009 гг.: трансформация и эволюция политических партий // Вестник Московского университета. – Сер. 12: Политические науки. – 2011. – № 1. – С. 23–41.

3. *Коларов Г.И.* Парламентские выборы в Болгарии и строительство «Южного потока» // 21-й век. – 2014. – № 3 (32). – С. 50–75.

4. *Колесник Я.А.* Роль Турецкой Республики в политической жизни Болгарии на современном этапе: партийно-политический контекст // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. – 2014. – Т. 19. – № 2 (21). – С. 143–151.

5. *Подчасов Н.А.* Болгарская политическая элита 2000–2010-х годов // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 5. Режим доступа: <http://www.zpu->

journal.ru/e-zpu/2015/5/Podchasov_Bulgarian-Political-Elite/ (дата обращения: 25.06.2018).

6. *Пшеничников И.Б.* Кто готовит «майдан» в Болгарии. Режим доступа: <https://riss.ru/smi/38306/> (дата обращения: 05.09.2018).

7. World Economic Outlook Database, April 2018. 5. Report for Selected Countries and Subjects // International Monetary Fund. Mode of Access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?pr.x=64&pr.y=15&sy=2016&ey=2022&sort> (date of access: 06.09.2018).

8. Болгария. Как выйти из кризиса. Режим доступа: <https://slovodel.com/489021-bolgariya-kak-vyjti-iz-krizisa> (дата обращения: 05.09.2018).

9. *Петров П.* В Болгарии усилилось недовольство от поведения ЕС и США // Режим доступа: <https://topwar.ru/136645-v-bolgarii-usililos-nedovolstvo-ot-povedeniya-es-i-ssha.html> (дата обращения: 05.09.2018).

10. Доверие политическим и государственным институтам. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=363> (дата обращения: 05.09.2018).

11. *Гайворонский Ю.О.* Консолидация партийных систем в контексте трансформации электорального пространства и политических режимов. На примере стран Балканского региона // *Полития.* – 2014. – № 2 (73). – С. 145–146.

12. Еще один социалист: оппозиционер Радев победил на президентских выборах в Болгарии. Режим доступа: <http://rusrand.ru/response/esche-odin-socialist-oppozicioner-radev-pobedil-na-prezidentskih-vyborah-v-bolgarii> (дата обращения: 05.09.2018).

13. *Ленкин И.* Новый болгарский парламент будет состоять из представителей пяти партий. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4128450> (дата обращения: 05.09.2018).

14. Програма на Българската Социалистическа партия. За България – свободни граждани – справедлива държава – солидарно общество. Режим доступа: http://bsp.bg/documents/osnovni_dokumenti.html (дата обращения: 05.09.2018).

15. БСП представи пред експерти плана за развитие на България в частта «Национална сигурност» и «Външна политика». Режим доступа: <http://bsp.bg/news/view/11622-bsp-predstavi-pred-eksperti-plana-za-razvitie-na-byulgariya-v-chastta-natsionalna-sigurnost-i-vynshna-politika.html> (дата обращения: 05.09.2018).

16. Политическа програма на ПП ГЕРБ. Режим доступа: http://www.gerb.bg/files/useruploads/files/gerb_programa_2017.pdf (дата обращения: 05.09.2018).

17. Сидеров съветва Борисов да се редактира докладът, в който се посочва Русия за заплаха. Режим достъпа: <http://www.ataka.bg/сидеров-съветва-борисов-да-се-редакти/> (дата обращения: 05.09.2018).

18. Мустафа Карадайъ: ГЕРБ садлъжни да отговорят на въпроса за влиянието на коалицията върху националната сигурност и евроатлантическата ориентация на страната. Режим достъпа: <https://www.dps.bg/> (дата обращения: 05.09.2018).

19. Стратегия на Национално движение «Русофили». Приета на IV Общосъбрание на движението на 23.06.2012 год. Режим достъпа: <http://rusofili.bg/стратегия-на-национално-движение-рус/> (дата обращения: 05.09.2018).

20. Основни насоки и задачи на Национално движение «Русофили» за периода 2016–2020 г. Режим достъпа: <http://rusofili.bg/общото-събрание-нд-русофили-гла/> (дата обращения: 05.09.2018).

21. Депутат от БСП: «Честитя на всички православни славяни победата в Третата Кримска война, идват Балканите». Режим достъпа: <https://www.mediapool.bg/chestitya-na-vsichki-pravoslavni-slavyani-pobedata-v-tretata-krimska-voina-idvat-balkanite-news218106.html> (дата обращения: 05.09.2018).

22. *Пшеничников И.Б.* Болгарский синдром: почему власть тянется к Западу, а народ – к России. Режим достъпа: <https://riss.ru/smi/37969/> (дата обращения: 05.09.2018).

23. България, Русия и светът – проф. Минчо Минчев в беседа с русофили от гара Бов. Режим достъпа: <http://rusofili.bg/българия-русия-и-светът-проф-минчо-м/> (дата обращения: 05.09.2018).

24. *Подчасов Н.А.* Русофили Болгарии: между социализмом и консерватизмом. Режим достъпа: <https://riss.ru/analytics/31674/> (дата обращения: 05.09.2018).

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Э.Г. Вартаньян (Российская Федерация, г. Краснодар)

РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА БОЛГАРСКОЙ ЭКОНОМИКИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ (1870-е гг. – 1920-е гг.)

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала началом нового этапа в истории Болгарии – перехода от феодального государства к буржуазному. Освобождение страны от турецкого гнета создало благоприятные предпосылки для изменений в аграрном секторе страны. Все формы феодальной и полуфеодальной зависимости болгарских крестьян от турецких помещиков были уничтожены. Еще в сентябре 1877 г. русское гражданское управление в Софии в целях решения продовольственной проблемы разрешило болгарским крестьянам производить посевы на землях бежавших турок, и это послужило первым импульсом к разворачиванию инициативы крестьян. Явочным порядком болгарские крестьяне захватывали земли и инвентарь бежавших турецких феодалов, а иногда и земли ушедших с османской армией крестьян-турок. За захваченные земли крестьяне по требованию болгарского правительства должны были выплачивать выкуп. Крестьянами было выкуплено около 1/4 всех обрабатываемых земель [1]. В 1888 г. доля занятого в сельском хозяйстве населения составляла 73,5%, а в 1900 г. – 80,8% (4/5 населения) [2]. В руках крестьян оказалась значительная часть государственного земельного фонда Болгарии.

Переход земель турецких феодалов в руки болгарских крестьян означал ликвидацию социально-экономической основы османского государства на болгарской территории. Был разрушен старый феодальный аппарат угнетения болгарского народа, усилилось расслоение среди болгарских крестьян. Крестьяне, скупившие большие земельные наделы, превратились в богатых

земледельцев, а не имевшие возможности приобрести земли оставались малоземельными и вынуждены были приарендовывать земли у богачей на кабальных условиях. По переписи 1908 г. крестьяне с земельной собственностью до 2 га составляли 30,2% всех сельских хозяйств, от 2 до 5 га – 26,39, от 5 до 10 га – 25,33, от 10 до 30 га – 16,73 и свыше 30 га 1,34% [3]. Статистика показывает, что Болгария рубежа XIX–XX вв. была типичной страной мелкого раздробленного крестьянского землевладения. В Болгарии в конце XIX в. На 1 кв. км. обрабатываемой земли приходилось в среднем по 116 занятых в земледелии, тогда как в Югославии – 114, в Румынии – 97, Польше – 91, Италии – 90, Венгрии – 72, Германии – 52, Франции – 48, США – около 17, Канаде – 11 [4]. И этот показатель вплоть до 1930 г. не менялся.

После освобождения Болгарии стала постепенно меняться психология крестьянина, его менталитет. Даже малоземельные селяне почувствовали себя хозяевами своей земли, ибо не было чужеземного феодального гнета, усугубленного гнетом национальным и религиозным. Болгарский землевладелец, несмотря на тяжелейшие военные и послевоенные годы, крохотные участки земли, отсутствие необходимого инвентаря, техники, ощутил свою причастность к судьбам родины, земле, которая принадлежит ему, его народу.

Власть перешла в руки болгарской буржуазии, однако основой экономики по-прежнему оставалось сельское хозяйство. По мнению болгарского историка В. Мигева, в сельском хозяйстве страны в 1930-х гг. было от 600 тыс. до 1 млн. «лишнего населения», существовала огромная скрытая безработица [5]. Главная причина перенаселенности болгарского сельского хозяйства заключалась в слабом развитии промышленности, отсталой технической базе экономики.

С освобождением Болгарии от османского гнета появились предпосылки развития просвещения и науки страны. Ввиду порожденной пятивековым османским игмом общей отсталости в стране не было условий для развития многих отраслей науки, особенно тех, которые требовали значительных капиталовложений. После освобождения страны появилось два центра научных исследований. Первый – литературно-научное

общество, возникшее еще в 1869 г. в одном из центров болгарской эмиграции, в Браиле (Румыния), и продолжавшее свою деятельность в столице освобожденной Болгарии – Софии. В 1911 г. общество было преобразовано в Болгарскую академию наук (БАН). Вторым центром стал Софийский университет, возникший в 1888 г. как Высшая школа и преобразованный в 1903 г. в университет. Вокруг этих центров объединялось подавляющее большинство научных работников и практиков-аграриев страны. Однако весьма ограниченная материальная база этих учреждений, особенно БАН, не позволяла развернуть широкие исследования [6]. Научная интеллигенция была предоставлена в значительной степени самой себе. И все же образование и наука, в том числе и сельскохозяйственная, постепенно развивались.

Возникновение сельскохозяйственного образования непосредственно связано с зарождением и развитием капитализма в стране. Крупные владельцы земли, являющиеся главными производителями продуктов, видели в сельскохозяйственном образовании средство увеличения товаров и повышения производительности труда, в этом же были заинтересованы средние и мелкие землевладельцы. После освобождения была выдвинута идея создания земледельческой школы в стране, тем более, что в Органическом законе (Конституции) Восточной Румелии от 1879 г. предусматривалось создание земледельческих школ. Наиболее страстным их пропагандистом стал выдающийся агроном, общественный деятель, журналист Д.М. Наумов [7].

Перед аграрным сектором экономики Болгарии в конце XIX в. встала масса нерешенных задач. В этих условиях важно было поставить проблемы сельского хозяйства на научную основу. Это и пытались сделать первые болгарские ученые-аграрии, создавая специальные земледельческие училища и опытные поля при них. В различных пунктах страны учреждались опытные сельскохозяйственные и ветеринарные станции, где шаг за шагом разрабатывались вопросы сельского хозяйства.

Один из известных турецких реформаторов, вали Дунайского вилайета Мидхат-паша, был еще в 1864 г. (эпоха реформ в

Османской империи) инициатором создания еще в около г. Русе государственного хозяйства «Нюмюне чифлик» (указом Министерства финансов Болгарии № 374 от 12 декабря 1879 г. оно переименовано в «Образцов чифлик») для испытания земледельческих культур. «Образцов чифлик» стал одним из первых центров земледельческого опытного дела Болгарии. По данным доктора экономических наук Д. Русева, среди европейских стран аналогичные хозяйства несколько раньше были созданы во Франции (1835 г.), Англии (1843 г.), Германии (1852 г.) [7]. На базе хозяйства «Образцов чифлик» в 1880 г. было открыто первое практическое земледельческое училище, преобразованное в 1883 г. в среднее с трехлетним курсом обучения. Руководили училищем известные организаторы образования И. Саранов и Н. Бывчаров [8]. Училищу было предоставлено более 800 га пахотных земель, построены животноводческие фермы, оно стало кузницей кадров для сельского хозяйства Болгарии, ибо готовило первых агрономов, специалистов по земледелию [9]. В 1905 г. в «Образцов чифлик» была основана земледельческая опытная станция, которую возглавил известный болгарский ученый П. Козаров. На станции проводились испытания новейших зарубежных сортов сельскохозяйственных культур, изучались полевые культуры, удобрения. Со временем станция превратилась в авторитетное научное учреждение, возрастившее таких выдающихся ученых, как Д. Атанасов, В. Марков, Г. Хлеббаров, С. Куманов и др. Значительны были успехи станции в селекции пшеницы, ячменя, фасоли, овса, особенно в 1912–1920 гг., когда ее руководителем стал профессор И. Иванов, создатель широко внедренных в производство впоследствии сортов зерновых (созданный им сорт пшеницы № 14 обеспечивал страну хлебом в течение 40 лет). Благодаря внедрению новых методов исследования и достигнутым результатам расширились международные связи станции. В 1923 г. станцию возглавил Г. Проичев, который занимался проблемами агротехники зерновых культур. В разное время на станции работали всемирно известные ученые Д. Костов, Х. Даскалов, И. Милковский, Д. Байлов, А. Христов, Г. Еников, В. Попов и др.

В 1887 г. директор училища «Образцов чифлик» И. Саранов основал первое в освобожденной Болгарии опытное поле по сельскому хозяйству, которое стало пионером в области плодоводства и пчеловодства. С 1896 г. руководителем опытного поля стал один из крупнейших представителей агрономической науки страны К. Малков. На поле была испытана впервые в Болгарии культура сои, проводились опыты с табаком, рисом, хлопком, льном и др. С именем К. Малкова связано начало фитопатологии в стране. Его исследования в области биологии болезней и вредителей, разработка средств борьбы с ними были одними из первостепенных в научных программах опытных станций. За короткое время в болгарских и иностранных журналах К. Малков опубликовал около 50 научных и популярных статей по вопросам фитопатологии [10]. При земледельческом училище «Образцов чифлик» был создан большой плодпитомник, снабжающий страну посадочным материалом, заложен плодовый сад, завезены из-за границы улья новой для того времени конструкции (именно в «Образцов чифлик» было создано первое в Болгарии общество пчеловодов). Училище внесло большой вклад в развитие виноградарства и виноделия страны, здесь был создан богатый ассортимент насаждений виноградной лозы, проводились комбинированные опыты по агротехнике и защите растений. В училище «Образцов чифлик» впервые в стране стали заниматься улучшением пород крупного рогатого скота, импортировали мериносовых овец, улучшали местную породу овец. В 1914 г. школа стала издавать журнал «Ново земеделие», позднее переименованный в «Селскостопански преглед» [11].

В 1881 г. в Садово, в 18 км от Пловдива, на территории правительственной усадьбы, некогда изъятой у турецкого бея, была образована земледельческая школа, которую возглавил И. Бояджиев. Это было первое в Болгарии государственное учебное заведение. Первоначально хозяйство школы располагало 220 га земли, на которых созданы были отделения (сервисы) по всем отраслям сельского хозяйства – плодоводства, огородничества, виноградарства, шелководства, животноводства. Сервисы служили основой для систематических научных исследований и прикладной деятельности. Здесь выращивался и распространялся

посадочный материал сельскохозяйственных культур. Уровень проводимых исследований соответствовал европейскому. В 1883 г. в Садово была организована специализированная виноградарская опытная станция, а в 1884 г. – станция шелковичного производства. Училище участвовало во многих отечественных и международных выставках, в частности, в первой пловдивской ярмарке в 1882 г., пловдивской выставке 1892 г. (на ней были представлены первые болгарские марочные вина), международных выставках в США (1892–1893, 1904 гг.), Париже (1900 г.), Милане (1906 г.), в лондонской ярмарке балканских стран (1907 г.) [12].

Преподаватели Садовского училища получили специальное образование в России, Чехии, Германии, Франции, Австрии, ими написаны учебники, знакомившие читателей с достижениями развитых европейских стран и вековым опытом болгарского народа в области сельского хозяйства. Среди воспитанников школы были известные ученые, общественные деятели А. Стамболийский, И. Тырнаджийский, С. Хубенов и др.

Опытные станции были созданы также в Плевне (1901 г.) и при земледельческом училище в Софии (1910 г.). Впоследствии они выделились в самостоятельные научно-исследовательские учреждения. Одни станции занимались комплексными проблемами (Садово, «Образцов чифлик», София), другие были специализированными (Плевен – виноградарство и виноделие, Враца – шелковичное производство, организованное в 1896 г.) [13].

Земледельческие училища и опытные станции стали первыми очагами сельскохозяйственной науки страны, а преподаватели этих училищ – пионерами в исследовательской деятельности. Ученые работали в области технологии производства, породообразования, сортопроизводства и пр.

Начало исследованиям по почвоведению было положено на земледельческой опытной станции в Софии. В 1911 г. по инициативе и под руководством молодого, талантливого ученого Н. Пушкарлова здесь была создана агрогеологическая станция. В 1921 г. секция была переименована отдел почвоведения. Н. Пушкарлов на протяжении десятков лет проводил масштабные по объему и содержанию исследования и

стал общепризнанным основоположником болгарского почвоведения. Вторым центром исследований по почвоведению была кафедра общего земледелия агрономо-лесоводческого факультета Софийского университета, организованная в 1921 г. под руководством И. Странского. Важным достижением болгарских почвоведов, имевшим большое практическое значение, стала изданная в 1931 г. Н. Пушкаровым «Карта почв в Болгарии» в масштабе 1: 500 000 с подробными пояснениями. Создание карты – результат многолетнего труда ученых, которые исследовали почвы всех районов страны [14].

Таким образом, с открытием в последней четверти XIX–начале XX в. первых земледельческих училищ и опытных станций стала оформляться сельскохозяйственная наука и образование Болгарии. Первые два десятилетия XX в. – время интенсивных исследований, поисков, ошибок и находок. По широте постановки, глубине и результатам научных исследований Болгария не отставала в то время от научных сельскохозяйственных центров Европы – Свальофской опытной станции в Швеции, Ротамстедской в Англии, Лаух-шедта и Клайн-ванцлебена в Германии, Саратовской в России, селекционной фирмы «Виллорен» во Франции [15]. Основным направлением развития сельскохозяйственной науки Болгарии на рубеже веков было изучение местных растительных ресурсов для использования их в селекционной деятельности, улучшение селекции путем массового отбора ценных иностранных сортов и видов растений, внедрение лучших с учетом почвенно-климатических и экономических условий Болгарии. Внимание ученых было сосредоточено на пшенице как самой распространенной в стране культуре, подсолнечнике, кукурузе, ржи.

В рассматриваемые годы в Болгарии стала появляться сельскохозяйственная литература. Так, некоторые вопросы экономики и организации сельского хозяйства рассматривались в учебнике по земледелию, подготовленному Ц. Гинчевам и изданному в стране еще в 1871 г. [16], хотя эти проблемы стали предметом обсуждения и научного исследования позже, когда страна активней включилась в систему капиталистического хозяйства. Первой книгой по болгарскому сельскому хозяйству

можно считать работу Н. Икономова «Земеделие», опубликованную в 1853 г. в Белграде. Небольшая по объему, она положила начало работам по болгарскому земледелию, а ее автор, образованнейший человек своего времени, явился родоначальником болгарской литературы по аграрной тематике [17]. В 1859 г. для болгарских читателей в Стамбуле было издано «Практическое руководство по шелководству» поредакцией З. Княжеского (псевдоним Ж. Петрова). Большой интерес болгарских читателей вызвала «Сельскохозяйственная неорганическая и органическая химия», переведенная с русского языка в 1871 г. и изданная в г. Русе. Популярностью в Болгарии пользовалось также изданное в Вене в 1873 г. Г. Дрогановым (Начовичем) «Руководство по изготовлению вина». Из 103 печатных болгарских изданий во второй половине XIX в. 74 были посвящены земледелию и животноводству. В конце XIX в. в стране издавались такие сельскохозяйственные периодические издания, как «Земделец» М. Георгиева и С. Дацова и «Садово». Первые болгарские агрономы объединялись вокруг журнала «Ступан». А в 1894 г. известный агроном и политический деятель страны Я. Забунов организовал земледельческое общество «Орало» и стал издавать одноименный журнал, переименованный в 1949 г. в «Земеделие». На рубеже веков появились и отраслевые периодические издания «Ветеринарна сбирка», «Пчела», «Лоза» и др. [18].

Таким образом, сельскохозяйственная литература шаг за шагом завоевывала аудиторию, пропагандировала мировые и отечественные достижения аграрной науки и практики, в определенной степени формировала сельскохозяйственную науку и аграрное образование страны, обучала крестьян правильным методам ведения хозяйства.

1878 г. – дата возникновения ветеринарно-медицинской службы Болгарии. Сразу после освобождения страны работа по ветеринарии была возложена на гражданскую санитарную Дирекцию. В стране насчитывалось около двух десятков ветеринарных врачей, воспитанников университетов и ветеринарно-медицинских училищ России и Западной Европы. Это было время организационного становления болгарской ветеринарно-медицинской службы, которая до 1895 г.

подчинялась Министерству внутренних работ (Министерство на вътрешните работи), затем Министерству торговли и земледелия. В стране еще не существовало учебных и научных заведений по ветеринарной медицине, но получившие образование за рубежом врачи умело адаптировали зарубежный опыт к условиям Болгарии. В 1881 г. была создана военная и гражданская ветеринарная служба под руководством доктора И. И. Неймана. В том же году вышел закон о ветеринарно-медицинской службе [19]. Уже в 1890 г. в Плевенском округе был организован конезавод «Клементина», который из года в год расширялся. Здесь занимались проблемами выращивания не только лошадей, но и крупного рогатого скота.

14 декабря 1897 г. на второй сессии Народного собрания Болгарии был принят закон о санитарно-ветеринарной полиции, утвержденный князем Фердинандом 31 декабря 1897 г. (регистрационный номер 11 от 2 января 1898 г.) [20]. Именно на основе этого закона и зародилась зоопрофилактика в Болгарии, были определены болезни животных и меры по их лечению, впервые введен кадастр на животных в пограничных общинах (на расстоянии 30 км от границы), запрещена транспортировка больных животных и т.д. За нарушение закона вводились строгие санкции, вплоть до лишения свободы до трех лет. В 1901 г. решением Верховного ветеринарного совета в Софии была создана ветеринарно-бактериологическая станция, которую возглавил Г. Гырличков (ныне – Центральный научно-исследовательский ветеринарно-медицинский институт). Научные работники станции занимались изучением инфекционных заболеваний животных, изготовлением вакцин, проведением диагностических исследований, организацией практических курсов для ветеринаров. Животноводство и ветеринария, таким образом, перестали быть частным делом отдельных лиц. Несмотря на стихийность, первые шаги в становлении животноводства и ветеринарного дела были сделаны, деятельность энтузиастов дала свои практические результаты. В 1906 г. издан закон о санитарно-ветеринарной службе и полиции, в 1924 г. – закон о санитарно-ветеринарной службе, в 1932 г. – закон о борьбе с эпизоотией домашних животных и птицы и др. [21]. Болгарская ветеринарная служба

получила международное признание в 1912–1913 гг., когда в результате эффективных мероприятий, проведенных под руководством директора станции профессора С. Ангелова, была приостановлена эпидемия чумы среди крупного рогатого скота, проникшая в Болгарию и в Европу из стран Ближнего Востока [22].

В 1920-е гг. перед болгарской ветеринарией были поставлены сложные задачи в области бактериологии, профилактики болезней животных, создания новых биопрепаратов. Теоретиком и организатором ветеринарной науки в стране в 1920–1930-е гг. был известный ученый Г. Павлов. Он осуществил реорганизацию ветеринарно-медицинской службы в научно-теоретическом, организационном, правовом и материально-техническом аспектах. Г. Павлов впервые в мире распространил принцип государственного руководства на всю ветеринарно-медицинскую службу страны [23].

Одним из центров ветеринарного дела в Болгарии была Стара Загора. Здесь в 1931 г. был создан районный научно-исследовательский ветеринарный институт по микробиологическим исследованиям и борьбе с заразными заболеваниями животных. Ареал деятельности института – вся Юго-Восточная Болгария. Институт сделал немало в изучении ряда острых инфекционных заболеваний животных [24].

Однако нараставшие темпы развития болгарской сельскохозяйственной науки, связанные с объективными потребностями экономики, были надолго нарушены войнами, обрушившимися на балканские страны во втором десятилетии XX в. Другой весомой причиной стала ранняя смерть ведущих болгарских ученых-аграриев К. Малкова, С. Доспевского и др.

Начало организации опытного дела в области животноводства было положено после Первой мировой войны. В январе 1919 г. по инициативе болгарских земледельческих обществ состоялась первая в истории Болгарии конференция по животноводству. На конференции были поставлены вопросы изучения местных пород животных, расширения связей животноводческих обществ, увеличения производства фуража, издания доступной научно-популярной

литературы [25]. Этот факт, даже несмотря на конечные результаты, имел огромное значение с точки зрения постановки животноводства на научную основу. В 1920-е гг. научные исследования в области животноводства проводились на кафедрах животноводства агрономо-лесоводческого и ветеринарно-медицинского факультетов Софийского университета.

В 1920–1930-е гг. научно-исследовательская деятельность в рассматриваемой области расширилась в связи с созданием первых животноводческих научных учреждений: Центральной птицеводческой станции в Софии (1927 г.), Центрального института животноводства в Софии (1936 г.), перемещенного в 1942 г. в Стару Загору, районного исследовательского свиноводческого хозяйства в г. Кнежа (1937 г.) [26]. Первые научные учреждения испытывали большие трудности, связанные со слабой материально-технической оснащенностью, недостаточной укомплектованностью кадрами и пр. Но ученых объединяло бескорыстие, высокая профессиональная подготовка, стремление к популяризации достижений животноводческой науки. В частности, нельзя не отметить огромный научный вклад в развитие животноводства Болгарии профессора Георгия Хлебарова. Именно Г. Хлебаров положил начало племенной работе в стране, стал одним из основателей и деканом агрономического факультета Софийского университета. Он возглавлял Центральный научно-исследовательский институт по животноводству при Министерстве земледелия, на протяжении долгих лет был директором Института животноводства БАН [27].

В целом можно констатировать, что в рассматриваемый период болгарское сельское хозяйство было раздробленным, экстенсивным, низкопродуктивным. Слабость аграрного сектора болгарской экономики в постосманский период предопределила медленные темпы становления и развития сельскохозяйственной науки в последней трети XIX– начале XX в. Вместе с тем сельскохозяйственная наука Болгарии рассматриваемого периода постепенно организационно укреплялась, созданная научная система, включавшая все основные отрасли аграрной науки, охватила главные почвенно-климатические районы страны. Перед аграрной наукой стояли большие трудности, связанные со

слабой материально-технической базой исследовательских институтов, недостаточным финансированием и дефицитом высококвалифицированных профессиональных кадров. И все же наука постепенно переходила из этапа стихийности, неорганизованности, деятельности отдельных ученых-энтузиастов, в стадию организованного оформления, создания ряда новых научных учреждений, учебных заведений, опытных станций, занимавшихся насущными проблемами сельского хозяйства страны.

Примечания

1. *Сюлемезов С.* Кооперативният строй в българското село издържа проверката на живота // 25 години социалистическо селско стопанство в България. – София, 1969. – С. 5.

2. Стопанска история на България. 681–1981. – София, 1981. – С. 234.

3. Статистически годишник на Българското царство. – София, 1911. – С. 200.

4. *Матеев В.* Движението за кооперативно земеделие в България при условията на капитализма. – София, 1967. – С. 16–17.

5. *Мигев В.* Проблеми на аграрното развитие на България (1944 – 1960). София, 1998. С.9.

6. *Вартаньян Э.Г.* Аграрная наука Болгарии. История и современность (1878 –2000 г.). – Краснодар: КубГУ, 2002. – С. 76–77.

7. Там же.

8. *Русев Д.* 90 години Институт «Образцов чифлик» в службата на науката и земеделската практика // Селскостопанска наука. – 1996. – №. 1. – С. 37.

9. Архив Болгарской академии наук (АБАН). – Ф. 66. – Оп.1. – Д. 108. – Л. 1; 100 години селскостопанско образование, 20 години опитно дело в България. – София, 1986. – С. 17.

10. *Минев М.* Столетие средней земледельческой школы «Образцов чифлик» // Международный сельскохозяйственный журнал (МСЖ). – 1989. – № 4. – С.110.

11. *Русев Д.* 90 години ... – С. 38.

12. *Минев М.* Столетие – С. 110.

13. *Диваров И.* Сто лет земледельческой школе в Болгарии // МСЖ. – 1982. – № 4. – С. 106–107.

14. *Ценов П., Петков Н.* 100 години научноизследователска и производствена дейност на опитна станция по бубарство – Враца // – Селскостопанска наука. – 1998. – №.1. – С.5.

15. *Еников К.* Сорок лет советско-болгарской почвенной экспедиции. 1947–1987 // Почвоведение. – 1998. – № 5. – С. 122.

16. Беседа со старшим научным сотрудником Академии сельскохозяйственных наук Болгарии С. Мичевым // Личный архив автора. – Папка № 1. – Д. 5. – Л. 7.
17. Архив сельскохозяйственного музея г. София. – 1973. – Кн. 2.
18. *Савов Л.* 110 години българска селскостопанска книжнина // Работническо дело. – 1963. – 10 янв.
19. *Вартаньян Э.Г.* Указ.соч. – С. 83.
20. *Белев Н.* Столетие ветеринарно-медицинской службы Болгарии. // МСЖ. – 1983. – № 4. – С. 89.
21. *Константинов Й.* Сто години от приемането на закона за санитарно-ветеринарната полиция в България // Селскостопанска наука. – 1998. – № 5. – С. 41.
22. Там же. – С. 42.
23. Централен Държавен архив (ЦДА)на България. – Ф. 615. – Оп.1. – Д.52. – Л. 210.
24. Годишник на Софийския университет. Ветеринарно-медицински факултет. – София 1925–1943. – Г. 1–19.
25. Окружной архив г. Стара Загора. – Ф.1291. – Историческа справка.
26. *Хлебаров Г., Савов Т., Априлова Н.* Българска книжнина по животновъдство. – София, 1961. – С. 11.
27. *Платиканов Н., Шаличев Я., Савов Т.* и др. История на животновъдната наука в България. – София, 1956. – С. 63–68.
28. ЦДА на България. – Ф.615. – Оп. 4. – Д. 6. – Л. 30.
29. Архив Российской академии сельскохозяйственных наук. – Ф. 8390. – Оп. 21, 136. – Д. 575. – Л. 204; Архив Министерства сельского хозяйства РФ. – Ф.1. – Оп. 45. – Св. 468. – Д. 137. – Л. 21, 24.

В.Е. Козляков (Республика Беларусь, г. Минск)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В плеяде знаменитых писателей Федор Михайлович Достоевский занимает выдающееся место. Он претворил в своем творчестве фундаментальные и универсальные проблемы и коренные противоречия человеческого бытия в истории. Писатель обладал уникальной художественной способностью раскрыть психологии человеческих образов, представить весь сложный комплекс идеологических, социальных и нравственных вопросов того времени и одновременно увидеть в них вечное содержание, реконструировать прошлое, объективно увидеть настоящее, заглянуть в будущее.

И если литературное наследие Ф. М. Достоевского достаточно глубоко изучено литературоведами, то гораздо меньше внимания, прежде всего историками, уделено его публицистике. А ведь его знаменитый «Дневник писателя», печатавшийся в журнале «Гражданин», начиная с 1873 г., несет в себе не только оценки важнейших событий тех лет, но и содержит глубокие размышления о судьбах России, Европы, человечества.

Как вспоминал позднее известный литературный критик 60-80 гг. XIX в. Н.Н. Страхов, «Достоевский получал таким образом возможность высказывать в совершенно вольной форме те мысли, которые постоянно в нем кипели и были возбуждаемы его всегдашним пристальным вниманием к свершавшейся вокруг него жизни» [1].

Тема славянского вопроса занимала важное место в публицистике писателя. Особую актуальность она приобрела в 70-е гг. XIX в. Именно в этот период наблюдался подъем национального самосознания тех славянских народов, которые тогда находились под гнетом Османской империи. События сербо-турецкой войны 1876 г., русско-турецкой войны 1877-1878 гг. оживленно обсуждались на страницах российской печати, дебатировались в обществе. Эти события способствовали росту патриотических настроений в стране. Именно тема славянского вопроса, а вместе с ней роль России, русского народа, русской цивилизации явно превалировали в публицистике писателя.

Не секрет, что современники Ф.М. Достоевского, по крайней мере, в политической элите, по-разному относились и к писателю, и к его позиции по славянскому вопросу. Приверженцы славянофильства, как правило, восторженно встречали статьи писателя, оказывали ему поддержку, включая его в различные общественные объединения панславянского толка. Так называемые «западники», ориентированные на идеалы западной цивилизации, отмечая талант писателя, крайне негативно относились к его высказываниям о Европе.

В советский период оценка публицистики Ф.М. Достоевского была весьма скупой. Положительно оценивались его связи с «петрашевцами», но осуждалась его измена революционному делу и переход в лагерь консерваторов и монархистов. Писатель, как правило, изображался как адепт самодержавной политики.

Трансформация политических систем постсоветского пространства, демократизация общественной жизни, плюрализм мнений в научных статьях и публицистике способствовали выявлению различных точек зрения на взгляды Ф.М. Достоевского, в т. ч. и по славянскому вопросу.

В современной политической литературе стали возрождаться элементы «почвенничества» как модернизированные варианты славянофильства на патриотической основе. К современному «почвенничеству» следует отнести работы О.А. Платонова, Е. С. Тоицкого, В.В. Кожина, В.Г. Распутина, А.И. Казинцева, Г.А. Зюганова, многих других политиков и деятелей культуры. В работах указанных авторов высоко оценена роль Ф.М. Достоевского в разработке концепции русской цивилизации, русской национальной идеи.

Как пишет Е.С. Троицкий, в произведениях «тонкого знатока нашего образа жизни Ф.М. Достоевского наряду с христианской любовью, добротой, благородством, стремлением к свободе, свойственным русским людям, показаны низость, раболепие, жестокость, «смердяковщина» [2].

Противоположной точке зрения придерживаются представители так называемых «либеральных» взглядов. Например, польский исследователь А. де Лазари полагает, что «у Достоевского панславистскую позицию дополняет утопическая этико-эсхатологическая концепция, в которой находится место для славянский

фантазий о добром, справедливом, любящем народ и любимым им русском царе, о русском народе – богоносце и т.п.» [3]. Польский автор не скрывает свою русофобскую позицию, замешанную на концепции «неолиберальной глобализации». Он не оставляет право другим народам отстаивать свою самобытность и собственный путь развития.

Не соглашаясь с некоторыми высказываниями польского исследователя, некоторые российские авторы все-таки склоняются во мнении, что «Ф.М. Достоевский сформулировал в итоге религиозно-политический проект русской национальной идеи», отметив «имперские устремления писателя» [4]. Любопытное суждение высказал известный современный литературовед В. Кантор: «Как казалось Достоевскому, с одной стороны, Россию разлагает либерализм с его толерантностью, а с другой стороны, – готовят России гибель радикалы, революционные бесы» [5].

Подобные, порой взаимоисключающие, мнения требуют дальнейшего изучения публицистического наследия Ф.М. Достоевского по славянскому вопросу.

Публицистика Ф. М. Достоевского, прежде всего его «Дневник писателя», проникнуты идеей «всеединения» славян. Основу этой идеи писатель видел в православии, исповедовавшим большинством славянских народов. Православное вероучение, утверждал Ф.М. Достоевский, «несет внутри себя драгоценность, ...она хранительница Христовой истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах» [6]. При этом писатель был убежден, все назначение России заключается в православии, «в свете с Востока, который отвечает к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа» [7].

Однако писатель не отождествлял православие с церковью, церковным духовенством. «Это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации, – разъяснял свою позицию писатель. – В русском христианстве, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, Христов образ – ...это главное» [8]. Речь шла о нравственных принципах православия, а единоверие означает помощь угнетенным и измученным.

Поэтому православная вера, православные традиции не отрицают права других вероучений, не проповедуют религиозную вражду. «Кто гнал у нас когда инородцев за их веру и даже за их иные «вероисповедные чувства»?», – задавался риторическим вопросом писатель и тут же отвечал: «У нас и раскольников-то уж теперь почти никто не гонит, а не то что инородцев, и если было в последнее время несколько редких, совсем единичных случаев, ... то эти случаи тотчас же и резко осуждались всей нашей прессой» [9].

Говоря о необходимости «всеединения славян», Ф. М. Достоевский убедительно показывал и доказывал, что это – не захват и не насилие, а действия ради «всеслужения человечеству». «Не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий, ... сказать и свое веское слово в цивилизации» [10], – вот кредо русского писателя.

Усилению интереса Ф.М. Достоевского к славянской проблематике способствовала книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Писатель назвал ее «превосходной» и разделял многие взгляды этого философа, одного из идеологов концепции «русской цивилизации». Ему импонировали идеи философа о серьезном отличии европейской цивилизации от русской, враждебном отношении Европы к России на протяжении веков.

Однако поддерживая многие позиции Н.Я. Данилевского, писатель часто вступает с ним в спор. Эти разногласия проявились в оценке и значении города Константинополя. Н.Я. Данилевский склонялся во мнении, что Константинополь должен когда-нибудь стать общим городом всех восточных народностей, своеобразной столицей федеративного Всеславянского Союза. Ф.М. Достоевский категорически отвергал всякую мысль о федерации. «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки» [11]. Подобные высказывания писателя квалифицируются некоторыми современными критиками его «имперскими амбициями». Однако отдельные публицистические эмоциональные фразы, выдернутые

из контекста публикаций, не стоит гиперболизировать, выставлять писателя в качестве оракула политики самодержавия.

Писатель видел Константинополь в качестве духовного центра Восточного мира, во главе которого стоит Россия на страже всех славян и восточных народностей. Но Восточный вопрос есть, по мнению писателя, есть в сущности своей разрешение судеб православия. А судьбы православия слиты с назначением России. По мнению Ф.М. Достоевского, «утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии». Именно православие может стать альтернативой «грядущему социализму», идущему с Запада. Вот в чем для России заключается Восточный вопрос, полагал писатель [12].

Конечно, сегодня подобные воззрения выглядят утопичными. Однако идея православного центра в условиях обострения межконфессиональных проблем отнюдь не утратила своей актуальности.

Важную роль в славянском единении Ф.М. Достоевский отводил особенностям и характерным чертам русского народа. В чем они заключались? Прежде всего, это верность православным традициям, готовность их сохранения, но без изоляции от Европы; братская любовь к другим народам; потребность русского народа в служении человечеству, даже в ущерб иногда собственным интересам; способность русских находить полезное в европейской цивилизации; потребность быть справедливыми и искать лишь истину [13]. При этом писатель был убежден, что лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства [14]. Эти характерные черты русского народа в качестве деятельного приложения православия должны служить человечеству.

Вместе с тем писатель не склонен был идеализировать русский народ, точнее сказать, тогдашнее общество. Он осуждал разнузданность отдельных индивидов, пьянство, мнительность и высокомерие власти имущей. Его беспокоило начавшееся в обществе преобладание поклонения «золотому мешку», материальному в ущерб духовному. Но он искренне надеялся, что «все наши девяносто миллионов русских (или там

сколькихкогда народится)будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» [15].

Важнейший сюжет в публицистике Ф.М. Достоевского – взаимоотношения России с Европой. По мнению писателя (тут он был солидарным с Н.Я. Данилевским), «нас замечательно не любит Европа и никогда не полюбит; никогда не считала нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев» [16]. «Да, Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, то есть славяне: ненавистно славянское племя Европе, ...дескать, рабы», – выносит писатель свой вердикт Европе [17]. Вместе с тем, Ф.М. Достоевский ценил европейские успехи в искусстве и науке и призывал воспользоваться достижениями Запада. Тут он был противником, как ортодоксального славянофильства, стоявшего на позициях изоляционизма, так и подобострастного западничества.

И все же Ф.М. Достоевский относил себя к славянофилам, выступавших за духовный союз всех верующих в то, что «великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации ... свое слово» [18].

Начавшаяся в 70-е гг. XIX в. борьба славянских народов (сербов, черногорцев, болгар) против османского ига, за свою независимость стала предметом острых дискуссий в российском обществе. Ф.М. Достоевский решительно выступил на стороне тех, кто и словом, и делом поддерживал освободительную борьбу славян. Он осуждал молчаливую позицию западных держав, не собиравшихся оказывать помощь славянам.

В России же нашлось немало людей, готовых силой оружия оказать помощь сербам, черногорцам, болгарам. У читавшей публики не сходило с уст имя Михаила Григорьевича Черняева, уроженца Могилевской губернии, доблестного защитника Севастополя в период Крымской войны, покорителя Кокандского ханства, военного губернатора Туркестанского края. Ф.М. Достоевский, судя по всему, узнал о боевом генерале в середине 60-х гг., когда тот дерзким штурмом взял Ташкент. Взволнованный несчастной судьбою славянских народов, М.Г. Черняев отправился в Сербию, создал там добровольческую армию и отважно сражался с турками. Он одержал несколько побед, но вскоре из-за отсутствия военного опыта у

необученных сербских добровольцев, невразумительной позиции некоторых местных политиков был вынужден оставить Тимокско-Моравскую армию. Критика в адрес М.Г. Черняева прозвучала и со стороны либеральных и правительственных кругов России [19].

Тем не менее, рыцарские подвиги генерала вызвали такое воодушевление в России, что Александр II был вынужден объявить туркам войну. В результате славянские народы были освобождены из-под ига Оттоманской империи в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но победа России оказалась нивелированной западными державами на Берлинском конгрессе в мае 1878 г.

Ф. М. Достоевский посвятил М. Г. Черняеву немало страниц в «Дневнике писателя». «Если уж началось славянское дело, то кто же как не Россия должна была стать во главе его, в том назначение России – и это понял Черняев и поднял знамя России. Решиться на это, шагнуть этот шаг ...не мог бы сделать человек без особенной силы», – писал Ф.М. Достоевский. Отбивая клевету и наветы на генерала, писатель говорил всей России: «Черняев служил огромному делу, а не одному своему честолюбию, и предпочел скорее пожертвовать всем – и судьбой, и славой своей, и карьерой, может быть даже жизнью, но не оставить дела. Это именно потому, что он работал для чести и выгоды России и сознавал это» [20].

Подобные необоснованные гонения на М.Г. Черняева, «двойная» игра некоторых славянских политиков, другие обстоятельства вынудили Ф.М. Достоевского написать весьма красноречивое «Одно совсем особое слово о славянах...». Говоря о возможно скором освобождении славян Балканского полуострова, Ф.М. Достоевский предупреждал, уже тогда, в конце 70-х гг. XIX в.: «Не будет у России, и никогда не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!». И далее, продолжая свою мысль, писатель заметил: «Нам не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперед». Тут же следует другой пророческий прогноз: «Начнут же они (т. е. славяне), по освобождении, свою новую жизнь, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и

хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают».

И далее звучит еще одно убийственное предположение: «Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себя и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» [21]. Не правда ли, с поразительной точностью великий русский писатель спрогнозировал нынешние русофобские сентенции, исходящие не только от политиков независимых славянских стран, но и от некоторых либералов российского толка?

Поражает нашей реальностью следующее пророчество писателя: «Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» [22].

Однако подобные негативные пророчества писателя касались, скорее всего, не славянских народов, а их политиков, способных под воздействием Запада на манипулирование общественным мнением. Говоря о том, что эти «землицы будут вечно ссориться, друг другу завидовать и интриговать», писатель все же был убежден, что их народы будут все-таки обращаться к России как к ведущей силе, способной защитить их свободу и национальную идентичность.

Но тут же он ставил вопрос: для чего России брать на себя такую ответственность? И сразу отвечал: «Для того, чтобы жить высшей жизнью, ... светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать, в конце концов, великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; возвести, наконец,

всех малых сил до себя и до понятия ими материнского ее призвания – вот цель России» [23]. В этих словах писателя звучит не только вера в Россию, но и своеобразный наказ будущим поколениям судьбоносному предназначению великой страны.

Таким образом, славянская проблематика занимала важное место в публицистике Ф.М. Достоевского. Его статьи несут идеи единения славянских народов, в которых России, русскому народу должна принадлежать ведущая роль. Но эта ответственная роль требует развития лучших качеств народа, его возрождения, преодоления негативных характеристик. В основе единения славянства писатель видел православные ценности, так необходимые людям в условиях начавшегося господства материальной меркантильности в ущерб духовности и человеческому достоинству. Разумеется, некоторые идеи писателя (например, относительно православного центра) выглядят сегодня утопичными и во многом наивными. Тем не менее, Ф.М. Достоевский, по сути, является одним из основателей концепции «русской цивилизации», призванной оказать определяющее влияние на развитие всего человечества.

Примечания

1. *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 501.

2. *Троицкий Е.С.* Русский народ в поисках правды и организованности. – М.: АКИРН, 1996. – С. 55.

3. *Де Лазари Анджей.* В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. Пер. с польск. – М.: Наука, 2004. – С. 100.

4. *Власова Ю.В., Иванова С.И.* «Славянский вопрос» в творчестве Ф.М. Достоевского (по материалам публицистики 70-х гг. XIX в.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// Cyberleninka.ru / article.Section 10.Philosophy](http://Cyberleninka.ru/article/Section%2010.Philosophy). – С. 92. – Дата обращения: 17 апреля 2018 г.

5. *Кантор В.А.* «Дневник писателя» Достоевского как провокация имперского кризиса в России // Вопросы литературы. – 2007. – № 1. – С. 237.

6. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Июнь. Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 23. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. – С. 46.

7. *Достоевский Ф.М.* Письмо А.Н. Майкову 9 (21) октября 1870 г. // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 29. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1986. – С. 146.

8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Сентябрь. Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 23. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. С. 130
9. Там же. – С. 129.
10. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Июнь. Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 23. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. – С. 47.
11. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 г. Ноябрь. Глава третья // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 26. – Л.: Ленинградское отделение «Наука». 1984. – С. 83.
12. Там же. – С. 84–85.
13. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Июнь. Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 23. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. С. 47-49.
14. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 г. // Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 21. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1980. – С. 18.
15. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Январь. Глава третья. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 22. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. – С. 31.
16. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Январь. Глава третья. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 22. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. – С. 121.
17. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Июль и август. Глава вторая // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 23. Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. С. 63.
18. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1877 г. Июль и август Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 25. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1983. – С. 195.
19. *Корнилович Э.А.* Генерал славянской рати. – Минск: Беларусь, 2007. – 190 с.
20. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. Октябрь. Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 23. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. – С. 151.
21. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 г. Ноябрь. Глава вторая // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. – Т. 26. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1981. – С. 78-79.
22. Там же. – С. 79.
23. Там же. – С. 80–82.

А.В. Ракачева(Российская Федерация, г. Санкт-Петербург)

ПОЛОНЕЗКЇЙ: СЛАВЯНСКИЙ «ОСТРОВ» В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

История славянских народов Европы и Османской Империи тесно переплетена. С одной стороны – это периоды дружбы и взаимодействия, с другой – кровопролитные войны. Для южных, восточных и западных славян эти отношения складывались по-разному, в частности, для последних не так остро ощущалось давление Османской империи, а Россия, напротив, чаще выступала не союзником, а конкурентом. В эти сложные политические процессы, продолжавшиеся не одно столетие, тесно вплетена трагичная и героическая история поляков.

Политический кризис XVIII в. в Речи Посполитой, сопровождавшийся ослаблением власти и влияния некогда мощного польско-литовского государства, в конечном счете, привел к разделу ее территории между Россией, Австрией и Пруссией, который окончательно завершился в 1795 г. [1]. После Тильзитского мира (1807 г.) была восстановлена государственность Польши в форме Великого герцогства Варшавского, просуществовавшего до 1813 г., а в 1815 г. практически все польские земли были включены в состав Российской Империи как Королевство Польское (Царство Польское) на правах автономии [2].

Эти события оказали существенное влияние на миграцию польского населения за пределы своей исторической территории. Помимо европейских стран, охотно принимала поляков Османская Империя, используя их научные знания, военный и политический опыт.

Следующая, мощная волна миграции поляков за пределы исторической родины была связана с поражением восстания подхорунжих 1830–1831 гг., лидеры и участники которого были вынуждены искать убежища за пределами Российской империи. Большинство польских переселенцев осело в европейских странах и прежде всего во Франции. В эмиграции оказались многие деятели польского национального движения: А. Чарторыйский, И. Леппель, В. Замоиский, М. Чайковский и др.

Адам Чарторыйский, возглавивший польскую эмиграцию, центром которой стал «Отель Ламбер» в Париже [3], рассматривал Османскую Империю как союзника в борьбе с Россией и своеобразный плацдарм для освобождения Польши. С его именем связано и достижение соглашения с турецкой стороной об образовании польских поселений на территории Османской Империи [4].

В 1841 г. в качестве полномочного представителя князя А. Чарторыйского в Турцию прибыл М. Чайковский [5]. Получив разрешение от султана на создание польского поселения, М. Чайковский в 1842 г. арендует у монахов-лазаристов земли в окрестностях Стамбула. На этих землях образуется польское поселение получившее название Адамполь, что явилось своего рода благодарностью князю Адаму Чарторыйскому [6]. Наряду с ним использовалось и другое название поселения, турецкое – Полонезкёй (Польская деревня – *тур.*), которое и закрепилось впоследствии в качестве официального. Адамполь стал первым польским поселением за пределами исторической родины, что в условиях утраты национальной независимости Польши являлось символическим актом. Полонезкёй (Адамполь) становится «славянским островом» на территории Османской империи, призванным сыграть не только культурную, но и политическую роль в польском национальном движении.

К изучению истории Адамполя (Полонезкёя), как первого польского поселения на территории Османской империи, обращались польские, турецкие, российские исследователи. Однако большая часть этих работ рассматривает возникновение и развитие Адамполя как эпизод в контексте турецко-польских отношений, политических вопросов, участниками которых выступали Российская и Османская империи, Речь Посполитая, Европейские державы. Вопросам жизни польских эмигрантов в Османской империи, а затем в Турции в научной литературе, уделено меньше внимания.

Научная литература на русском языке, посвященная полякам в Османской Империи, довольно скудна. Небольшое число работ по этому вопросу, вероятнее всего, было обусловлено политическим контекстом, как в дореволюционное, так и в советское время.

Ряд работ современных российских исследователей затрагивает тему польской миграции в Османской Империи. Это работы К.А. Жукова, М.А. Волхонского, А.А. Пригарина, Д.В. Сеня и др.[7].

Отдельно необходимо выделить статью К.А. Жукова, посвященную политической жизни польских эмигрантов в Турции, особенностям их взаимодействия с султанским правительством. Подготовленная на основе большого числа источников российского, польского, турецкого происхождения, работа стала заметным явлением в изучении польской эмиграции в Османской Империи [8].

В англоязычной литературе, также большая часть исследований направлена на изучение польско-турецких отношений в контексте мировых или региональных политических событий. Польская миграция в Османскую империю, проблемы адаптации и воспроизводства польской культуры здесь также слабо разработаны. Это работы Roux J., Toros T., Berry R.A., Palmer A., Shaw S. J., Shaw E. K. и др.[9].

Более глубоко изучением этого вопроса занимались польские и турецкие исследователи. Говоря о польской историографии вопроса, необходимо в первую очередь назвать работы польского писателя, этнолога и востоковеда Е.С. Латки (Latka J.S.). Ряд его исследований посвящены непосредственно истории польской эмиграции в Турции и в частности основанию и развитию польской деревни – Адамполя (Полонезкёя) [10].

В числе других авторов – польские исследователи I. Miszczak, K. Dopierała, L. Antonowicz-Bauer, J. Szymański и др.[11].

Среди турецких ученых, обращавшихся к исследованию Полонезкёя обращались Ü. Bayazoğlu [12], M. Belge [13], E.S. Pacacı [14], M. Kaş [15].

В работе У. Башарьюглу (Bayazoğlu Ü.) «Полонезкёй: родина на чужбине» автор дает подробный анализ изменения польской идентичности в Турции и отношения к полякам через эпохи [16].

Одной из наиболее интересных работ является исследование Элитака Седжиля Паджасы (Elitok Secil Pacacı), посвященное изучению социокультурных изменений и локальной идентичности в Полонезкёй на основе материалов устной

истории [17]. Автор детально анализирует историю поселения Полонезкёй, трансформацию района и его жителей, взаимодействия между поколениями мигрантов, изменения в характере поселения и его национальном составе, составленные преимущественно по результатам интервью с жителями польской деревни.

М. Кая (КауаМ.) анализирует социально-экономическое развитие Полонезкёй, изменения в землепользовании и земельных правах жителей польской деревни [18].

Несмотря на имеющиеся работы по данной проблематике, тема миграции польского населения на территорию Османской империи в XIX веке, его адаптации и взаимоотношения с местным населением представляется еще недостаточно изученной и требует дополнительного исследования за счет вовлечения в научный оборот новых источников, в том числе на турецком и польском языках.

Как отмечено выше, создание польского поселения играло важную политическую роль, связанную с геополитическими интересами противоборствующих держав. Как пишет Е. Латка: «Адамполь стал не только укрытием для поляков, покинувших родину, у которых не было средств к существованию, но согласно планам А. Чарторыйского должен был стать прикрытием и базой для политических действий “Восточного агентства Отеля Ламберт”» [19].

Число первых жителей поселения было незначительным – на 1842 г. здесь проживало лишь 12 чел. Постепенно число поселенцев увеличивается, к 1843 г. число жителей польской деревни составило 19 чел., часть которых были выкуплены А. Чарторыйским из турецкого плена [20].

Полонезкёй начинает притягивать польских мигрантов из Европы [8]. Каждое новое национально-освободительное восстание поляков, которых в XIX в. было немало, давало новых переселенцев. В период 1848–1851 гг. сюда переселилось более 100 чел. [21]. Причем они получили существенную поддержку османского правительства, в частности султан Абдул-Меджид I ответил отказом на требования Австрии и России о передаче им польских повстанцев – участников революции 1848 г.

Впоследствии султан, не желая обострять конфликтную

ситуацию с Россией и Австрией предложил польским повстанцам перейти в ислам – это формально должно было снять требование об их экстрадиции, что часть переселенцев и сделала.

Особый статус поляков в Османской империи давал им возможность службы в армии, куда также турки охотно принимали и поляков-перебежчиков с российской стороны [22], а отдельные представители польской шляхты занимали значимые посты в военном руководстве империи, но продвижение по службе было связано рядом ассимиляционных мер. Польские военные берут турецкие имена, часть их принимает ислам. Среди них и фактический основатель Адамполя (Полонезкёя) – Михаил Чайковский (Мехмет Садык Паша), Мариан Лангевич (Лангибей), Теофил Лапинский (Теффик-бей), Владислав Костельский (Сефер-паша), Константин Божецкий (Мустафа Джелаледдин-паша). В составе турецкой армии поляки активно участвуют в войнах с Россией: Крымской (1853–1856 гг.) и русско-турецкой (1877–1878 гг.).

После Крымской войны в Полонезкёй переселяются согласно разным источникам от 38 до 58 поляков воевавших в Османской армии [23]. Кроме того, около 150 польских солдат – участников Крымской войны переселяются в еще одну польскую деревню, возникшую в это время – Дербину. Однако она просуществовала относительно недолго и в 1859 г. ее жители также переселились в Полонезкёй [24].

В это время происходит интеграция польского населения в социальное и правовое пространство Османской империи. По указу Абдул-Меджида I польские переселенцы, находящиеся на действительной военной службе в Османской Империи или состоявшие на ней в прошлом, а также члены их семей освобождались от налогообложения. Польские поселения были уравниены в правах с турецкими, на них распространялась османская система управления. Вместе с этим для поселения в Полонезкёе требовались особые условия: переселенец должен быть поляком или в исключительных случаях славянином и католиком. Купля-продажа земли в поселении могла совершаться только между поляками [25].

Такое правовое положение польской общины, способствовало с одной стороны интеграции в турецкое

социальное и правовое пространство, а с другой – поддерживало и сохраняло польскую этническую и конфессиональную идентичность [26].

Таким образом, с одной стороны, польская колония в Османской империи была своего рода первым опытом компактного поселения за пределами Польши. Вместе с тем ее отличало весьма необычное положение в административной структуре Османской империи, из-за ее особого статуса [27].

Очередной мощный поток переселенцев дало восстание в Польше в 1863 г. в поселение прибывает группа молодых и образованных иммигрантов. В 1863 г. в колонии уже проживало 100 польских семей. Однако восстание 1863 г. не было поддержано частью старшей группы польских лидеров, разошедшихся с молодым крылом в целях и задачах национально-освободительной борьбы. Одни из них отходят от дел, а другие, в частности, М. Чайковский даже получив помилование, возвращаются в Российскую империю [28].

Поляки принимали участие и в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в турецкой армии воевал турецкий легион, состоящий из двух подразделений Восточного и Западного [29]. Многие польские ветераны по окончании войны также направляются в Полонезкей. К концу XIX – началу XX в. число жителей поселения насчитывало более 220 чел. [30].

Социально-экономические преобразования, происходившие в турецком обществе, затронули и поляков. В 1908 г. крестьяне-жители польской деревни были уравнены в правах и обязанностях с другими турецкими крестьянами, а после создания республики в Турции за поселением было закреплено официальное название «Полонезкёй» (Polonezköy – тур.). Вместе с тем в обиходе осталось и старое название – Адамполь. В 1938 г., жители Полонезкёя получают гражданство Турецкой Республики [31].

Как утверждает Е. Латка, для польских мигрантов, вынужденно покинувших родину, Адамполь (Полонезкёй) всегда рассматривался лишь как ступень на пути в Польшу, которая однажды восстановит свою независимость. Тем не менее, после обретения Польшей, независимости в 1918 г. часть поляков возвращается в Польшу, но большая часть жителей – около 200

чел., остаются в Полонезкёе [32].

В 1960-е гг. в связи со сложной экономической ситуацией около трети жителей поселения эмигрировали за границу, в основном в Австралию и Германию. На их место в деревню стали переселяться турки и к 1975 г. в деревне было уже 10 турецких ферм [33].

Сегодня в Полонезкёе (Адамполе) живут не только поляки, их численность здесь заметно сократилась. Две трети населения уже представлена турками, в поселении наряду с костелом есть мечеть, преподавание в школе ведется на турецком языке. Но на должность мухтара – главы администрации Полонезкёя традиционно избирается поляк, празднуются польские национальные и религиозные праздники, изучается польский язык, сохраняются билингвистические топонимы. Турки, живущие сегодня в поселении, стремятся сохранить уникальных дух этого славянского «острова» в Турецкой Республике, показывающий, что разные народы, несмотря на этнические и конфессиональные различия могут мирно сосуществовать на одной земле.

Примечания

1. Конвенция относительно раздела Польши, заключенная между Россией и Пруссией, при участии Австрии // Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. – М.: Международные отношения. 1994 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XVIII/1760-1780/Stegniy/1-20/7.phtml?id=10875> (дата обращения: 12.09.2018).

2. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / *отв. ред. С.М. Фалькович.* – М.: Индрик, 2010. – С. 97.

3. «Отель Ламбер» – особняк в Париже, с 1843 г. принадлежавший семье Чарторыйских, ставший политическим и культурным центром польской эмиграции в Европе.

4. Жуков К.А. Поляки в Османской империи и Россия (60–70-е гг. XIX в.) // Проблемы национальной стратегии: научный журнал. – 2015. – № 6 (33). – С. 189.

5. Там же. – С. 187.

6. *Latka J.S.* Polonezköy - Adampol: Cennettenbir Köşe. – Istanbul: Akbankve Türkiye Dostları Derneği. 1992. – S. 33–34.

7. Жуков К.А. Указ. соч.; Волхонский М., Пригарин А., Сень Д. Панславизм Михаила Чайковского и история казачества в Османской

империи // Поляки в России: история и современность / отв. ред. А.И. Селицкий. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2007. С. 147–160.

8. Жуков К.А. Указ.соч.

9. Roux J.P. The History of Turks – 2000 Years from Pacific to the Mediterranean. Kabalci Publishing, Istanbul, 2007; Toros T. Turkish–Polish Relations in History. Denizakçetekerci Edition. Gözlem Printing. – Istanbul, 1983; Berry R.A. Polish Diplomatic Activities in the Ottoman Empire: 1832–1848 : the Influence of the Hotel Lambert on Ottoman Policy. IV World Congress for Soviet and East European Studies. 1990; Palmer A. The Decline and Fall of the Ottoman Empire. – New York, 1992; Stanford J. Shaw, Ezel Kural Shaw. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: Volume 1, Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire 1280–1808. – Cambridge University Press. 1976.

10. Latka J.S. Polonezköy - Adampol: Cennetten bir Köşe. Istanbul: Akbank ve Türkiye Dostları Derneği. 1992; Latka J.S. Polacy w Turcji. Z dziejów Polonii. Polonijne Centrum Kulturalno-Oświatowe Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, 1980.

11. Miszczak I. Śladami Polaków w Turcji; Jan Reychman. Historia Turcji. Zakład Narodowy im.– Ossolińskich, 1973; Dopierala K. Adampol-Polonezköy: z dziejów Polaków w Turcji. Historia – Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia, 1983; Antonowicz-Bauer L., Santepe Y. Polonezköyü: Adampol. – İstanbul Kütüphanesi, 1990; Szymański J. Stan i sytuacja Polonii adampolskiej w końcu lat dwudziestych XX wieku w relacjach: podróżnika i duszpasterza // Studia Polonijne, T. 32. – Lublin, 2011. – S. 197–209.

12. Bayazoğlu Ü. Polonezköy: Yurtiçindeki Yurt Dışı, Şehir: Kent Kültürü Dergisi, 1987.

13. Belge M. Istanbul Gezi Rehberi. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları. 2006. – P.336.

14. Pacaci Elitok S. An Oral Historical Research on Socio-Cultural Change and Place-Identity in Polonezkoy. Summer Conference on Intercultural Dialogue, Maltepe University, Istanbul, Turkey, Jul 22, 2009. 2014.11.29 https://cream.conference-services.net/resources/952/2371/pdf/MECSC2011_0082_paper.pdf (дата обращения: 19.08.2018).

15. Kaya M. Polonez Köy'ün Sosyo-ekonomik Gelişimi / Unpublished MA thesis, İstanbul Üniversitesi, Turkey. – Istanbul, 1994.

16. Bayazoğlu Ü. Polonezköy: Yurtiçindeki Yurt Dışı, Şehir: Kent Kültürü Dergisi, 1987.

17. Pacaci Elitok S. Указ. соч.

18. Kaya M. Указ. соч.

19. Latka J.S. Polonezköy - Adampol: Cennetten bir Köşe. Istanbul: Akbank ve Türkiye Dostları Derneği. 1992. – S. 12.

20. Там же.
21. *PasaciElitokS*. Указ. соч.
22. *Волхонский М., Пригарин А., Сень Д.* Указ.соч. – С. 154.
23. *Vayazoğlu Ü.* Указ. соч. – С. 6.
24. *Latka J.S.* Polonezköy - Adampol: Cennetten bir Köşe. Istanbul: Akbank ve Türkiye Dostları Derneği. 1992. – S. 57, 66.
25. Там же. – С. 33–34.
26. *PasaciElitokS*. Указ. соч.
27. *Vayazoğlu Ü.* Указ. соч.– С. 336.
28. *Жуков К.А.* Указ.соч. – С. 187.
29. *Волхонский М., Пригарин А., Сень Д.* Указ.соч. – С. 154–155.
30. *Vayazoğlu Ü.* Указ. соч. – С. 22–25.
31. *Latka J.S.* Polonezköy - Adampol: Cennetten bir Köşe. Istanbul: Akbank ve Türkiye Dostları Derneği. 1992. – S. 66.
32. Там же.
33. *PasaciElitokS*. Указ. соч.

Л.І. Масейчук (Рэспубліка Беларусь, Мінск)

СТАНАЎЛЕННЕ ВЫШЭЙШАЙ БАГАСЛОЎСКАЙ АДУКАЦЫІ КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ ДВУХ АБРАДАЎ НА БЕЛАРУСІ

Фарміраванне беларускай універсітэцкай традыцыі звязана з дзейнасцю Віленскага ўніверсітэта. Адкрыты ў 1803 г. ен стаў галоўным цэнтрам навуковага і інтэлектуальнага развіцця края. Вялікі ўплыў на спецыфіку фарміравання вышэйшай навучальнай установы аказаў апекун Віленскай вучэбнай акругі князь Адам Чартарыйскі (1803–1823). Імкнучыся каб новы універсітэт быў не горш за заходнееўрапейскія князь падтрымаў прапанову адкрыць пры ім вышэйшую багаслоўскую школу для каталіцкага і уніяцкага духавенства.

29 (11 мая) красавіка 1803 г. князь Адам Чартарыйскі падаў імператару Аляксандру I запіску аб заснаванні пры Віленскім універсітэце Галоўнай духоўнай семінарыі. Groшы на яе ўтрыманне прапаноўвалася браць з манастыроў і прыходаў, якія валодаюць вялікімі капіталамі і прыгоннымі [1]. Акрамя ўсяго, адкрыцце Галоўнай семінарыі давала магчымасць атрымаць вышэйшую багаслоўскую адукацыю мясцоваму кліру. Да

заснавання Галоўнай семінарыі вышэйшую багаслоўскую адукацыю можна было атрымаць на маральным факультэце Віленскага універсітэта, але курс багаслоўя на ім быў арыентаваны на свецкіх студэнтаў і не адпавядаў патрабаванням падрыхтоўкі духавенства. На думку Д. А. Талстога: “Выхаванне для духавенства настолькі ж значнае, як і для іншых саслоўяў, і нават значней, таму што святары павучаюць народ” [2].

18 (30) мая 1803 г. ў новым статуце Віленскага універсітэта, паведамлялася аб намеры заснаваць пры Віленскім універсітэце Галоўнай духоўнай семінарыі “дзеля дасканалай адукацыі святароў каталіцкага веравызнання” [3]. Акурат праз два месяцы, 18 (30) ліпеня 1803 г., выйшаў “Указ аб заснаванні пры Імператарскім Віленскім Універсітэце Галоўнай семінарыі для святароў каталіцкага веравызнання Магілеўскай, Віленскай, Луцкай, Самогіцкай, Камянец-Падольскай і Мінскай Епархіі, і для святароў грэка-каталіцкага веравызнання Полацкай, Брэст-Літоўскай і Луцкай Епархій” [4]. Ва ўказе падкрэслівалася, што семінарыя заснавана па жаданню каталіцкага духавенства, “каб тыя, хто прысвяціў сябе духоўнаму чыну, маглі атрымліваць усе патрэбныя для гэтага навукі” [5]. Духоўнай рыма-каталіцкай калегіі было загадана вызначыць, зыходзячы з колькасці прыходаў, колькасць клірыкаў, неабходных для падрыхтоўкі да духоўнага сану. Яна павінна была займацца і размеркаваннем грошай, якія былі выдзелены на патрэбы Галоўнай семінарыі. На ўтрыманне семінарыі выдзялялася 15000 рублеў срэбрам (з іх 500 бралася з даходаў базіліянскіх манастыроў). Для стварэння статута семінарыі было загадана арганізаваць спецыяльны камітэт пад кіраўніцтвам рэктара Віленскага універсітэта з трох прафесараў багаслоўскага факультэта, двух членаў віленскай кафедральнай капітулы і аднаго уніяцкага прэлата [6]. Указанні, дадзеныя камітэту, былі пакладзены ў аснову статута Галоўнай семінарыі.

Згодна з пунктам VII вышэйназванага статута, духоўныя семінарыі, якія знаходзяцца ў розных каталіцкіх епархіях, павінны ўзгадняць спосаб навучання і выхавання з планам Галоўнай семінарыі [7]. У апошніх пунктах загаду было сказана, што “як вышэйшае званне патрабуе неабходнай ступені пазнання, так па сканчэнні дзесяці год ад заснавання пры Віленскім

універсітэце Галоўнай семінарыі, ніхто з рыма–каталіцкага духавенства не можа быць епіскапам, прэлатам, канонікам, асэсарам каталіцкай калегіі, афіцыялам, суддзей, прапаведнікам пры саборах і іншых гарадскіх прыходах, не скончыўшы Галоўнай семінарыі, выключэннем з’яўляюцца тыя, хто атрымаў ступень доктара багаслоўя ці права ад Віленскага ўніверсітэта, ці прад’являць на гэтыя ступені патэнты, якія заслугоўваюць павагі”. Гэта ж датычылася і манахаў: ніхто не мог быць прапаведнікам у манастыры, святаром у прыходзе, выкладчыкам у школе, кіраўніком ордэна ці манастыра, калі не скончана адукацыя ў Віленскім універсітэце, ці “калі не прайшоў іспыты ў ім і меў пасведчанне аб дастатковым яго веданні”. Выключэннем з’яўляўся ордэн Братоў міласэрнасці, або Баніфратраў [8].

Справа рухалася даволі марудна і толькі 6 (18) верасня быў зацверджаны распрацаваны вышэйадзначаным камітэтам статут Галоўнай семінарыі для каталіцкага духавенства пры Віленскім універсітэце [9]. Згодна са статутам, клірыкі, якія атрымліваюць адукацыю ў семінарыі, вывучалі як свецкія навукі, так і навукі, якія маюць непасрэдныя адносіны да духоўнага звання. Акрамя таго, адпаведна статуту, усе навукі падзяляліся на два разрады: абавязковыя для ўсіх студэнтаў і факультатыўныя, якія вывучаліся па жаданню і здольнасцях кожнага. Абавязковымі для ўсіх навучэнцаў былі: Святое Пісанне, дагматычнае і маральнае багаслоўе, гісторыя царквы і царкоўнае права, лацінская і польская славеснасць, прыродазнаўчая гісторыя, батаніка, фізіка, земляробства, гігіена, логіка і грэцкая мова. Навучанне ў семінарыі доўжылася чатыры гады, але было агаворана, што калі вучань праяўляў здольнасці да якой-небудзь з навук, то савет, які стаяў на чале семінарыі, мог пакінуць студэнта яшчэ на год для больш глыбокага ўдасканалення ведаў. Усе клірыкі павінны былі жыць у семінарскім будынку, пад пільным наглядом семінарскага кіраўніцтва, насіць аднолькавага колеру і крою вопратку і выконваць усе прадпісаныя семінарскія інструкцыі. Калі клірык у першы год навучання аказваўся няздатным да навук ці “злосным” парушальнікам статута, то такога вучня было прадпісана высылаць з семінарыі згодна са статутам Віленскага ўніверсітэта. Начальнік семінарыі выбіраўся раз у тры гады багаслоўскім аддзяленнем таварыстваў, двума членамі Віленскай капітулы, ды

адным прэлатам уніятаў і зацвярджаўся рыма-каталіцкай калегіяй. Згодна з указам Аляксандра I семінарыя была пастаўлена ў шчыльную сувязь з універсітэтам. Так, выкладанне духоўных і свецкіх навук было ўскладзена на прафесараў Віленскага універсітэта [10]. Савет Галоўнай семінарыі штогод павінен быў падаваць данясенне аб яе стане ва універсітэт, а універсітэт уключаў гэтыя звесткі ў сваю гадавую справаздачу [11]. Ніхто са студэнтаў Галоўнай віленскай семінарыі не мог адмовіцца ад уступлення ў духоўнае званне. У статуте 1806 г. паведамлялася, што “ніхто з клірыкаў, прынятых у Галоўную семінарыю не можа пакінуць духоўнага стану, калі б толькі змог прывесці на тое дастаткова ўважлівыя і справядлівыя прычыны” [12]. Па правілах 1808 г., кожны, хто паступае ў семінарыю, акрамя неабходных дакументаў, павінен быў запісаць у спецыяльнай кнізе, што ён шчыра жадае паступіць у духоўнае званне і пасля заканчэння семінарыі вернецца ў сваю епархію ў поўнае распараджэнне мясцовага епіскапа [13].

Статут Галоўнай семінарыі не адхіляў вышэйшае каталіцкае духавенства ад удзелу і назірання за выкладаннем і выхаваннем клірыкаў, але значна абмяжоўваў магчымасці ўмяшальніцтва ў справы семінарыі з боку духоўных іерархаў. Адкрыцце семінарыі не выклікала прыхільнасці сярод большай часткі каталіцкага духавенства ў сувязі з тым, што парушалася кананічная пастанова аб непасрэдным наглядзе і аб царкоўнай адукацыі будучых святароў мясцовымі епіскапамі. Многія прадстаўнікі каталіцкага духавенства былі супраць допуску уніятаў у Галоўную семінарыю і па гэтай прычыне працівіліся яе адкрыццю. Тым не менш, уніяты дамагліся не толькі права на атрыманне вышэйшай багаслоўскай адукацыі, а і ўплыву на яе. У выніку, амаль 20 год князю Адаму Чартырыйскаму даводзілася адстойваць Галоўную семінарыю ад нападкаў і хлуслівых абвінавачванняў з боку епіскапаў і правінцыялаў розных манаскіх ордэнаў, асабліва дамініканцаў і базіліян. Яму не раз даводзілася звяртацца з хадайніцтвам да міністра духоўных спраў і народнай адукацыі князя А.Н. Галіцына (1816–1824). У адным са сваіх лістоў да яго, даказваючы неабходнасць існавання семінарыі, князь Адам падкрэсліваў, што “У свеце асвета ідзе паўсюдна, і навучанне

духоўных асоб павінна ісці наперад. Менавіта для гэтага і была адкрыта пры Віленскім універсітэце Галоўная семінарыя” [14].

Нягледзячы на ўсе, урачысты акт адкрыцця Віленскай Галоўнай духоўнай семінарыі, у прысутнасці прафесараў універсітэта і мясцовай губернскай улады адбыўся 24 мая (7 чэрвеня) 1808 г. Першым рэгенсам Галоўнай семінарыі быў абраны ксендз Валянцін Знамяроўскі (1808–1810). Пасля яго смерці рэгенсам стаў ксендз Анджэй Бенедыкт Клангевіч (1810–1816). Менавіта ў гэты перыяд семінарыя перажывала найбольш цяжкія часы. Вайна 1812 г. зрабіла свае карэктывы – заняткі былі спынены, а клірыкі адпушчаны ў свае епархіі. Толькі ў восень 1816 г. заняткі ўзнавіліся [15].

Выкладанне ажыццяўлялася на польскай мове, за выключэннем моў і спецыяльных прадметаў, якія чыталіся на латыні; на польскай мове складаліся і прамаўляліся пропаведзі, даваліся вусныя адказы вучняў, польская мова была агульнапрынятай мовай зносін паміж студэнтамі як Віленскага універсітэта, так і Галоўнай семінарыі. Мітрапаліт Іосіф пасля ўспамінаў, што з семінарыі выйшаў з вельмі пасрэднымі ведамі рускай літаратурнай мовы [16], але набыў шмат польскага патрыятызму [17].

Супольная адукацыя уніяцкіх і каталіцкіх клірыкаў працягвалася аж да 22 красавіка (4 мая) 1828 г. З 26 мая (7 чэрвеня) 1828 г., уніяцкія епархіі больш не накіроўвалі навучэнцаў у віленскую Галоўную семінарыю [18]. Магчыма, што супольнае навучанне католікаў і уніятаў павінна было на думку князя Адама як мага больш зблізіць іх і, такім чынам, аддаліць апошніх ад праваслаўнай царквы. Ускосна гэты факт пацвярджае ў сваіх успамінах і будучы ідэолаг ліквідацыі уніяцкай царквы на беларускіх землях Іосіф Сямашка: “Я з удзячнасцю ўспамінаю цудоўныя адносіны каталіцкіх начальнікаў і прафесараў Галоўнай семінарыі да яе уніяцкіх выхаванцаў – адносіны гэтыя, здаецца, былі разлічаны на тое, каб прывязаць іх да рымскай царквы” [19]. Аднак, як не парадаксальна, менавіта выхаванцы гэтай вышэйшай навучальнай багаслоўскай установы (літоўскі мітрапаліт Іосіф (Сямашка), віцэ-старшыня літоўскай кансісторыі Міхаіл (Галубовіч), епіскап аршанскі Васіль (Лужынскі), епіскап брэсцкі

Антоній (Зубко) і інш.) ў час праўлення імператара Мікалая I падрыхтавалі і правялі Полацкі сабор 1839 г.

Віленская Галоўная семінарыя праіснавала да 1832 г. і была зачынена разам з Віленскім універсітэтам за ўдзел яе выхаванцаў у паўстанні. На яе месцы 1 (13) ліпеня 1833 г. была створана асобная рыма-каталіцкая духоўная акадэмія, якая ў 1842 г. была ў поўным складзе пераведзена ў г. Санкт-Пецярбург.

Такім чынам, адкрыцце Галоўнай віленскай семінарыі пры Віленскім універсітэце дазволіла рыхтаваць каталіцкіх і ўніяцкіх святароў у межах Расійскай дзяржавы і цалкам адпавядала традыцыям заходнееўрапейскай вышэйшай адукацыі. Тут вучылі не толькі багаслоўскім навукам, але і фарміравалі іншы светапогляд, які адрозніваўся ад дагматаў і руціны сярэднявечнай схаластыкі.

Заўвагі

1. *Бобровский П. О.* Подготовка реформ в русской греко-униатской церкви (1803–1827 г.): (ответ профессору М. Кояловичу). – СПб., 1889. – С. 19.
2. *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: ист. исследование графа Д. А. Толстого. – СПб., 1876. – Т. 2. – С. 248.
3. Указы Александра I об утверждении предварительных правил народного просвещения, документы, изданные в результате его указов. – Вильно, 1803. – С. 22.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 84. – Д. 741. – Л. 13.
5. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: в 39 т. – Т. 16: Документы, относящиеся к истории церковной унии в России. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1889. – СХLII. – С. 37.
6. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 84. – Д. 741. – Л. 1.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 1. – Т. 27. – С. 782–783.
8. Там же. – С. 783.
9. Там же. – Т. 29. – С. 711–715.
10. Там же. – С. 712–714.
11. *Толстой Д. А.* Указ. соч. – С. 252.
12. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. 29. – С. 715.
13. *Жукович П.* Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832 гг.) // Христианское чтение. – 1887. – № 3/4. – С. 262–263.
14. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: в 39 т. – Т. 16. – С. 456.

15. *Beavoius D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich (1803–1863). – Lublin, 1991. – Т.1. – S.35.

16. *Семашко И.* Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: [в 3 т.]. – СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1883. – Т. 1. – С. 26.

17. Там же. – С. 438.

18. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: в 39 т. – Т. 16. – С. 115, 125.

19. *Семашко И.* Указ.соч. – С. 16.

П.С. Крючек(Республика Беларусь,г. Минск)

БЕЛОРУСЫ В СИБИРИ: ЭТАПЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Освоение Сибири издревле осуществлялось многими народами, каждый из которых привносил на ее территорию свои оригинальные формы хозяйствования и духовной культуры. Значительный вклад в освоение Сибири внесли белорусы. Многие из них ассимилировались на широких просторах Сибири, другие на протяжении длительного времени продолжали сохранять свою белорусскую идентичность.

Белорусский этнос – один из народов, чей миграционный вектор направлялся в Россию на протяжении многих столетий, начиная со времен Великого княжества Литовского. На первом этапе миграция из Беларуси явилась итогом многочисленных войн между Московским государством и Речью Посполитой на территории Великого княжества Литовского, большую часть населения которого составляли белорусы или же, как их тогда называли, «литвины». Нередко пленных литвинов отправляли в качестве служилых людей за Урал, где они вместе с русскими первопроходцами принимали участие в хозяйственно-культурном освоении Сибири [1].

Однако массовые переселения белорусов в Сибирь начались только в XIX в., после включения белорусских земель в состав Российской империи.

Первая волна переселения белорусов в Сибирь связана с разгромом восстания в Польше в 1830–1831 гг., в котором

участвовали и белорусские шляхтичи. Вместе с поляками они тоже оказались в Сибири.

Вторая волна миграции пришлась на 40–50-е гг. XIX в. во время так называемых «киселевских» переселений, когда известный реформатор граф П.Д. Киселев разработал программу освоения восточных окраин Российской империи. В это время в Сибирь пришло несколько организованных партий выходцев из Витебской губернии. Переселенцы именовали себя «панцирными боярами» – мелкая служивая шляхта не сумевшая подтвердить свое дворянское происхождение.

Наиболее мощные миграционные потоки в Сибирь пришлись на вторую половину XIX в. Реформа 1861г., освободив крестьян от крепостной зависимости, дала тем самым определенный простор развитию производительных сил, что выразилось также в ускорении демографического роста. Однако к концу XIX в. реформа исчерпала себя политически и экономически. Примерно к 80–90-м гг. XIX в., обнаружилось несоответствие демографического и технико-экономического развития. Дело в том, что в земледелии по-прежнему преобладали экстенсивные способы ведения хозяйства. Форма и структура крестьянского хозяйства были таковы, что к этому периоду были исчерпаны возможности сохи и трехполья.

По расчетам дореволюционных статистиков и экономистов, трехполье могло выдержать примерно 50 человек на квадратном километре полезной площади [2]. В Беларуси к этому периоду на такую площадь приходилось 70–80 человек, что свидетельствовало о большой аграрной перенаселенности. На рубеже XIX–XX вв. она составила не менее 1/3 ко всему сельскому населению северо-западного края. Слабое развитие промышленности в белорусских городах не могло поглотить огромную, превышающую 1,5 млн. избыточную армию сельских тружеников.

В таких условиях переселение в другие районы страны, преимущественно в Сибирь, стало явлением неизбежным. Так, за 1885–1906 гг. из северо-западных губерний России переселились в Забайкальскую область, Томскую и Тобольскую губернии 194,2 тыс. человек, почти две трети из них были выходцы из Могилевской и Витебской губерний. Южные территории

Российской империи, такие как Бессарабская, Екатеринославская и Херсонская губернии, области войск Донского и Кубанского и ряд других, также приняли переселенцев с белорусских земель.

Миграция на рубеже XIX–XX вв. превратилась в крупный фактор экономического и демографического развития Беларуси. В 1897 г. Могилевская губерния, например, дала 3602 и Витебская 3490 переселенцев. В последующие годы число переселенцев значительно возросло. В 1908 г. на долю белорусских губерний пришлось 17,2% всех переселенцев России. Об интенсивности и масштабах переселенческого движения в Беларуси можно судить по следующим фактам. Из 4650 тыс. всех переселенцев и ходоков России в период 1869–1915 гг. белорусские губернии (Виленская, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская) дали свыше 600 тыс. Значение этого факта будет особенно понятно, если учесть, что шесть центрально-промышленных губерний России дали всего 66 тыс. переселенцев[3].

Лишь в 1904–1905 гг. (предреволюционный и революционный годы) переселение резко замедлилось. Однако с началом проведения столыпинской аграрной реформы переселенческие процессы снова ускорились.

В годы столыпинской реформы, переселение стало приоритетом государственной политики, имея одновременно аграрное и геополитическое значение.

Территория Азиатской России была разделена на 12 переселенческих районов с землеустроительными и землеотводными партиями, агрономическими, медицинскими, школьными, дорожными, гидротехническими отделами. Впоследствии переселенческие земли ежегодно распределяли между губерниями и уездами Европейской России по особой предварительной разверстке в виде долей, на которые направлялись ходоки. В строгом соответствии с количеством этих долей выдавались в местах выхода переселенцев ходаческие свидетельства.

Технологически, процесс переселения состоял из нескольких этапов. На первом, создавались организованные ходаческие группы, состоящие, как правило, из домохозяев. Ходок мог отправляться не только от имени одной семьи, но и по

поручению сельского общества или товарищества. Таким организованным ходакам выдавались на руки переселенческие свидетельства, удостоверяющие их статус и дающие транспортные льготы. Количество ходоков, равно как и количество запросов, от сельских обществ соответствовало числу земельных долей, определяемых Переселенческим управлением в соответствии с проведенным мониторингом свободных и пригодных для заселения территорий.

На втором этапе, в случае договоренностей между ходоком и местной администрацией, на место поселения выезжала семья переселенца или целое крестьянское поселение. При этом и проезд ходока, и перемещение его семьи (в один или оба конца) полностью (впоследствии частично) оплачивались за счет казны. Лица, проживающие за Уралом могли получать ходаческие свидетельства только при переселении на Дальний Восток.

Был разработан комплекс мер для финансовой поддержки переселенцев. Ещё 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся», Они пересматривались и дополнялись в 1896, 1899, 1903, 1909 гг. В окончательном виде они составили закон от 19 апреля 1909 г. «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев».

В Сибири и на Дальнем Востоке земля отводилась крестьянам-переселенцам в «частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Это был шаг к введению здесь частной собственности на землю.

Норма отвода земли в Сибири крестьянам-переселенцам составляла 15 десятин в расчете на одну «мужскую душу». При этом семья получала 35–40 десятин земли. Ей также предоставлялось государством единовременное пособие на обзаведение хозяйством в сумме 165 рублей в Сибири и 200 рублей – на Дальнем Востоке [4].

Государство полностью брало на себя расходы на переезд в Сибирь крестьян и его организацию. Столь льготные условия благоприятствовали быстрому переселению крестьян за Урал. За 1906–1915 г. за Уралом было отведено крестьянам-переселенцам 36 млн. десятин земли.

Следует отметить, что П. Столыпин, сохраняя кредиты, на первое место выдвигал все же вещественные рычаги помощи. Помощь реализовалась в натуральном виде, а именно: путем создания инфраструктуры, в виде семян, инвентаря. Все это можно было использовать только в хозяйственной деятельности (продать это в Сибири было некому).

Межевые экспедиции не только выявили новые земли, но и проводили съемки, составляли проекты отвода земель переселенческим хозяйствам и проводили единоличное землеустройство.

Размещение переселенцев в Сибири, т.е. в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях происходило в двух направлениях: во-первых, на землях, которые частично были заняты ранее переселившимися старожилами и коренным населением; и во-вторых, на совершенно свободных местах. В соответствии с этим способы землеустройства были различными.

В первом случае проводилась съемка фактического пользования, составлялся проект ограничения земельного надела с расчетом не более 15 десятин на наличную мужскую душу и лесной надел до трех десятин. Оставшиеся земли отводились для размещения новых переселенцев.

Во втором случае отвод участков переселенцам производился непосредственно вслед за изысканием пригодных для земледелия массивов. После обследования и съемки производился расчет возможной площади по числу душ, исходя из указанной выше нормы земли на душу.

Наиболее мощная волна переселений из белорусских губерний приходится на 1907–1909 гг. Так за период с 1904 по 1914 гг. из пяти западных губерний переселилось 356 378 человек. Из них в течение 1904–1906 гг. выехало 21 012 человек, что составляло 5,9% переселенцев. В тоже время на 1907–1909 гг. приходится 248 354 человек, или 69,8% всех переселившихся [5]. В 1907 г. переселенческое движение приобрело особенно массовый характер. В частности газета «Могилевский Вестник» отмечала, что губернию «охватила какая-то переселенческая горячка. Уезжали стар и млад, уезды выбрасывали ежедневно в губернский город сотни переселенцев, и мечта «ў Томск!» сделалась лозунгом всех и всякого» [6].

Переселенческое движение по отдельным губерниям было неравномерным. Наибольшее число переселенцев пришлось на Могилевскую и Витебскую губернии, где крестьяне испытывали наиболее острый земельный голод. Так из 294 367 переселенцев из пяти западных губерний за период с 1907 по 1911 гг. на две восточные пришлось 211 694 человека или 71,9%. Могилевская губерния по численности переселенцев занимала третье, а Витебская – восьмое место среди всех губерний Российской империи. В тоже время переселенческое движение в Гродненской губернии было весьма незначительным. Это было связано с тем, что крестьяне здесь не испытывали острого малоземелья. К тому же более высокий уровень развития капитализма и повышенный спрос на наемную рабочую силу давали возможность разорившимся крестьянам пайти работу в пределах родной губернии [7]. Переселялась в основном крестьянская беднота. Так 64% переселенцев имели на Родине надел меньше пяти десятин на двор и только 2 % имели надел свыше 15 десятин [8].

Переселенцы из Витебской губернии направлялись преимущественно в Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии, а из Минской, кроме того, в Иркутскую, Амурскую, Приморскую, Акмолинскую губернии.

Сопоставление данных переселений из белорусских губерний с переселениями в общероссийском масштабе показывает, что за годы реализации Столыпинской аграрной реформы общая численность переселенцев по России составила 2 901 269 человек, из них на пять западных губерний приходилось 335 369 человек, или 11,6 %. В тоже время за 12 лет предшествующих реформе 73 губернии России дали 1 560 905 переселенцев. В том числе из пяти западных губерний – 278 124 человека, или 18 %. Таким образом удельный вес белорусских губерний в общей массе сократился. Тем не менее общая численность переселенцев значительно возрасла [9].

Следует отметить, что в годы Столыпинской реформы качественный состав переселенцев значительно изменился. Если в 70–80-х гг. XIX в., когда переселенческие процессы всячески сдерживались властями, среди мигрантов преобладали активные элементы, которые «надеялись лишь на себя и на Бога» то когда эти процессы разрешили, «хлынула серая масса, которая всегда

ждет милости от начальства» [10]. То есть переселялись в основном те, кто не смог перестроить свое традиционное хозяйство дома.

В тоже время Сибирь выдвигала свои требования. Как отмечал известный российский либеральный экономист А. Кауфман «Сибирская тайга не годится для массового переселенца. Он ее боится» [11].

В результате переселенцы столкнулись с огромными сложностями. По официальным данным за 1908 год по всей России на каждую тысячу переселенцев приходилось 118 человек погибших от тяжелых условий в пути и на новых местах [12]. Итогом всего этого стало массовое обратничество т.е. возвращение крестьян в родные места. В течении 1907 – 1914 г. в Беларусь возвратилось 36 544 чел., или 10,9% всех переселившихся. Наибольшая волна возвращенцев пришлась на 1910–1911 гг., когда в родные места вернулось 13 597 чел. Или 37,2 % все возвратившихся [13]. В качестве главных причин возвращения крестьяне в частности указывали плохие условия климата и нехватка угодий (41 % возвращенцев), постоянные неурожаи (15%), нехватку средств для обустройства на новом месте (10%). Остальные заявили, что вернулись временно или по другим причинам [14].

И все-таки основная масса переселенцев была вынуждена адаптироваться к новым условиям жизни.

Уже сам по себе процесс переселения белорусских крестьян в Сибирь стал одной из отправных точек в формировании их новой идентичности. Об этом свидетельствует широко распространенное в Сибири название «самоходы», которое применялось для обозначения переселенцев из западных губерний и, прежде всего, из современной Беларуси. В белорусском языке слово «самохаць» означает «добровольно, по своему желанию» [15]. Таким образом самоходами были люди, которые пришли в Сибирь самовольно. Тем самым это была самая мобильная часть переселенцев, которые не побоялись пройти несколько тысяч километров в поисках лучшей доли. В повседневной жизни слово «самоход» часто заменял определение национальной принадлежности крестьян [16]. Это было во многом связано и со слабой национальной самоидентификацией

белорусского крестьянства, которое часто употребляло в качестве своего обозначения понятие «тутейший». Этноним «белорус» окончательно закрепился лишь 20-х годах XX в. Поэтому у прибывших в Сибирь переселенцев доминировала не этническая, а региональная (по губернии выхода)самоидентификация. Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали довольно поздно – в 20–30 –х гг. XX в. Наиболее часто осознанию их национальной принадлежности способствовали оставшиеся связи на родине или внешняя национальная идентификация [17].

Первые поколения белорусских крестьян, переселившихся на территорию Западной Сибири, имели целый ряд отличий от местного старожильского населения как в материальной, так и в духовной культуре. Данные обстоятельства на протяжении длительного времени поддерживали механизмы этнической самоидентификации белорусов-«самоходов», основанные на принципах инаковости, противопоставления себя местному этнокультурному окружению. Наиболее часто в роли старожильской среды, в которой были вынуждены существовать переселенцы, выступали чалдоны, составлявшие большинство старожилов, и двоеданы (старообрядцы).

Для переселенцев из Беларуси существовало два основных варианта расселения в Сибири. Первоначально группы белорусских переселенцев, прибывшие в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв., основывали собственные компактные поселения, образующие кусты деревень или хуторов. На первых порах в них продолжали доминировать традиционная культура и принципы хозяйствования, привнесенные из мест прибытия переселенцев. Однако в 20–30-х гг. XX в., в результате проведения политики коллективизации, стали создаваться крупные поселки. В них проходили процессы разрушения традиционного жизненного уклада переселенцев, что приводило к размыванию граней их этнокультурной самоидентификации.

В результате здесь произошла почти полная ассимиляция потомков белорусских переселенцев [18].

Иная ситуация сложилась в местах, которые не охватила волна массовой коллективизации. Вследствие этого в некоторых районах Сибири и Урала сохранились небольшие белорусские

деревни, население которых продолжало жить достаточно обособленными общинами, в которых на протяжении нескольких поколений сохранялась высокая степень идентичности, сопровождаемая воспроизводством многих региональных особенностей материальной и духовной культуры, присущих местам выхода предков [19].

Второй вариант расселения белорусов предусматривал подселение части переселенцев в деревню, в которой проживало старожильческое население. При этом переселенческая община чаще всего продолжала жить автономно, на протяжении многих лет не интегрируясь в старожильческую среду.

Такая ситуация часто приводила к конфликтам между местным населением и переселенцами. Иногда ситуация доходила до того, что не только деревня, но и кладбище официально делились на две части – «старожильческую» и «самоходную» [20].

Безусловно, подобное противостояние старожильческих и новопоселенческих крестьянских общин, основанное на мировоззренческой оппозиции «свой/чужой», не только препятствовало быстрой ассимиляции белорусских переселенцев на новом месте, но и в некоторых случаях даже обуславливало усиление их этнокультурной самоидентификации. Противопоставление себя культуре местных жителей, наряду с окружающими суровыми природно-климатическими условиями, способствовало сплочению приехавших в Сибирь белорусов на разных уровнях общности. Первым из них являлась система компактного расселения – расположенные в непосредственной близости друг от друга места проживания белорусов, которые вели между собой торговлю, приезжали друг к другу на праздники, с целью сватовства и т.д. Подобные общности местные жители отождествляли со своеобразными национальными анклавами – островками родной культуры. Ко второму уровню можно отнести поселенческую общину, составляющую либо целое поселение (деревню, село, хутор, поселок), либо его отдельную часть (в случае смешанных поселений); к третьему – семью, род.

Таким образом, переселенцы из Беларуси продолжительное время сохраняли в Сибири свою самобытную духовную и

материальную культуру, несмотря на явную, изначально предусмотренную в циркулярах чиновников политику русификации. При оформлении документов на переселенцев в пунктах отправления изменялись на русский лад фамилии и имена белорусов. Так, исконно белорусская фамилия Коваль превращалась в Ковалева, Жук в Жукова, Равенок – в Равенкова, имя Михась – в Михаила, Томаш – в Фому и т. п. Но вытравить дух самобытности, белорусской народной культуры, древний славянский язык белорусов чиновникам было не под силу. Для этого потребовалось столетие. Духовная культура белорусов-сибиряков в течение XX в. ассимилировалась с местными обычаями и традициями русских и других народов. Появился особый тип современного регионального этноса, этнос – сибирский белорус, или, как еще в шутку говорят, – «морозоустойчивый белорус».

И по сей день, многие из переехавших за Урал не считают себя глубинными сибиряками, потому что внутренняя связь с европейской историей сохраняется и волнует.

Примечания

1. *Кухта С.В.* Белорусское переселенческое движение в Сибирь в дореволюционный период: этапы и особенности // Молодёжь и наука: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012.

2. *Кауфман А.А.* Община. Переселение. Статистика. – М.: Г. Леман и Б. Плетнев, 1915. – С. 165.

3. *Верещагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии (Вторая половина XIX в.). – Минск: Наука и техника, 1978. – С. 167.

4. Там же.

5. *Липинский Л.П.* Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. – Минск: Издательство БГУ, 1978. – С. 122.

6. Могилевский вестник. – 1913. – 10 марта.

7. *Дудкоў Д.А.* Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерніі. – Мінск, 1931. – С. 205.

8. Беларуска-Рускі слоўнік. – Мінск: Авесэв, 2003. – С. 91.

9. *Липинский Л.П.* Указ. соч. – С. 125–126.

10. *Верещагин П.Д.* Указ. соч. – С. 168.

11. *Кауфман А.А.* Указ. соч. – С. 166.

12. *Липинский Л.П.* Указ. соч. – С. 131.

13. Там же. – С. 132.
14. Дудкоў Д.А. Указ. соч. С. 92.
15. Беларуская-Рускі слоўнік.
16. Федоров Р.Ю., Багордаева А.А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. – 2014. – №3. – С.69.
17. Там же. – С. 70.
18. Там же.
19. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №3(51). – С. 129.
20. Там же. – С. 126.

В.Н. Ракачев (Российская Федерация, г. Краснодар)

ИЗ КОММУНИСТА В ДИССИДЕНТЫ: ФЕНОМЕН МИЛОВАНА ДЖИЛАСА

Вторая половина XIX в. – яркий и плодотворный период развития европейской социологической мысли. Сложившиеся модели общественного развития уже не отвечали стремительно меняющимся экономическим условиям, нуждались в обновлении и новом идеологическом обосновании. Свое объяснение происходящих событий с точки зрения развития производительных сил и производственных отношений давал марксизм, который быстро стал одним из наиболее популярных революционных учений в конце XIX – начале XX вв.

Практическая реализация марксистских идей была предпринята в Советской России. Интерпретация марксизма В.И. Лениным и его последователями, в первой очередь И.В. Сталиным была весьма и весьма неоднозначной. Однако сложность внешнеполитической ситуации в которой оказалось первое Советское государство, изоляция СССР от враждебного капиталистического мира и установившийся внутригосударственный террор, исключали любой дискурс относительно трактовки марксистских идей.

Ситуация меняется после Второй мировой войны, из которой

СССР вместе со странами-союзниками выходит победителем. Освобождение от фашизма Красной Армией стран Европы способствовало продвижению в некоторых из них коммунистических идей посредством социалистически ориентированных правительств. В результате на карте мира вместо единственной «страны победившего социализма» появляется новое геополитическое образование – страны «социалистического блока». Однако, марксисты, пришедшие к руководству в этих странах, понимали идеи Маркса-Энгельса во многом по-своему и зачастую не собирались в точности следовать советской модели построения нового государства.

Одной из таких стран социалистического блока была Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ) [1]. В 1945 г. ФНРЮ образуется на основе объединения шести балканских республик и с 1949 г. реализует социалистическую модель общественного устройства. Югославские партийные и государственные лидеры выступали, с одной стороны, за приверженность советским идеям, а с другой считали, что социалистическая модель предусматривает различные вариации. Такая свобода мнений в социалистической Югославии была возможной в силу ряда причин. Это, прежде всего, особый статус Югославии в социалистическом лагере, который закрепился за ней благодаря активной роли югославских коммунистов в освобождении страны от фашистской оккупации во время Второй Мировой войны. А также тем фактом, что социалистический путь развития Югославия выбрала самостоятельно, в отличие от большинства стран социалистического лагеря, принявших социалистическую модель под давлением со стороны Советского Союза.

Главными идеологами и реализаторами социалистической модели в ФНРЮ стали Э. Кардель, Б. Кидрич, И. Тито, В. Бакарич, В. Влахович, С. Вукманович-Темпо, Л. Колишевски, М. Пияде и другие государственные и политические деятели.

В программном докладе 1948 г. Б. Кидрич, признавая единую с ВКП(б) генеральную линию в построении социализма и коммунизма, в тоже время высказал несколько существенных замечаний, основная суть которых сводилась к тому, что социализм заметно расширил свои границы и СССР уже не

единственная социалистическая страна. При общей идеологии экономическое развитие социалистических стран, отмечал Б. Кидрич, может быть вариативным: «... конкретные пути и конкретные формы, с помощью которых мы стали строить социалистическую экономику в нашей стране, не только не могли, но и не должны были быть тождественны путям и формам Советской России после Октябрьской революции... должны принимать в расчет как наши специфические внутренние условия, так и новые общие условия»[2].

В похожем направлении высказывались и другие государственные и политические деятели Югославии. Но если данный спор, даже в период обострения советско-югославских отношений, не выходил за рамки учета локальных особенностей социалистической модели в отдельно взятой стране, то открытая критика советской социалистической модели видным партийным и государственным деятелем ФНРЮ Милованом Джиласом была сильным ударом по престижу СССР и социалистической системе в целом.

М. Джилас сумел заметить в социальных и экономических процессах, происходящих в югославском обществе, ряд противоречий присущих советскому социалистическому строю в целом. Он обратил внимание на то, что новое социалистическое общество, декларировавшееся как бесклассовое, на самом деле породило новый класс – бюрократию, тесно связанную с партийным аппаратом. Это, в свою очередь, негативно отразилось на экономическом и политическом развитии социалистических стран. Эти идеи М. Джилас изложил в серии статей, опубликованных в октябре 1953 – январе 1954 г. в газете «Борьба» (*Борба – серб.*) – официальном органе Союза коммунистов Югославии (СКЮ).

Особая опасность таилась в том, что М. Джилас был фигурой весьма авторитетной – являлся председателем союзной народной Скупщины (высшего представительного и законодательного органа ФНРЮ), членом коммунистической партии Югославии с 1932 г., одним из руководителей партизанского движения в годы Второй Мировой войны, видным государственным и партийным деятелем, сподвижником Иосипа Броз Тито.

И. Тито экстренно собирает Третий чрезвычайный Пленум

ЦК СКЮ который был посвящен персональному делу М. Джиласа. На пленуме И. Тито выступил с резкой критикой политических последствий деятельности М. Джиласа, а Э. Кардель рассмотрел ошибочность его теоретических взглядов [3].

Отношение к М. Джиласу резко меняется, он был смещен со всех партийных и государственных постов, а в марте 1954 г. вышел из СКЮ. В конце 1954 г. после интервью, которое он дал газете «Нью-Йорк Таймс» и где изложил суть своей позиции, М. Джилас был приговорен к полутора годам условного тюремного заключения за «враждебную пропаганду».

И хотя большинство работ М. Джиласа было запрещено в ФНРЮ и в целом в странах социалистического лагеря, они были широко известны в кругах диссидентов, научной общественности, где активно распространялись с помощью «самиздата» и «тамиздата» [4]. Это, прежде всего, его книги «Новый класс» и «Тито – мой друг и мой враг», изданные на английском, русском, сербском и других языках.

Интерес к его работам несколько ослабел после окончания холодной войны и распада социалистического лагеря, поскольку на первый план в общественных дискуссиях вышли другие вопросы, связанные с путями дальнейшего экономического и политического развития бывших социалистических стран. Вместе с тем, актуальность и значимость его работы приобретают сегодня, когда политическая ситуация в мире привела к критике западной общественной модели, которая уже не воспринимается безоговорочно всеми странами, а дискуссии о дальнейшей судьбе мира и моделях общественного развития продолжаются с новой силой.

В числе первых исследователей теоретического наследия М. Джиласа и в некоторой степени его последователей – политический эмигрант М.С. Восленский. В своей работе «Номенклатура» вышедшей в 1980 г. в Австрии, М.С. Восленский напрямую говорит о влиянии идей М. Джиласа на его концепцию. В то же время его работа, опирается на более серьезный теоретический фундамент и подкрепляется значительной эмпирикой в виде фактов из жизни советского общества. М. Джиласу здесь посвящена отдельная глава и дан подробный анализ его взглядов [5].

В советской литературе к идеям М. Джиласа обращаются лишь в перестроечный период, рассматривая их как в контексте процессов происходящих в югославском обществе, так и социалистической системы в целом [6].

Среди современных авторов анализу идей М. Джиласа посвящены исследования таких отечественных и зарубежных ученых как О.И. Шкаратан, М. Кастельс, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, П. Баран, А-Г. Франк, Т. Дус Сантус и др. [7].

Непосредственно к судьбе М. Джиласа и его работ обращается В.Р. Парцвания в статье: «Милован Джилас: отчуждение от власти» [8].

В этой связи рассмотрение работ М. Джиласа в контексте политических и социально-экономических процессов, происходящих в «социалистическом блоке» является актуальным и востребованным.

Примечательна сама биография М. Джиласа, показывающая довольно специфические жизненные траектории политического деятеля. Отметим некоторые ее черты, которые позволяют в определенной степени объяснить причины произошедших метаморфоз с одним из ведущих югославских коммунистических политиков и идеологов.

М. Джилас родился в 1911 г. в деревне Подшибче в Королевстве Черногория. Еще во время обучения в школе он проявил склонность к изучению литературы, к этому периоду относятся его первые поэтические опыты. После окончания школы он в 1932 г. поступает в Белградский университет, где изучает философию и право. Однако увлечение левыми идеями, распространенными в этот период среди югославской молодежи, коснулась и М. Джиласа. Он в 1932 г. вступает в Коммунистическую партию Югославии, в 1933 г. был арестован и пробыл в тюрьме до 1936 г. После заключения М. Джилас становится профессиональным революционером. К этому времени относится сближение М. Джиласа с И. Броз Тито. За короткий период он становится видным человеком в партии – способным решать важные задачи. В период Второй мировой войны сыграл важную роль в организации и действиях партизанского движения. К концу войны его авторитет в партийных и военных кругах Югославии был чрезвычайно

высок. Он возглавлял югославскую делегацию в ООН в 1946 г. Именно М. Джилас вел в 1949 г. переговоры со И.В. Сталиным относительно социалистического устройства страны, в которых обозначились будущие расхождения двух социалистических стран. Некоторые историки даже видели в нем потенциального наследника И. Тито.

Критика югославской партийной верхушки и социалистической модели в целом, издание книг на эту тему на Западе, привела бывшего номенклатурного работника из закрытой, привилегированной группы в тюрьму, где с перерывами выхода на свободу он пробыл до 1966 г., когда был окончательно амнистирован, но лишен всех наград и званий, присужденных СФРЮ. С 1970 г. до 1986 г. ему был запрещен выезд за границу, так как М. Джилас не только не раскаялся в содеянном, но и продолжал занятия научной деятельностью в данном направлении.

Анализ биографии М. Джиласа показывает его как личность инициативную, принципиальную, твердую в своих убеждениях. Не будучи по своей натуре конформистом, он открыто отмечал, что в советской системе не все строится согласно марксистской модели, да и сами К. Маркс и Ф. Энгельс оставили многие вопросы открытыми. Он не побоялся высказать сомнение в правильности идеологического и экономического курса страны и всего социалистического движения в целом.

Впервые знаменитая книга Милована Джиласа «Новый класс» была напечатана в 1957 г. на английском языке издательством «Фредерик А. Прегер» когда автор уже находился в заключении, а в 1961 г. то же издательство выпускает эту книгу на русском языке [9]. В этой своей работе М. Джилас рассматривает зависимость между основными элементами социальной структуры советского общества и критериями распределения частей общественного капитала, в конечном итоге – произведенных благ и услуг. Политическая бюрократия, состоящая из членов одной партии ВКП(б) ввела практическую монополию на распределение экономических ресурсов страны, в том числе и на заработную плату. «Самой большой иллюзией, считает М. Джилас, было предположение, что уничтожение капиталистической собственности, коллективизация и

индустриализация в Советском Союзе приведут к бесклассовому обществу... И в самом деле класс капиталистов и другие прежние классы были уничтожены. Но зато был создан новый класс, которого история до сих пор еще не знала... этот класс бюрократия или точнее сказать политическая бюрократия, обладает всеми характерными чертами прежних классов; но есть у него и новые, одному ему принадлежащие черты... Новый класс пришел к власти не для того чтобы закончить создание нового хозяйственного строя, а для того, чтобы установить свой собственный, нужный ему строй и подчинить своей власти все общество в целом» [10].

Вскрывая механизм эксплуатации «новым классом» трудящихся, он писал: «...перед нами особый класс, с особым видом собственности и власти... Отличительная черта нового класса – особая, коллективная собственность» [11].

На это обращает внимание О.И. Шкаратан, отмечая, что специфическая характеристика нового класса – коллективная собственность, встречалась ранее в восточных деспотиях [12]. По сути М. Джилас указывает на сходство советской модели с тем, что К. Маркс называл «азиатским способом производства».

М. Джилас говорит о том, что по мере становления и укрепления нового класса, роль партии как коллективного органа ослабевает, превращая ее по сути в олигархическую группу «притягивающую в свои ряды всех, кто стремится примкнуть к новому классу, и отталкивающую всех, у кого есть какие-то идеалы» [13].

Новый класс устанавливает монополию на власть (однопартийная диктатура), собственность (промышленность без которой новый класс не может укреплять своего положения и свой власти) и монополия на мысли (идеология). Эта монополизация меняет всю структуру власти социалистического государства. Руководство из исполняющего, творящего волю партии, из носителя «классового» партийного учения преобразуется, – точнее, не преобразуется, а продолжает свою роль в измененных условиях, – в монопольного распорядителя, сначала в обществе, а потом и в собственной партии. Партия как целостный и инициативный организм начинает коченеть, а роль руководства, чаще вождя, – укрепляться. Начинаются раздоры,

обычно вокруг «революционной» перспективы и «революционной» последовательности. А затем и расколы, и чистки «рenegатов» и «ревизионистов». В дальнейшем, правда, сохраняется способность партии в критические моменты свалить ответственность на руководство или вождя и на их привилегированный статус. Однако она и сама в действительности превратилась в привилегированный слой – в средство и социальную основу правящей олигархии [14].

М. Джилас говорит, что происходит и изменение роли вождя – если Ленин – никогда не ограничивал свободную дискуссию в партии, не делил суждения членов партии на «правильные и «неправильные», но в новом «сталинском» обществе любые дискуссии прекращались и лишь центральный партийный аппарат мог определять, что можно говорить и какой курс является правильным. «Революционная эпоха Ленина сменилась эпохой Сталина, при котором власть и собственность, а также индустриализация были настолько укреплены, что для нового класса могла начаться желаемая им мирная и обеспеченная жизнь. Революционный коммунизм Ленина сменился догматическим коммунизмом Сталина, которому в свою очередь пришел на смену недогматический коммунизм так называемого коллективного руководства, то есть группы олигархов» [15].

«Уверенность коммунистических вождей, – продолжает свои рассуждения М. Джилас, в том, что они идут по пути, ведущему к абсолютному счастью и к идеальному обществу, росла по мере роста их власти. Кто-то в шутку сказал, что коммунистические руководители в самом деле создали коммунистическое общество, но только для самих себя. И действительно, они постоянно отождествляют себя с обществом и его чаяниями. Абсолютный деспотизм они отождествляют с верой в абсолютное человеческое счастье, а получается у них из этого безграничная и всеобъемлющая тирания» [16].

Обращая внимание на тот факт, что формально советское общество декларировалось как бесклассовое, М. Джилас замечает, что иерархия в этом обществе была – рабочий класс находился в статусном плане выше крестьянства. В отдельную группу выделялась также номенклатура, и поскольку собственность в таком обществе – это право на прибыль и

контроль, все это находилось в руках у коммунистической бюрократии, что противоречило основным социалистическим принципам, способствовало сближению советской модели социализма с азиатскими диктатурами.

О близости России к азиатской модели говорит и современный философ А.Г. Дугин. В России, – пишет он, восторжествовал именно «правый марксизм», получивший название большевизма... При этом не удивительно, что социалистические революции кроме России произошли только на Востоке – в Китае, Корее, Вьетнаме и т.д. Это еще раз подчеркивает, что именно традиционные, непрогрессивные, наименее «современные», и значит наиболее «консервативные», наиболее правые народы и нации распознали в коммунизме его мистическую, духовную, «большевистскую» суть [17].

Положительное влияние нового класса, по мнению М. Джиласа, было заметно только в экономически отсталых странах, ставших на путь социалистического развития. Оно проявилось в индустриализации и распространении культуры и образования. Но советская модель позволила достичь значительных экономических успехов только на начальном этапе развития, а впоследствии новым классом же и тормозилось, а значительные достижения в области культуры и образования – были сильно идеологизированы и поставлены на службу новому классу. Вопрос ограничения свободы стал одним из проблемных вопросов социалистического общества. Как замечает сам автор «Нового класса»: «в коммунистической системе вопрос свободы стал основной проблемой, и хозяйственной жизни, и жизни вообще» [18].

В этом М. Джилас видит и кризис самой социалистической модели, предрекая ее крах в ближайшие десятилетия. Новый класс и созданная им система уйдут из современной истории, но какая память останется о «социалистической эпохе»? «Хотя революцию и можно рассматривать, как величайшее достижение нового класса, – говорит М. Джилас, способы его правления представляют собой одну из самых позорных страниц в истории человечества. Будущие поколения будут поражаться грандиозностью того, что он совершил, но будут стыдиться тех способов, которыми он этого добился. Когда новый класс сойдет

с исторической сцены – а это должно случиться – люди будут горевать о нем меньше, чем о любом другом классе, существовавшем до него. Уничтожив все, что не отвечало его эгоистическим интересам, новый класс сам себя осудил на неудачу и позорную гибель» [19].

Но все же М. Джилас не пытается только очернить социалистическую систему, советских вождей, югославского лидера И. Тито. Он старается быть объективным и беспристрастным исследователем, хотя возможно, это не всегда ему удается. В частности другая его работа – «Тито, мой друг и мой враг» [20] была довольно резко встречена американской критикой, посчитавшей, что образ лидера югославской компартии нарисован слишком «светлыми красками». Но любой взгляд в определенной степени субъективен.

Идеи М. Джиласа получили широкое распространение в СССР в период перестройки. Ряд авторов отмечает, что «с течением времени социализм в СССР стал государственным социализмом», «принял форму крайнего этатизма, антигуманного, исключившего всякую личную свободу [21]. В частности академик В.А. Тихонов указывает на то, что «... мы создали самую нелепую из всех, какие только могут быть, хозяйственных систем – государственно-монополистическую экономику» [22].

Солидарен с идеями М. Джиласа известный российский ученый О.И. Шкаратан. Первооснову этатистического бесклассового общества, по его мнению, составляют следующие характеристики: обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть-собственность»; преобладание государственной собственности, процесс постоянного углубления огосударствления; государственно-монополистический способ производства; доминирование централизованного распределения; зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация); милитаризация экономики; сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотнесенных с ними привилегиях; корпоративная система как доминирующая форма

реализации властных отношений, а соответственно иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума; социальная мобильность как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей; отсутствие гражданского общества, правового государства и соответственно наличие системы подданства, партократии; имперский полиэтничный тип национально-государственного устройства, фиксация этнической принадлежности как статуса (при определении ее «по крови», а не по культуре или самосознанию) [23].

На специфику советской системы обращал внимание и испанский социолог пост-марксист М. Кастельс: «в XX веке мы жили, в сущности, при двух господствовавших способах производства: капитализме и этатизме. ...При этатизме контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их аппаратчиками или, по-китайски, лингдао). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этатизм ориентирован на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания» [24].

Идеям М. Джиласа была уготована специфическая судьба, как собственно и самому автору. Его книги впервые появились на Западе и западный мир узнал о них раньше социалистического лагеря.

Стремительное крушение социализма, возникшие конфликты как на территории бывшей СФРЮ, так и на постсоветском пространстве, отодвинули размышления о противоречиях социализма на второй план. Новые государства и правительства искали свои пути адаптации и интеграции в капиталистический мир и теоретические концепции М. Джиласа были не так актуальны. Но вместе с тем они не отошли на второй план, а наоборот, получили новую жизнь в работах социологов-постмарксистов. В современных теориях управления четко видны

параллели идей М. Джиласа с другими концепциями: П. Сорокина о трансформации капиталистического класса в менеджерский, Т. Парсонса о решающей роли в современной экономике управленческого и технического персонала. Именно в этом направлении сегодня активно используется в западной науке понятие «новый класс» введенное М. Джиласом.

Феномен коммуниста Милована Джиласа не просто бунт против системы – это путь человека, для которого истина дороже жизненных благ, положения и даже свободы. Это тот нравственный идеал, который трудно понимается в современном рациональном и конформистском обществе, но все же остается тем образцом, к которому нужно стремиться.

Примечания

1. С 1963 г. страна носила название «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» (СФРЮ).

2. *Кузнецевский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма / *Отв. ред. Ю.С. Новопашин.* М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. – С. 20.

3. Там же. – С. 29.

4. «Самиздат» – способы неофициального и неподцензурного производства и распространения литературных произведений, религиозных и публицистических текстов в СССР. Копии текстов изготавливались без ведома и разрешения официальных органов власти, как правило, машинописным, фотографическим или рукописным способом. «Тамиздатом» назывались запрещённые книги и журналы, изданные за рубежом и нелегальным образом ввезенные в СССР.

5. *Восленский М.С.* Номенклатура. – М.: МП «Октябрь» - Советская Россия, 1991.

6. *Кузнецевский В.Д.* Указ.соч.; *Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1989.

7 *Шкаратан О.И.* Россия как реальность. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. – 2000. – № 2. – С. 63–108; *Дус Сантус Т.* Структура зависимости // Скепсис. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://scepsis.net/journal/issue4/> (дата обращения: 12.03.2016); *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / *пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана.* – М.: ГУ ВШЭ, 2000; *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М.: Европа, 2007; *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и стоки нашего времени / *Пер. с англ. А. Смирнова, Н. Эдельмана.* – М.: Издательский дом «Территориябудущего», 2006; *Baran P.* Political Economy of Growth. – N.Y.

Monthly Review Press, 1967; *Frank A.G. ReOrient*. Berkeley L.A. – London University of California Press, 1998.

8. *Парцвания В.Р. Милова* и *Джилас*: отчуждение от власти // *Экономический журнал*. – 2012. – № 28. – С. 129–139.

9. *Джилас М.* Новый класс. – Нью-Йорк: Изд-во: Фредерик А. Прегер, 1961.

10. Там же. – С. 52–53.

11. Там же. – С. 214–222.

12. *Шкаратан О.И.* Указ. соч. – С. 69.

13. *Джилас М.* Указ. соч. – С. 55.

14. *Джилас М.* Идеология пишет историю // *Континент*: литературный, публицистический и религиозный журнал. 2012. № 151. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151> (дата обращения 12.08.018).

15. *Джилас М.* Новый класс. – С. 69.

16. Там же. – С. 155.

17. Цит. по: *Свобода. Равенство. Права человека / Сост. Л. Богораз*. – М.: Правозащитный центр «Мемориал», 1997. – С. 123.

18. *Джилас М.* Новый класс. – С. 141.

19. Там же. – С. 87.

20. *Джилас М.* Тито, мой друг, и мой враг. – Париж: издательство «Лев», 1982.

21. *Кузнецовский В.Д.* Указ. соч. – С. 90.

22. Там же. – С. 99.

23. *Шкаратан О.И.* Указ. соч. – С. 78.

24. *Кастельс М.* Указ. соч. – С. 38.

Н.Н. Косач (Российская Федерация, г. Темрюк)

БЕЛОВЕЖСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1991 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТОВ)

8 декабря 1991 г. руководители Российской Федерации, Украины и Беларуси подписали в Вискулях (Беловежская пуца) Соглашение о денонсации союзного договора 1922 г. и создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Соглашение объявлялось открытым для всех республик бывшего СССР, а также других государств. Официальным местом нахождения Координирующих органов СНГ был определен Минск [1].

В 2007 г. издан сборник документальных материалов «Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С.Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства». В документах обстоятельно изложены этапы работы, которая велась в ходе перестройки по демократическому преобразованию Союза ССР, а потом – по спасению единства страны [2].

Большое место в книге занимают материалы, относящиеся к драматическим событиям с сентября по декабрь 1991 г. Документы тех месяцев особенно убедительно высвечивают то, как непримиримо и до самого конца боролся М.С. Горбачев за сохранение единства страны. Показательна точность его предупреждений и подтвердившихся предсказаний о катастрофических последствиях распада. Записи о заседаниях Государственного совета с участием руководителей республик дают наглядное представление о том, кто и какие позиции занимал тогда, кто срывал все усилия добиться согласия о единстве страны, как, в конце концов, дело дошло до Беловежской пуцы [3].

Накануне подписания Беловежского соглашения М.С. Горбачев 24 ноября 1991 г. в интервью американскому журналу «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» следующим образом описал реформу Союза: «...Право на самоопределение должно реализовываться не через размежевание или отделение, а через исключительно глубокое перераспределение полномочий, исключительно глубокую реформу Союза, переход от унитарного

государства... к подлинному союзу суверенных государств, в котором каждое государство будет в значительной мере обладать политической, экономической и культурной свободой и будут сохранены те связи, которые сложились за столетия и десятилетия» [4].

Но, несмотря на оптимистические прогнозы М.С. Горбачева, 1 декабря состоялся референдум на Украине, где 90,32 % голосовавшего населения высказались за независимость республики. Л.М. Кравчук был избран Президентом Украины [5].

Из воспоминаний Дж. Буша: «За день до референдума я позвонил Михаилу, чтобы сказать ему, что как демократическая страна мы должны поддерживать украинский народ вне зависимости исхода референдума... Михаила явно не порадовала новость о том, что мы серьезно обсуждаем возможность признания Украины» ... «Похоже, что Соединенные Штаты не просто пытаются оказать влияние на развитие событий, но и прямо вмешаться в их ход», – выразил он свое недовольство. Он заявил, что, хотя большинство республик и провозгласило независимость, это не помешало им участвовать в создании Союза... Очевидно, Горбачев все еще верил, что республики по своей воле останутся в составе Союза [6].

Ясно прослеживается, что недооценивалось влияние и точка зрения Б.Н. Ельцина. Американский президент Дж. Буш так охарактеризовал позицию, противоположную М. Горбачеву: «Примерно через три четверти часа я уже говорил с Ельциным. Его взгляды заметно отличались от взглядов Горбачева. Он попросил меня не раскрывать содержания нашего разговора до тех пор, пока не будут опубликованы итоги референдума» [7].

4 декабря в «Советской Белоруссии» опубликовано интервью В.Ф. Кебича, в котором, в частности, говорится, что приезд Б.Ельцина в Минск должен был состояться 29 ноября. Однако Президент России попросил перенести визит на начало декабря. В начале декабря, перед поездкой в Минск, Ельцин встретился с Горбачевым и сказал, что цель его визита в Белоруссию – двусторонние российско-белорусские переговоры [8].

М.С. Горбачев так вспоминает об этой встрече: «Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время: значит, у

него есть другой план. Поэтому я перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин... сказал, что может встать вопрос о союзе, славянских республик. Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины» [9].

Но 8 декабря 1991 г. в правительственной резиденции «Вискули» в Беловежской пуще руководители трех советских республик подписали соглашение, которое юридически подвело черту под существованием советской империи [10].

Встреча 8 декабря 1991 г. не была неожиданностью для западных политиков из воспоминаний Дж. Буша (41-й президент США с 1989–1993 гг.) следует: «1 декабря украинцы подавляющим большинством голосов – в 90% - поддержали независимость, а Кравчук был избран 62% голосов. Я позвонил 3 декабря и поздравил его. Он сказал, что Ельцин уже звонил ему и подтвердил, что Россия признает Украину. 8 декабря должна будет состояться их встреча для координации политики — как и говорил Ельцин...» [11].

П. Кравченко, белорусский дипломат, в воспоминаниях иронично отмечает сам процесс «прощания с СССР», а точнее как выбиралось место для подписания важного, значимого в истории документа: «Руководители делегаций закончили работу над “Соглашением”».

Сама процедура подписания заняла несколько минут. От прессы были только корреспонденты Белорусского телевидения и информагентства БЕЛТА. Было сделано несколько протокольных фотографий, и на этом официальная часть завершилась [12].

В мемуарах П. Кравченко и в опубликованных воспоминаниях участников встречи заострен один момент. Кто первый из высокопоставленных лиц государств узнал о подписании «Беловежского соглашения»? Все три главных участника сообщают в своих мемуарах о том, что об этом стало известно первому президенту США Дж. Бушу. Из воспоминаний Л.М. Кравчука: «Закончилось это мероприятие, а что дальше? Молча, смотрим друг на друга – нужно о принятом решении сообщать Горбачеву. Но никто не горел желанием разговаривать

с ним. Пауза показалась тягостной. У Ельцина возникла идея сообщить о нашей встрече Бушу. На всякий случай. Приняли это предложение. Ни к кому конкретно не обращаясь, Ельцин вдруг говорит: «Я с Горбачевым разговаривать сегодня не буду». А тут сообщают, что ответил Вашингтон. Дело в том, что мы заказывали Москву и Вашингтон одновременно, но так получилось, чисто по техническим причинам, что раньше удалось связаться с Бушем. Говорил с Бушем Ельцин. Через переводчика. Сообщил о принятом нами решении, рассказал о принципах, которые легли в основу модели будущего содружества. Буш ответил, дескать, дело ваше, мы не вмешиваемся, будем поддерживать ваше решение... Воспринял нашу информацию спокойно. Удивления не выразил» [13].

Из мемуаров Дж. Буша: «8 декабря Ельцин позвонил мне, чтобы рассказать о своей встрече с Кравчуком и Президентом Беларуси Станиславом Шушкевичем. Было, похоже, что Ельцин читал по бумаге заранее заготовленное заявление... «Это соглашение, – продекламировал он, – состоящее из шестнадцати статей, по сути, создает содружество или группу независимых государств». Короче, он только что сказал мне, что они с Президентами Украины и Беларуси решили распустить Советский Союз» [14].

Из воспоминаний Н.А. Назарбаева: «Я пришел к Горбачеву. Через пять минут входит Ельцин. Ельцин сел напротив Горбачева и доложил ему об упразднении Союза: мол, Кравчук иначе не соглашался. А Горбачев спрашивает: «Что теперь будет со стратегическими вооруженными силами? Что будет с гражданством? Что будет с границами? Что будет с остальными союзными республиками?». Ельцин рассердился: «Это что, допрос?». Горбачев смягчился: «Да ладно, садись. Но ты мне скажи, что завтра людям говорить?». Ельцин в ответ: «Я скажу, что займу ваше место»» [15].

В заключение можно констатировать, что изучая материалы сборника документов, прослеживается слабость в позициях тогдашнего руководства страны, его просчеты в политической обстановке. Это связано с идеологической заторможенностью политической мысли, с догматизированными представлениями о сути национальных процессов в XX в., особенно же – с

представлениями, переросшими в самообман. Господствовало убеждение, что национальный вопрос, унаследованный от времен царизма, в принципе решен, а достижения интернационалистской политики таковы, что объективная почва для серьезных межнациональных противоречий исчезла.

Примечания

1. История Беларуси: В контексте мировых цивилизаций. / Под ред. В.И.Голубовича, Ю.М. Бохана. – Минск: Экоперспектива, 2008. – С. 437.

2. Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – С. 8.

3. Союз можно было сохранить// https://www.topbob.ru/bo.php?id=240339_soyuz_mozhno_bylo_sohranit (8.08.2018).

4. Союз можно было сохранить. – С. 386.

5. Там же. – С. 415.

6. Там же. – С. 416.

7. Там же. – С.417.

8. Там же. – С. 421.

9. Там же. – С. 422.

10. Соглашение о создании СНГ ("Беловежское соглашение")// <https://ria.ru/spravka/20111208/508143773.html>

11. *Кравченко П.* Беларусь на распутье, или Правда о Беловежском соглашении. – М.: Вече, 2006. – С. 440–441.

12. Там же. – С. 163.

13. Союз можно было сохранить. – С. 456

14. Там же. – С. 421.

15. Там же. – С. 465

Е.А. Касимова (г. Краснодар, Российская Федерация)

КОНЦЕПЦИЯ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВО СЛАВЯН В КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Внимание к вопросу славянской общности возросло в конце XVIII – первой половине XIX в. и было связано с формированием новой социальной структуры общества, процессом зарождения наций. Народы Австрийской империи жили в кризисных условиях ликвидации феодализма, зарождения и утверждения новых общественных отношений. Возникшие процессы способствовали консолидации новых социально-этнических групп – наций и подъему национально-освободительного движения [1]. В этих условиях и в процессе трансформации идей европейского Просвещения и культурно-философских систем начали выявляться новые тенденции национальных взаимоотношений – дифференциация, сплочение славянских наций, борьба против гнета, за свободу и суверенитет. Тенденция охватывала культурно-просветительское объединение, интернационализации всей жизни общества.

Новые идеи были направлены на взаимное сотрудничество, солидарность, взаимопомощь среди родственных народов. Концепция славянской общности выступала в качестве средства обоснования национальных интересов, самоутверждения наций, позднее – для борьбы за равноправие и суверенитет. Она являлась одним из элементов формирующейся идеологии буржуазного типа, не обладала самостоятельностью, а оценивались в органической связи с социальными устремлениями.

По мере роста национального самосознания укреплялось и понимание этнической самобытности. Поиски и понимание генетического родства, идей культурной общности заняли особое место в общественной мысли и культуре славянских народов Австрийской империи [2]. Факт славянской этноязыковой общности вдохновлял идеологов и активистов национального возрождения. Ссылка на общность выступала дополнительным аргументом в борьбе против угнетения. Быстро развивавшиеся

разносторонние связи между славянскими странами, подъем культурного уровня общества способствовали распространению в народных массах сведений о славянской этноязыковой общности, сознания чувства родства между славянами.

Концепция славянского единства нашла поддержку у ведущих деятелей славянского национального Возрождения. Пробуждающийся интерес к прошлому своего и родственных народов, их языкам, жизненному укладу стало стимулом к научным поискам и открытиям в области славянской лингвистики, истории и литературы. Труды выдающихся ученых, охватывавших научное мышление славянства, способствовали повышению общественного интереса к концепции славянства, культурной близости [3].

Роль деятелей заключалась не только в развитии общенационального самосознания, но прежде всего в его обобщении и критической обработке, приданию определенной национальной окраски. Эпоха духовного возрождения славян и концепция славянского единства открывает многогранные взаимоотношения среди деятелей славянских культур, выдающихся ученых-славистов: В.С. Караджича, Е. Копитара, Й. Добровского, Й. Юнгмана, Я. Чапловича, П. Й. Шафарика, Я. Коллара, Ф.Л. Челаковского, В. Ганки, М. Шашкевича, Я. Головацкого, Ф. Миклошича. Работы деятелей распространяются в широком диапазоне интересов научных трудов и художественного творчества [4].

Также развивались и укреплялись культурные связи представителей чешского, словацкого и южнославянских национальных движений. В конце XVIII в. Й. Добровский расширил круг знакомств со словенскими будителями, вел переписку со многими деятелями и учеными того времени – Водником, Метелко, Дайнко, Копитаром. Украинский ученый Д. Зубрицкий поддерживал связи с Шафариком, Ганкой, Копитаром. Для литературной группы «Русская троица» – М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого контакты со славянскими деятелями имели особое значение. Дружба с прогрессивным чешским литератором Я.П. Коубеком, жившим во Львове, поспособствовала им глубже познакомиться с проблемами славянского национального возрождения и концепцией их

объединения. Их деятельность поддерживали Я. Коллар, Шафарик, Копитар, Зап, Яхим и др. Особое значение для идейного становления «Русской троицы» имело сотрудничество с польскими литераторами и фольклористами – А. Белевским, К. Вуйциницким, Ж. Паули, В. Полем, Л. Семенским, К. Туровским и др.[5].

Новый период в развитии идей славянской общности был связан с деятельностью Й. Юнгмана и его последователей. В ученых кругах начали распространяться проекты создания общеславянского алфавита, Россия была тем ориентиром, где культура славянского народа развивается свободно. Несмотря на утопичность, языковая культурная программа, проникнутая общеславянскими идеями, имела ряд положительных факторов для своего времени.

Научная деятельность Й. Шафарика принадлежала как к словацкой, так и чешской культуре. В своем труде «История славянского языка и литературы» он трактовал словацкую культуру как часть общеславянской. В 1834 г. Шафарик стал редактором журнала «Светозор». Он посылал в Венгрию приглашение на подписку издания. Г. Фейерпатаки-Белопотоцкий, Штур, Килиан занимались активным распространением чешских книг и журналов среди словаков. В 1830-е гг. журнал «Кветы», собравший лучшие образцы чешской литературы, был наиболее популярным среди словацкой публики. Также и некоторые словацкие журналы были положительно приняты в чешском обществе. В их числе журнал «Гронка», альманах «Нитра» [6].

Главное произведение Яна Коллара – поэма «Дочь Славы», призывало к братскому единению славянских народов, которое, по мысли поэта, должно было привести к свободе и осуществлению идеалов человечности. В первую очередь, автор обращал внимание на культурное сплочение. Идеи «славянской взаимности» во многом свойственны черты «национальной утопии», феодальный гнет здесь возможно преодолеть идеями национального братства. Коллар понимал утопичность своих взглядов, несмотря на убежденность в силу выдвинутых идей, относя их возможную реализацию в неопределенное будущее. Призыв к дружбе и согласию, идея общности славян

сопровождались в обществе благородным воодушевлением. Вера в будущее славян была тесно связана с идеями развития общественного прогресса[7]. Просвещение в синтезе с эпохой национального возрождения устремляло общество в будущее. Происходил интенсивный синтез национального языка и письменности, традиций, духовной культуры.

Книгоиздательское дело стало важным фактором укрепления и развития межславянских культурных и научных связей. Многие научные и литературные издания имели подписчиков в соседних славянских государствах. Периодика также была важным источником – широкий круг читателей регулярно знакомился с новинками славянских литератур, освещались события театральной жизни, размещались материалы об изучении славянских языков, истории славян. Взаимная публикация переводов стала дальнейшим важным способом межславянского общения. В большей мере переводились произведения художественной литературы. Связи в сфере науки и образования, культуры дополнялись личными контактами славянских деятелей. Они совершали визиты в славянские государства, знакомились с ведущими деятелями и будителями концепции славянской общности, вели переписки в деловых и дружественных взаимоотношениях [8].

Контакты славянских деятелей имели особое значение и способствовали им глубже познакомиться с проблемами славянского национального возрождения и концепцией их объединения. Такие связи сопровождали развитие общественной мысли и культуры народов и оказывали существенное действие на национальное самосознание. С 1830-х гг. культурные контакты начали укрепляться посредством деятельности тайных кружков и союзов. Подобные организации призывали к укреплению контактов и расширению взаимных знакомств. По мере социального и культурного подъема славянских наций, сотрудничество между славянами развивалось все более интенсивно[9]. В первой четверти XIX столетия в научных кругах начало формироваться славяноведение, которое распространяло и уточняло представления концепции. С научной точки зрения было показано языковое родство славян, наличие близких языковых групп.

Сотрудничество между деятелями славянских народов, которое было характерно для конца XVIII – первой половины XIX в. носило в большей степени литературный и научный характер и влияло на развитие общественного национального сознания. В ходе взаимного сближения народов происходило усвоение их культуры. Это отражается в процессах выработки национальных литературных языков, сотрудничества между учеными и культурными деятелями. Крупные события культурной и научной жизни находили отклик среди славянской общественности. Межславянские связи в пределах и вне Австрийской империи способствовали подъему уровня культурного развития славянских народов. Культурное и общественное движения чешского национального возрождения вызвало поддержку и авторитет среди славян[10].

В условиях внутреэтнических связей происходил процесс кодификации общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах. Издание грамматик и словарей означали крупный шаг для сближения и слияния отдельных локальных этнических групп. Закрепление общенационального языка в литературе стало следствием роста национального самосознания.

Интенсификация культурных связей вызывала у деятелей чувство единой славянской общности. Межславянские культурные и научные связи усиливали свое влияние с каждым десятилетием. Взаимодействие и взаимообогащение родственных культур происходило уже с первой половины XIX в. Специфика таких связей определила многообразие форм и способов усвоения национального культурного достояния [11]. Этим объясняется и своеобразие типологических схождений, поэтапное проявление (сбор и издание памятников народного творчества, создание на основе фольклора художественных произведений, переводы, усиление роли театрального, музыкального и изобразительного искусства, проявление славянской тематики во всех культурных сферах).

Примечания

1. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. – М.: «Наука», 1980. – С.256.

2. Там же. – С. 346.
3. Славянские матрицы: XIX век. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. – Ч. 1–2. – С. 53.
4. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. – М.: Издательство «Наука», 1981. – С. 41, 65.
5. Там же. – С.72.
6. Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков /Под редакцией Д.Ф. Маркова, С.В. Никольского, С.А. Шерлаимова. – М.: АН СССР, 1963. – С.145.
7. Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. – С.53–55.
8. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. – М.: Наука, 1978. – С. 270, 319.
9. Там же. – С. 340.
10. Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – С. 78.
11. Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. – Йошкар-Ола, 1998. – С.142.

А.А. Базай (Российская Федерация, г. Новороссийск)

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Слом советского идеологического дискурса после крушения коммунистических режимов в Восточной Европе привел к высвобождению давно затаившихся националистических концептов, которые на момент своего формирования были подавлены сначала имперским, а затем и советским концептом идентичности. На широких пространствах от Одера и до Уральских гор возникла острая необходимость в оформлении и легитимации вновь появившихся государств. Для этих целей на вооружение были взяты два основных сюжетобразующих концепта, по большому счету, любой идентичности, а именно образы Жертвы и Героя (которые, по сути, не противопоставляются, а скорее находятся в иерархической зависимости друг от друга) [1]. В этой статье автор постарается на примере героического дискурса современной Украины разобраться с методологической основой работы с политическими мифологиями в целом и националистическими, в частности.

Объект исследования можно обозначить как дискурсивный анализ и метод компаративного исследования, а предметом – применение этих методов к исследованию героической мифологии, используемой в процессе построения идентичности.

Для этого нам будет необходимо выделить основные слова-маркеры в исследуемом массиве, сгруппировать их в конкретные мифологемы, выявить структурное сходство между этими элементами. В конечном же счете мы постараемся соотнести полученные результаты со схемой социального конструирования реальности, предложенной П. Бергером и Т. Лукманом [2]. Мы считаем её для себя базовой при работе с проблемами идентичности, так как именно эти авторы первыми наиболее обосновано покончили с примордиализмом в данной исследовательской области, а значит и эссенциализмом, мешавшим рассматривать проблему в её социальной динамике.

Мы попробуем применить дискурсивный анализ к сопоставлению двух героических мифов (кейс «Круты» [3], актуальный для «национально-демократически» ориентированных политиков и кейс «ОУН-УПА», используемый националистически настроенной частью украинского общества) для выяснения механизмов конструирования украинской идентичности. Необходимость выбора именно дискурсивного анализа в работе над разбором механизмов построения идентичности, вызвана тем, что сама эта идентичность является интернализированным продуктом идеологии. А сам дискурс по определению Патрика Серио, является «текстами в полном смысле этого термина произведенными в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [4]. Из этого следует, что, разворачивая цепочку подобных обусловленностей, мы сможем вскрыть и, собственно, их предпосылки. А значит, и разобраться с механикой процесса построения идентичности.

В свою очередь, компаративный аспект работы важен тем, что, по сути, именно в сравнении двух контекстных выражений появляется возможность изучать т.н. *tertium comparationis* [5], иерархически определенную абстрактную категорию, которой является героический дискурс по отношению к конкретным мифам.

Начнем с мифа Крут. Мы рассмотрели массив источников по данной теме, состоящий из научной, учебной, публицистической литературы и выявили три группы слов и словосочетаний, которые можно свести к таким мифологемам как:

1) «Молодая Украина». Появившись впервые в данном контексте у эмигрантского историка И. Нагаевского, такие идеологически окрашенные конструкции, как «молодые горячие добровольцы», «Молодая Украина», готовая положить свои жизни на защиту Отечества, в разных вариациях говорят о «подвиге киевского юношества». В чем прослеживается упор на подчеркивании возраста участников сражения, с целью соотнесения его с процессом становления новой украинской государственности [6].

2) «Украинские Фермопилы» – это более сложный концепт, так как в него входят группы слов, подчеркивающие несколько разных его сторон – жертвенность героического подвига, малое количество защитников, уступающих превосходящим силам противника, не смотря на тактическое поражение, стратегическую важность этого события. Во время похорон на Аскольдовой могиле поэт Н. Зеров, взяв слово, сравнил это событие с подвигом легендарных 300 спартанцев в Фермопильском ущелье. В дальнейшем, данное сравнение стало неизменным атрибутом Крутянской эпопеи [7];

3) «Удар в спину» (т.е. набор сюжетов и эпитетов, характеризующих противопоставление героического подвига простых солдат и не «национальной» власти/командиров). Появление данного нарратива связано с неоднозначностью исхода данного сражения, которая была ясна практически сразу после его окончания. Ещё в феврале 1918 г. возник вопрос, а ради чего погибли эти молодые люди? Брошенные в бой против превосходящих сил красногвардейцев они прикрывали не столицу от продвижения «красных», а бегство правительства Центральной Рады [8]. Известны и факты халатности и предательства непосредственных командиров [9].

Если мы обратимся к мифу героев УПА, то картина будет следующая:

1) «Украина для украинцев». Здесь ведущим является отождествление каждого сторонника национальной государственности с украинской нацией, а через неё и с самой Украиной [10]. При этом остается открытым вопрос, в каком смысле стоит интерпретировать «украинскую нацию»? Как этнический или как политический феномен? Миграция между двумя этими крайностями характерна для современной украинской политической элиты, ввиду лавирования в электоральном и внешне политическом пространствах, в которых ни одна из этих точек зрения не может быть принята без возникновения активного противодействия, как со стороны местных националистов, так и мнения мирового сообщества;

2) «Европейские Фермопилы» – борьба с превосходящими силами «восточных варваров» за судьбу не только своей нации, но и европейской цивилизации как таковой

[10]. Данное выражение не является широко употребляемым, но наиболее точно передает:

- во-первых, суть рассматриваемого феномена, так как в послевоенной украинской историографии (за рубежом) в целях оправдания действий националистического подполья, в обиход входит лейтмотив именно с коммунистической угрозой, что было благосклонно принято по ту сторону «железного занавеса»;

- во-вторых, указывает на идейное наследование эмигрантской межвоенной историографической традиции, активно апеллировавшей крутянским концептом в аналогичной ситуации.

3) «Единый фронт» (тоже, авторская характеристика), которым выступают не только рядовые бойцы, но и их командование [10], что является открытым противопоставлением «национально-демократическим» основам мифа Крут, так как демонстрируемое «единодушие» народных интересов и деятелей националистического движения ярко контрастирует с плохо скрываемым диссонансом значимости Крут и роли в этом событии тогдашнего политического руководства страны.

Выявленные мифологемы можно сгруппировать по принципу задач, на которые они отвечают в процессе формирования идентичности (таблица 1).

Таблица 1

Миф Крут	Миф ОУН-УПА
Экстернализация-объективация	
«Молодая Украина» = молодые герои-защитники	«Украина для украинцев» = все, кто борется за Украину – украинцы / все украинцы борются за Украину
Легитимация через определение «высшей цели»	
«Украинские Фермопилы» – защита украинской государственности	«Европейские Фермопилы» – защита украинскости, в т.ч. и как части европейской/западной культуры.

Интернализация	
«Удар в спину» – отделение идеи национального государства от правительства и других властных структур, создание государственной идентичности.	«Единый фронт» – выделение приоритета нации, перед всеми остальными идентичностными институтами.

Так первый блок в каждом из кейсов, по сути, иллюстрирует процесс объективации центральной идеи идентичности, что в одном случае соотносится с «молодой государственностью», а во втором – националистическим концептом.

Второй блок мифологем наиболее иллюстративно отвечает на вопрос Зачем? – ключевой вопрос в акте легитимации, так как чаще всего ответом на него является выдвижение какой бы то ни было сакральной цели, своим существованием защищавшей искомый концепт. В данном случае речь идет о выстраивании концепта «жертвенного рубежа», отделяющего своих от чужих. В первом случае – украинскую модель государственности от советской, во втором – европейскую украинскую нацию от «восточных варваров».

И наконец, третий блок показывает нам итоговую интернализацию героического образа, в которой репрезентуется конечная, обособившаяся над уровнем конкретных людей идея, будь то идея национальной государственности или всё той же «модерной европейской нации».

Как мы видим, данные мифологемы органично встраиваются в общую схему конструирования идентичности в виде иллюстративного материала отдельных ее положений. Что сопровождается целым комплексом коммеморативных, идеологических и педагогических практик, которые комплексно применяются в соотнесении с другими, в т.ч. и мифологизированным, текстам национальной истории, дополняя друг друга.

Подводя итоги, нам бы хотелось бы сделать ряд замечаний.

Во-первых, применение дискурсивного анализа является актуальным направлением в изучении вопросов идентичности, так как этот феномен, являясь социальным конструктом,

наиболее репрезентативен, если представлен именно в форме текста, результата более общих социальных практик и установок.

Во-вторых, оперируя текстами дискурс-анализ, находится в постоянной угрозе попадания в замкнутый круг односторонних интерпретаций, т.е. постоянного нахождения в одном смысловом поле, и манифестации только в рамках языка одного единственного дискурса. Инструментом преодоления этого может послужить комбинирование дискурсивного исследования с компаративным методом, так как вырабатываемый в нём дискурс является уже не таким монолитным и субъективным, как первоначальные его составляющие. Грамотное совмещение этих методов ведет к повешению объективности исследовательского процесса.

Примечания

1. *Козырев Г.И.* Социальное конструирование образа жертвы в социально-политических отношениях и в конфликте // Вестник РГГУ, Серия «Социология». 2009. №2. – С. 20.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.

3. Битва при Крутах (16 (29).01.1918 г.) – сражение при станции Круты между отрядами УНР (по подсчетам украинских историков, общей численностью около 500 человек, при пушке, нескольких пулеметах и поезде сопровождения) и частями большевиков полковника М. Муравьева (от 3 до 8 тысяч человек, в том числе матросы Балтфлота. В этом сражении погибло от 27 до 300 бойцов УНР (разброс в числе жертв является причиной горячего спора в среде украинских историков), а его результатом стала задержка в продвижении большевиков на Киев, что дало возможность Центральной раде заключить выгодный Брестский мир раньше Советской России.

4. *Серво П.* Анализ дискурса во Французской школе: дискурс и интердискурс // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – М., Екатеринбург, 2001. – С. 58.

5. *Kocka J., Haug H.-G.* Comparison and Beyond: Tradition, Scope, and Perspectives of Comparative History // Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives. – New York; Oxford, 2009. – P. 14.

6. См.: *Шарий І.* Січовики під Крутами (Репортаж учасника бою два місяці після битви під Крутами) // Народня справа. 1918. № 12–13. 13 квітня. – С. 16–21; *Нагаєвський І.* Історія Української держави двадцятого

століття. –Київ, 1993. – С. 102–103; *Іванченко Р.* Історія без міфів. Бесіди з історії Української державності. – Київ, 1996.

7. См.: *Крезуб В.* «Українські Тернопіли»: в десяту річницю бою під Крутами // Літературно-науковий вісник. 1928. Кн. 2. – С. 105–109.; *Фіголь А.* Бій під Крутами // Літопис Червоної Калини. 1931. Ч. 2. С. 2.; *Шандрук П.* Тернопіли–Крути // Гуртуймося. 1934. Ч. 2. – С. 1–2.; *Федюк С.* Крути – українські Тернопіли // Батьківщина. Риміні, 1946. Ч. 3 (16). 29 січня; *Соханівський В.* Ще про Тернопіли і Крути // Свобода. Джерсі-Сіті, 1967. 18 лют.; и др.

8. *Дорошенко Д.* Історія України. – Нью-Йорк, 1956. – С. 256.

9. *Он же.* Война и революция на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. – М.- Л., 1930. – С. 94–95.

10. *Кричевський Р.* ОУН в Україні – ОУНЗ і ЗЧ ОУН. Причиною до історії українського націоналістичного руху. – Львів, 1991; *Чайковський А.С.* Невідома війна. Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима історика. – Київ, 1994. и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Славяне и их соседи в истории международных отношений	5
<i>Матвеев О.В.</i> Результаты русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в оценках современной историографии (некоторые аспекты).....	5
<i>Крючков И.В.</i> Болгария во внешней политике Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. (1878–1908 гг.).....	18
<i>Желобов В.Н.</i> Кубанское казачье войско в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Оценки участников, очевидцев, современников и исследователей.....	30
<i>Масейчук Л.І.</i> Леон Людавік Сапега – выбітны палітык і грамадскі дзеяч XIX ст. Спроба прасапаграфічнай рэканструкцыі.....	41
<i>Захаревич А.В.</i> Донской казачий полк полковника Бегидова 1-го в кампании 1828 г. на Дунайском театре войны с Турцией.....	51
<i>Птицын А.Н.</i> Переселение австро-венгерских славян в Россию как проблема двусторонних отношений.....	61
<i>Иванов А.Г.</i> К вопросу об англо-французских гарантиях Польше в 1939.....	70
<i>Анчев С.И.</i> Балканские, славянские и православные страны в политике Запада в конце XX – начале XXI в.	87
<i>Баранов А.В.</i> Болгарско-российские отношения: сравнительный анализ позиций современных партий и объединений Болгарии.....	98
Раздел II. Вопросы экономического, политического и культурного развития славянских стран	107
<i>Вартаньян Э.Г.</i> Развитие аграрного сектора болгарской экономики после освобождения страны (1870-е гг. – 1920-е гг.).....	107
<i>Козляков В.Е.</i> Славянский вопрос в публицистике Ф.М. Достоевского.....	120
<i>Ракачева А.В.</i> Полонезкёй: славянский «остров» в Османской империи.....	130

<i>Масейчук Л.І.</i> Станаўленне вышэйшай багаслоўскай адукацыі каталіцкай царквы двух абрадаў на Беларусі.....	138
<i>Крючек П.С.</i> Белорусы в Сибири: этапы переселения и проблемы идентичности.....	144
<i>Ракачев В.Н.</i> Из коммуниста в диссиденты: феномен Милована Джиласа.....	154
<i>Косач Н.Н.</i> Беловежская трагедия 1991 г. (по материалам документов).....	167
<i>Касымова Е.А.</i> Концепция славянской общности и сотрудничество славян в культурно-образовательной сфере.....	172
<i>Базай А.А.</i> Героические дискурсы современной Украины: методологический аспект изучения	178

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анчев Стефан – доктор исторических наук, доцент исторического факультета Великотырновского университета Св. Кирилла и Мефодия (г. Велико Тырново, Республика Болгария)

Базай Андрей Александрович – магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Новороссийск, Российская Федерация).

Баранов Андрей Владимирович – профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, доктор политических наук, доктор исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация)

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Российская Федерация)

Желобов Владимир Николаевич – преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училище лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (Военный институт), кандидат исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация)

Захаревич Алексей Владимирович – независимый исследователь, кандидат исторических наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Иванов Александр Гаврилович – профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений (г. Краснодар, Российская Федерация).

Касымова Екатерина Александровна – магистрантка кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Козляков Владимир Егорович – профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного

технологического университета, доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

Косач Надежда Николаевна – учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 2 (г. Темрюк, Российская Федерация).

Крючек Пётр Степанович – доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Российская Федерация).

Матвеев Олег Владимирович – профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ ТК БГНТУ «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар, Российская Федерация).

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Российская Федерация)

Ракачёв Вадим Николаевич – доцент Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация)

Ракачёва Александра Вадимовна – студентка Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Научное издание

**СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
*(к 140-летию Сан-Стефанского мира и Берлинского
конгресса)*

Материалы Международной научно-практической
конференции

Подписано в печать Формат 60×84/16.

Печать цифровая. Усл. печ. ед. 11.8 Тираж 100 экз.

Заказ №